М. Прудников

РАЗВЕДЧИКИ „НЕУЛОВИМЫХ"

М. ПРУДНИКОВ ★ РАЗВЕДЧИКИ «НЕУЛОВИМЫХ»

М. Прудников

РАЗВЕДЧИКИ „НЕУЛОВИМЫХ"

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ» МОСКВА — 1972

Р2
П85

Художник
Г. Г. Бедарев

Прудников М. С.

П85 Разведчики «Неуловимых». М., «Сов. Россия», 1972.

288 с. с илл. на вкл.

Автор — Герой Советского Союза Михаил Сидорович Прудников — в годы Великой Отечественной войны командовал легендарной партизанской бригадой особого назначения — «Неуловимые».

Он известен по его книгам: «Неуловимые», «Неуловимые» действуют» и «Особое задание», а также по кинофильму «Как вас теперь называть», которые хорошо приняты читателями и зрителями.

По просьбе многочисленных читателей М. С. Прудников написал новые документальные повести, связанные общими героями. В этих повестях показаны героические подвиги юных партизан, разведчиков, проявлявших в тылу врага высокие образцы мужества и отваги при выполнении сложнейших заданий командования.

1—12—2
83—72 Р2

От автора

Всем известны слова М. Горького о том, что в жизни всегда есть место подвигу. Однако не всеми учитывается, что подвигу обязательно предшествует упорный труд, что он является результатом высокой идейной убежденности в абсолютной правоте дела, во имя которого совершается.

Партия научила нас ставить общественные интересы выше личных. Когда Родина требует, советские люди по зову сердца идут на самые тяжелые испытания. Эти качества с особой силой проявились в годы Великой Отечественной войны, когда понадобились необычайная твердость духа, несокрушимая воля и полная отдача всех сил для разгрома врага. Мне часто доводилось убеждаться в этом и на фронте и в тылу гитлеровских оккупантов, где я командовал партизанской бригадой «Неуловимых».

Порой слышались среди молодежи, не закаленной в боях, не служившей в армии, такие суждения: «Ну зачем эта муштра? К чему громкие разговоры об учебе, подготовке, тренировке?.. Потребуется — выстоим при любых обстоятельствах». Таким ребятам героизм представляется вспышкой, мгновенно озаряющей жизнь. Они думают, что для подвига совершенно достаточно усилия воли и душевного порыва. Какое глубокое заблуждение! Подвиг — прежде всего, большая работа. Разведчики, космонавты — ведь это не только высокое сознание личной ответственности, верности долгу, а и широкий кругозор, громадные знания, физическая и нравственная закалка. Риск ради риска — это еще не подвиг и даже не признак храбрости. Настоящее мужество сродни упорному труду. До седьмого пота. Трезвый расчет, горячее сердце, самообладание, ясный рассудок, предусмотрительность, находчивость и решительность в самые трагические минуты.

Вспоминая сегодня о героических деяниях людей, с которыми вместе делил все горечи и радо-

сти суровой партизанской жизни, я и теперь поражаюсь, как удавалось им порой находить выход из, казалось бы, совершенно безвыходных положений.

Наша разведчица Оля Светлова должна была установить противотанковую мину на развилке трех дорог. Она положила мину в мешок с сеном, села в сани (дело было зимой) и поехала выполнять задание. На шоссе девушку остановил немецкий патруль. «Куда едешь? Зачем?» Обыск — и конец. В лучшем случае — расстрел на месте; в худшем — пытки, издевательства, а потом расстрел. Мозг работает с лихорадочной скоростью. Минуты... нет, секунды решают: жизнь или смерть. Внезапно приходит дерзкая мысль. Пока гитлеровский солдат ждал офицера, который должен был осмотреть сани, Оля деловито отпустила чересседельник, повод и поставила перед лошадью мешок с сеном — тот самый мешок, в котором лежала мина. Жует лошадь, хрустит сено... Офицер дважды переворошил на санях все, что там было, ничего не нашел и разрешил Ольге ехать своей дорогой.

Какой блестящий пример мужества, находчивости, самообладания! И тут надобно сказать, что находчивость разведчицы возникла тоже не сама собой, она была в известной степени подготовлена: прежде чем отправить Ольгу на задание, начальник разведки разработал с ней различные варианты, как перехитрить врага на тот случай, если в пути остановят фашисты.

Хочется вспомнить еще о подвиге двадцати восьми лыжников-чекистов из батальона, которым пришлось мне командовать в январе сорок второго года во время наступления наших войск под Москвой.

Немецкие войска пытались прорваться к Сухиничам на помощь блокированному там фашистскому гарнизону.

Для осуществления своих целей они намеревались использовать выгодный выступ в линии фронта, образовавшийся в районе деревни Хлуднево. Необходимо было как можно скорее освободить эту деревню. Попытка выбить врага лобовым уда-

ром не увенчалась успехом и привела к значительным потерям. Хлуднево решено было взять внезапным ночным налетом. Для такого дела требовались опытные, обученные смелым и дерзким действиям люди, способные сражаться мелкими группами и в одиночку, умеющие хорошо ориентироваться на местности даже в кромешной темноте. Для решения этой задачи в помощь стрелковому батальону был выделен отряд лыжников-чекистов, многие из которых по нескольку лет прослужили на границе, а с началом войны не раз действовали в тылу врага.

Ночь близилась к концу, когда отряд по перелескам и оврагам вышел на окраину деревни. Из доклада разведчиков командир отряда старший лейтенант Лазнюк знал, что в Хлудневе расквартировано около батальона гитлеровцев. Это был неравный бой. Но часовых сняли без единого звука и налет совершили так внезапно, что почти весь вражеский гарнизон был разгромлен. Однако и отряд понес большие потери. Как быть дальше? Свернуть отряд и попробовать прорваться к темнеющему вдали лесу? Но наступал рассвет. Отходить придется по ровному полю, а это значит, попасть под перекрестный огонь и зря погубить людей. Нет! Лучше занять оборону и уничтожать гитлеровцев до тех пор, пока хватит сил.

По сигналу командира лыжники, перебегая от дома к дому, сосредоточивались на окраине села. Бой разгорался с новой силой. Неожиданно с тыла ударил крупнокалиберный пулемет. Было ясно, что оставшейся в живых горсточке чекистов долго не продержаться. Они отошли к стоявшему на бугре сараю и заняли там круговую оборону.

Фашисты предприняли атаку. Их минометный огонь продолжался до тех пор, пока не рухнула крыша сарая. Через минуту со всех сторон к сараю ринулись гитлеровцы. Но наши бойцы били без промаха, и гитлеровцы вынуждены были залечь. Однако от намерения покончить с обороняющимися не отказались. Они опасливо подползали к сараю и шарахались от него, как только оттуда летела очередная граната. Но силы были неравны. Оборонявшихся оставалось все меньше и меньше.

И вот наступила решающая минута... Заменивший убитого комиссара Лазарь Паперник, увлеченный боем, не заметил, что, кроме него, никто больше не стреляет по врагу.

— Сдавайся, русс! — вопили фашисты.

В ногу впился горячий свинец. Валенок наполнился кровью. Лазарь с трудом удерживался на ногах. Патронов у него больше не было. Осталась одна противотанковая граната. И снова истерический крик:

— Русс, сдавайся!

Прихрамывая, Паперник вышел из развалин и пошел навстречу гитлеровцам.

— Большевики в плен не сдаются! — крикнул он и, отпустив предохранитель гранаты, бросился под ноги фашистам. Раздался глухой взрыв. Вокруг погибшего героя лежали трупы гитлеровцев...

В этом бою было уничтожено более сотни вражеских солдат и офицеров. Родина высоко оценила подвиг лыжников. Все воины отряда были награждены высокими правительственными наградами, а Лазарю Папернику посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

«Пройдут года,— писала об этом бое газета «Правда» 14 февраля 1942 года.— Разрушенная немцами деревня залечит свои раны, кровавые следы немецких захватчиков будут стерты, а память о героических лыжниках сохранится навеки».

Героизм — это и железная дисциплина, и строжайший порядок. Я не раз убеждался в этом на протяжении своей жизни.

В 30-х годах меня, семнадцатилетнего, комсомол направил на речной флот. Плавал я по сибирским рекам на старом буксире всего лишь одну навигацию. Но и за это короткое время матросская рабочая среда научила меня, мальчишку, очень важным вещам: справедливости, умению трудиться и преодолевать, если это нужно, всевозможные лишения и невзгоды. Очень пригодилось мне все это потом, когда год спустя я вступил добровольцем в войска ОГПУ, служил на границе и боролся с басмачами.

Безводье... Пески Кызылкума и Каракума.

Кончились продукты — есть нечего. Остается одно: забивать верблюдов и поджаривать их невыразимо жесткое мясо на саксауле. И драться. И воевать. Воевать жестоко. Жизнь проверяла нас без скидок на молодость.

До сих пор я не могу забыть случай, когда недопустимая расхлябанность одного из нас стоила нам в сложной боевой обстановке очень дорого.

Внезапно появились басмачи. Раздалась команда: «Отделение, к бою! Ручному пулемету открыть огонь». Наш первый номер припал к оружию, нажал на спуск, но выстрела не последовало. С той поры прошло почти сорок лет, но я отчетливо, будто это случилось вчера, помню этот тревожный миг. Мы замерли от неожиданности. Наш пулемет молчал... Мы потерпели поражение. Что же произошло? Пулеметчик — веселый, храбрый парень — после чистки неправильно собрал пулемет, и эта халатность была оплачена кровью и жизнью нескольких товарищей.

А как жестоко приходилось порой расплачиваться тем, кто в партизанской жизни изменял принятым железным законам, позволял себе их нарушать!

Шли два партизанских подразделения. Мокрые, голодные, озябшие, до последней степени измученные люди пробирались лесом в кромешной тьме. Бойцы стали просить командиров разрешить им на привале разжечь костер в укромном местечке — погреться, хлебнуть кипятку. Один командир решительно запретил это делать. Другой оказался мягче, сговорчивее, ему было жаль смертельно уставших ребят, и он позволил им разжечь костер, чтобы немного обогреться.

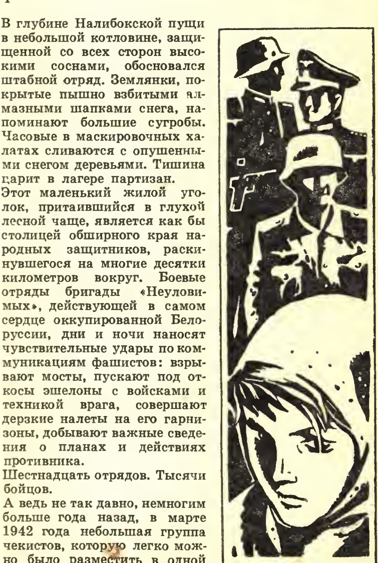
В разговоре между собой некоторые партизаны резко осуждали первого командира, упрекали в излишней строгости, бесчеловечности и очень завидовали своим товарищам, разместившимся вокруг костра с цигарками в зубах. Но прошло немного времени — и артиллерийский шквал разметал во все стороны костер вместе с людьми. «Суровый» же командир в полной сохранности привел свое подразделение в назначенное место.

Дисциплина и подвиг неотрывны друг от дру-

га. В основе успеха всегда строго продуманное, организованное действие. Я бы даже сказал, что глубокая внутренняя дисциплина формирует характер поступка, подвиг героя. Безрассудная же храбрость нередко приводит к бесславной гибели.

...В этой книге я рассказываю о людях, которых хорошо знал по совместной борьбе в глубоком тылу немецко-фашистских войск. Это повести о героической жизни очень молодых, подчас совсем юных партизанских разведчиков, показавших необычайную ловкость и смелость, любовь к жизни и ненависть к врагам в памятные годы, когда весь советский народ поднялся на священную войну с германским фашизмом, грозившим полным истреблением целых народов и уничтожением культуры и цивилизации, накопленных человечеством в течение многих столетий.

1

В глубине Налибокской пущи в небольшой котловине, защищенной со всех сторон высокими соснами, обосновался штабной отряд. Землянки, покрытые пышно взбитыми алмазными шапками снега, напоминают большие сугробы. Часовые в маскировочных халатах сливаются с опушенными снегом деревьями. Тишина царит в лагере партизан.

Этот маленький жилой уголок, притаившийся в глухой лесной чаще, является как бы столицей обширного края народных защитников, раскинувшегося на многие десятки километров вокруг. Боевые отряды бригады «Неуловимых», действующей в самом сердце оккупированной Белоруссии, дни и ночи наносят чувствительные удары по коммуникациям фашистов: взрывают мосты, пускают под откосы эшелоны с войсками и техникой врага, совершают дерзкие налеты на его гарнизоны, добывают важные сведения о планах и действиях противника.

Шестнадцать отрядов. Тысячи бойцов.

А ведь не так давно, немногим больше года назад, в марте 1942 года небольшая группа чекистов, которую легко можно было разместить в одной

хате, под покровом ночи перешла линию фронта и, искусно маскируясь, мастерски заметая за собой следы, начала свой трудный, опасный и героический рейд в глубь захваченной фашистами территории.

С каждым днем эта группа пополнялась все новыми и новыми добровольцами. В нее вступали местные жители, уходившие в леса от произвола и издевательств оккупантов. Приходили военнопленные, которым удавалось вырваться из гитлеровских лагерей смерти. И вот маленький отряд под руководством партийного подпольного райкома и Центра превратился в бригаду — тысячи бойцов не дают покоя фашистам.

В землянке комбрига обсуждают телеграмму только что полученную по радио из Москвы. Бригаде поручается уточнить, какие немецкие эшелоны и с каким вооружением продолжают идти к линии фронта... «Примите меры, чтобы как можно меньше таких эшелонов достигли цели»...

— Наши диверсионные группы действуют как будто неплохо,— сказал комбриг,— но все же надо будет собрать командиров отрядов, поговорить о том, чтобы усилить работу на железных дорогах.

— Ты прав, Василий Михайлович,— согласился комиссар.— Лишний раз напомнить о главном — не повредит.

— А ты как думаешь, Павел Алексеевич? — обратился комбриг к начальнику разведки.

— Я не возражаю,— ответил тот,— но надо предупредить командиров, чтобы на время своего отсутствия они оставили надежную замену. Ни на один день нельзя ослаблять ни разведку, ни диверсионные группы.

— Это само собой разумеется,— кивнул комбриг.

Всю ночь партизанские вожаки составляли планы дальнейших действий. Уже небо на горизонте заалело багряным румянцем, из-за леса показались первые солнечные лучи, когда они собрались прикорнуть на своих постелях из еловых веток, покрытых тюфяками.

— Поаккуратнее ложитесь, товарищи,— предупредил комиссар.— Ноги подальше от печки. Помните, как Агафонов поджарил свои подошвы?..

Ранним утром в штабную землянку, запыхавшись, вбежал дежурный по лагерю:

— На опушке леса с северо-востока показалась неизвестная личность, что-то ищет, высматривает.

— Может, кто-нибудь из наших разведчиков? — спросил комбриг.

— Никак нет! — уверенно ответил дежурный.— Посторонний. Своих знаю по походке, да и все они в маскхалатах, так запросто по снегу никто из наших не пойдет. А этот в гражданском.

— Да, Василий Михайлович, дежурный прав,— раздумчиво произнес начальник разведки Кораблев.— В эти дни я с этого направления никого не жду.

— Немедленно задержать и привести в запасную землянку! — приказал комбриг.

Появление в зоне штабного отряда неизвестной личности вызвало у руководителей бригады чувство некоторой настороженности и беспокойства. Верно, в отряды «Неуловимых» частенько приходили военнопленные, бежавшие из лагерей, местные крестьяне, вырвавшиеся из окружения советские воины. Но обычно они находили путь к партизанам через разведчиков, подпольщиков. А тут...

В запасную землянку в сопровождении партизан вошел молодой человек лет двадцати пяти. Он выглядел измученным, усталым. Бледное, худое лицо, давно не бритые щеки, синяки под воспаленными, очевидно, от бессонницы глазами напоминали о том, что этот парень в потрепанном ватнике и подшитых валенках, заткнутых местами соломой, не первый день странствует по глухим тропам.

Комбриг вывернул побольше фитиль керосиновой лампы и окинул нежданного гостя долгим оценивающим взглядом.

Интересно: что ищет этот голодный человек в лесной чаще? Он тоже хочет мстить захватчикам за поруганную родную землю, за сметенные огнем города и села, за горе, страдания и смерть тысяч и тысяч советских людей? А может быть...

Кто знает! А вдруг это вражеский лазутчик? Бывало ведь, что под личиной бежавшего из лагеря военнопленного фашисты подсылали своих агентов и те приводили за собой в расположение партизан карателей.

— Садитесь,— предложил комбриг, кивнув на пенек, стоявший возле врытого в землю стола, сколоченного из четырех жердей, на которых штабные умельцы закрепили лист фанеры.

— Ничего, я постою,— едва выговорил парень.— Впрочем, если позволите,— несмело сказал он,— я к печке поближе, замерз очень... Холодище адский...— он зябко повел плечами и зажал ладонью рот, пытаясь как-то унять пляшущие во рту зубы.

Парень присел возле «буржуйки», приоткрыл дверцу печки и протянул руки к тлеющей головешке. Тепло охватило его тело, он сразу как-то ожил, на бледном лице промелькнуло даже подобие улыбки.

— Ну, вот и порядок,— с облегчением вздохнул он, потирая застывшие пальцы.

Комбриг не спускал глаз с незнакомца, стараясь угадать в движениях, жестах, во взгляде — кто же он, что привело его в штабной отряд бригады?

— Теперь и умирать не надо,— продолжал парень.— Думал, не доберусь... А у меня дочка... Маринка,— добавил он мечтательно.— Как ей без отца?..

В его голосе прозвучало столько ласки и нежности к своей маленькой Маринке, что комбригу и начальнику разведки захотелось выбросить из головы всякие подозрения в том, не подослан ли этот парень гитлеровцами с провокационной целью.

— Покурить бы,— попросил он, согревшись немного. Он хотел сказать еще, что третий день у него во рту не было и маковой росинки, что последнюю самокрутку он свернул неделю тому назад. Но ничего этого не сказал. Ему трудно было говорить: от усталости, голода...

Начальник разведки угостил парня трофейной сигаретой — на днях партизанам удалось перехватить немецкий обоз.

Тот жадно затянулся табачным дымом.

— Хорошо,— сказал он, глубоко вздохнув.

— Ну что ж,— комбриг подвинулся к нему поближе.— Давайте знакомиться: кто вы, откуда?

На все вопросы парень отвечал сразу, не задумываясь. Был в окружении, попал в плен, жил в лагерях, работал на немецком аэродроме. Что делал? Копал рвы и щели, расчищал посадочные площадки. За непочтительное обращение к конвоиру был зверски избит и отправлен обратно в лагерь. Оттуда его вызволила одна девушка.

— Какая девушка? Как ее зовут? — поинтересовался начальник разведки.

— Не знаю точно, не то Аня, не то Саня.

— Каким же образом она вас освободила?

Оказывается, вот каким...

В первый год войны гитлеровцы разрешали иногда родственникам брать военнопленных к себе вроде бы в гости на день, на два. В один из таких редких счастливых дней к воротам лагеря вместе с другими сердобольными людьми подошла и какая-то молоденькая девушка. Кинулась на шею и стала причитать: «Миленький ты мой, хороший, какой же ты стал!.. Ну пойдем, чайку хоть попьешь, бельишко тебе постираю»... Он смотрел на нее и долго не мог понять, почему столько тепла и заботы обрушила на него совершенно незнакомая девчонка. «Не сон ли это?» Потом догадался: добрая, видно, душа. И он стал обнимать ее и целовать, начал расспрашивать про бабку Анастасию и тетку Марусю, которых никогда у него не было и в помине, и она отвечала ему всякие подробности об их житье-бытье, радостях и печалях, словно они и в самом деле существовали.

— Так вот и вывела она меня из этого ада,— закончил незнакомец рассказ о своем чудесном избавлении.

Потом... Что же было потом?.. Да, да. Потом он прожил несколько дней в подвале полуразрушенного дома. Девушка приносила ему туда то кусок хлеба, то немного вареной картошки, то пшенной каши, все, что только можно было раздобыть. А потом прибежала и велела срочно уходить — ее выследили. Глухими переулками, проходными дворами он ушел из города, бродил по лесам в надежде встретить партизан.

— Вот, пожалуй, и все,— закончил он.

Верить или не верить?

Возможно, что какая-то сердобольная дивчина действительно помогла ему бежать. Все это возможно. Но где гарантия, что все произошло именно так? Ведь не исключено, что этот человек прошел хорошую школу в немецкой разведке и ловко притворяется несчастным военнопленным, возвращенным к жизни какой-то девушкой.

Как поступить с этим парнем, который так тревожно всматривается в лица комбрига и комиссара, словно желая прочесть на них свой приговор.

— Ваша фамилия? — спрашивает комбриг.

— Грибков Николай Иванович.

— Документы.

— Какие документы?

— Какие-нибудь, удостоверяющие, что вы действительно Грибков.

— Я ведь из лагеря. Какие же у меня могут быть документы? Есть у меня, правда, одна бумажонка. Только не знаю уж...

— Что за бумажонка? Покажите.

— Сейчас, сейчас...

Парень вынул из-под стельки валенка бумажку, дрожащими пальцами развернул ее и протянул комбригу.

Фамилия действительно Грибков, Николай Иванович. Но бумага-то, бумага... Очень интересная бумага! Она выдана полицией.

«...Подателю сего оказывать всяческое содействие...»

«Всяческое содействие»?

— Так-так,— многозначительно сказал комбриг, прочитав удостоверение.— Понятно, почему вы не очень-то хотели показывать нам свои документы. Кто и с какой целью направил вас сюда, выдав вам такое удостоверение?

— Что вы!.. Да я...— едва выговорил Грибков, с трудом раскрывая свои мгновенно обсохшие от волнения губы.— Я думал, конечно, что такое удостоверение может вызвать у вас подозрение, но... честное слово... Маринкой своей клянусь!..— Сердце, казалось, готово было вырваться из его груди.

— Правильно думали,— сказал начальник разведки.— Кто же дал вам это удостоверение?

— Да все та же дивчина — Аня или Саня.

— Откуда она его взяла?

— Не могу знать,— ответил Грибков.— Она сказала только: береги получше, с ним ни один фашист тебе не страшен. И верно: сколько ни встречал по дороге немецких патрулей, посмотрят на бумажку, козырнут и битте-дритте — отпускают на все четыре стороны.

Может быть, и в самом деле ему раздобыли у подпольщиков, связанных с полицией, эту охранную грамоту? Немало таких грамот, добытых Лилей Костецкой (о ней речь впереди), охраняют разведчиков «Неуловимых» в самом логове врага. Но то ведь разведчики. Их отлично знают и комбриг, и комиссар, и Кораблев.

А тут совершенно чужой человек. И почему он так неохотно показал свой документ руководителям партизанской бригады?

Это не могло не усилить подозрений.

Аня... Саня...

Кораблев стал припоминать: нет ли среди его помощниц девушки с таким именем?.. Как будто нет... Есть три Ольги, четыре Марии, две Тани, пять Елен и три Нади... Есть Клава, Людмила, Рая... Но Аня? Саня? Нет ни одной. Есть, правда, в одном из отрядов Шура, но Грибков упорно твердил: Аня или Саня.

— Ладно,— как бы подытожил комбриг свои раздумья.— Поживите пока у нас, Грибков, а там посмотрим. Звонцов! — громко окликнул он связного. И когда тот вошел, приказал: — Проводите этого человека в хозяйственную часть. Пусть его там покормят, понятно?

— Так точно, товарищ комбриг,— ответил связной и повернулся к Грибкову: — Пошли!

— Вот еще что я хотел вам сказать! — вспомнил Грибков, поднимаясь с коряги.— Разрешите? — спросил он комбрига.

— Пожалуйста.

— На беловежском аэродроме есть хорошие ребята. Помню, бывало, спят и во сне видят, как бы выбраться из фашистского ада.

— А что за ребята? — поинтересовался начальник разведки.

— Летчики наши,— ответил Грибков.— Сбили их фрицы, кого в воздушных боях, кого из зениток, ну, и попали в плен. Задумали они на немецких самолетах пробраться к партизанам, через линию фронта далеко, рискованно, можно и не долететь, да и свои могут сбить — ведь машины-то с фашистской свастикой. Вот и решили — к партизанам. Но не знают, где садиться...

— И вам известно, кто именно хочет бежать?

— Собирались не то трое, не то четверо. Одного из них хорошо знаю.

— Кто же он?

— Тигран Айрапетян. Этот только мечтой о побеге и живет.

— Спасибо, учтем. Идите отдыхайте.

Весть о летчиках, собирающихся на немецких самолетах вырваться из плена, глубоко заинтересовала руководителей «Неуловимых».

— Любопытно, Павел Алексеевич, не правда ли?— сказал комбриг.

— И не только любопытно, но и очень здорово, Василий Михайлович,— поддержал Кораблев.

— Но при одном условии...

— А именно?

— Если все это правда.

— Разумеется,— согласился начальник разведки.

— Надо бы, прежде всего, многое уточнить,— продолжил свои мысли вслух комбриг.— Во-первых, надо выяснить, допускали ли фашисты на аэродром военнопленных.

— Проверим, Василий Михайлович.

Дверь землянки приоткрылась, и в нее заглянул один из лучших диверсантов-разведчиков бригады Хаджимурат Балоев — высокий, широкоплечий молодой человек с огненным взглядом больших черных глаз.

— Разрешите, товарищ комбриг? — козырнул он.

— А, Хаджимурат, прошу,— пригласил командир бригады.— Как дела, дорогой?

— Лучше всех, товарищ комбриг. Позвольте доложить.

— Слушаю вас, товарищ Балоев, докладывайте.

— Задание выполнено, мост взорван, эшелон с боеприпасами пущен в реку. Личный состав группы жив, все целы и готовы выполнить новое задание командования.

— Поздравляю, Хаджимурат, еще с одной победой. Желаю дальнейших успехов.

Командир бригады встал из-за стола и крепко пожал Балоеву руку.

— Служу Советскому Союзу! — ответил Хаджимурат.— Разрешите идти?

— Одну минуту. Дело есть и очень важное,— остановил его комбриг.— Садитесь, дорогой.

— Слушаю, товарищ комбриг.

— Вот какое дело, товарищ Балоев,— сказал комбриг.— Тут парня одного задержали. Я отправил его на кухню покормить. Парень пока не очень понятный. Надо бы за ним присмотреть. Павел Алексеевич расскажет вам потом все подробно.

— Есть, товарищ комбриг. Можно идти?

— Идите, Хаджимурат.

Через несколько дней были получены сведения, что на беловежском аэродроме действительно работает довольно большая группа военнопленных.

Идея помочь товарищам вырваться из плена, да еще на немецких машинах (если Грибков говорил правду), показалась очень заманчивой. Но как и чем помочь, было пока не ясно. Ясно было лишь одно: для начала необходимо установить связь с пленными летчиками. Но кому поручить такое сложное, ответственное и опасное дело?

Город Беловежск, в котором был расположен немецкий аэродром, имел для гитлеровцев большое стратегическое значение. Здесь пересекались железнодорожные магистрали, связывавшие важнейшие центры Литвы и Белоруссии. Следовавшие на фронт эшелоны с войсками, танками, пушками, боеприпасами обязательно проходили через Беловежск. И вполне естественно, что в этом городе фашисты держали крупный гарнизон, значительные силы гестаповцев, жандармерии, полиции; карательные отряды систематически прочесывали леса, проверяли станции, будки путевых обходчиков. На путях беспрерывно курсировали дрезины с немецкими патрулями. Бдительно охраняли гитлеровцы свои коммуникации.

Пробраться человеку в город, переполненный фашистами, и найти там летчика-армянина совсем не легко и не просто, хотя Грибков довольно подробно нарисовал внешний облик Тиграна Айрапетяна; главная примета — родинка на правой щеке. Для выполнения задания лучше всего подошла бы девушка — смелая, решительная, умная, способная не растеряться даже в самые критические минуты, умеющая быстро ориентироваться в сложной обстановке. Но где взять такую девушку? Начальник разведки перебрал в уме всех известных ему в бригаде девчат, но подходящей кандидатуры для выполнения именно такого своеобразного поручения он не находил.

— Поговорите с Корниловым,— посоветовал комбриг. Корнилов был председателем колхоза. В начале войны он ушел в партизаны, создал небольшой отряд, который влился потом в бригаду «Неуловимых» и теперь дислоцируется неподалеку от Беловежска.— Поговорите с ним, Павел Алексеевич,— повторил комбриг. Возможно, он порекомендует вам кого-нибудь из

своих. Разведка у него как будто поставлена неплохо.

— Пожалуй, это идея, Василий Михайлович,— охотно согласился Кораблев.

2

...Корнилов внимательно выслушал Кораблева.

— Ну что ж,— кивнул он. Потом добавил после короткого раздумья: — Все ясно. Есть у меня такая дивчина. Очень, по-моему, подходящая. И в Беловежске бывала и вообще умница, стоящая девчонка. Карелка она — Александра Вайнонен. Голубоглазая, с виду на арийку смахивает. Немецкий язык знает и к любому фрицу свой подход имеет. Очень советую, Павел Алексеевич,— не ошибетесь. По всем статьям подойдет для такого дела.

Командир отряда нисколько не преувеличивал достоинств своей девятнадцатилетней разведчицы.

Окончив среднюю школу, Шура перед самой войной — в апреле 1941 года — уехала по комсомольской путевке на строительство аэродрома в Брестской области.

Но не прошло и двух месяцев, как лавина немецких танков обрушилась на родную землю. По дорогам Белоруссии плелись с узелками за плечами тысячи, десятки тысяч обездоленных стариков, женщин, детей. С неумолимой жестокостью фашистские самолеты на бреющем полете поливали свинцом обезумевших от ужаса беженцев.

Вместе с другими уходила на восток и семнадцатилетняя Александра Вайнонен. Она мечтала скорее выбраться из охваченной огнем Белоруссии и вернуться в Карелию, домой, к своим. Но это оказалось неосуществимым.

От села к селу шла она, питаясь подаяниями добрых людей, ночуя на сеновалах, в полусожженных избах, покинутых убежавшими в леса крестьянами. Встречались на пути и фашистские патрули и заставы. Ее задерживали, допрашивали. Выручали арийская внешность и знание немецкого языка, который очень хорошо давался ей в школе.

Гитлеровцам нравилось, что эта светловолосая медхен свободно изъясняется на их родном языке, и они отпускали ее.

Измученная, голодная, с трудом добралась Александра до Минска. Незнакомый город. Вернее, уже не город, а только груды кирпича и щебня, зияющие проемы окон в случайно уцелевших стенах; лишь кое-где из труб чудом сохранившихся домов вьется слабенький робкий дымок, напоминая о том, что там еще теплится какая-то жизнь.

Куда деваться? Как жить? Наконец, что есть, где приклонить голову? Совсем одна — ни родных, ни товарищей, ни друзей...

Она слышала, знала, что в лесах появились партизаны. Но как их найти, как к ним пробраться?

А может, попытаться перейти линию фронта? Сотни километров по дорогам, на которых полно немцев. Нет, безнадежно.

Бродит она по безлюдным улицам и закоулкам незнакомого города, еще окутанного дымом пожарищ, и думает, думает, что делать, ищет выход из, кажется, совершенно безвыходного положения.

— Ты что, дочка? — услышала она за спиной приветливый, ласковый голос.

Шура оглянулась. Перед ней стояла пожилая женщина в темном платке, тапочках и стареньком ситцевом платье.

— Что вам?

— А мне ничего. Я тебя, дочка, не первый раз вижу. Боюсь, как бы фрицы тебя не подобрали. Они ведь, знаешь, молодежь без разбору в Германию отправляют. А ты одна, видно, осталась — деваться некуда. Пойдем ко мне, девочка, не обижу. И я одна теперь на всем свете, еле жива. Пойдем, касатка, дочкой будешь. Мою-то... Мою-то,— не договорила незнакомка, и по ее лицу, исполосованному морщинками, тоненькими ручейками побежали слезы.

— А что с вашей дочкой?— взволнованно и участливо спросила Шура.

— Пришли... велели собрать вещи и... увели... Не знаю, где теперь ее и искать. Говорили люди: не ищи — не найдешь, угнали в Германию. А мне все кажется, что она вернется. Все думается, приду домой, открою дверь, а моя Настенька сидит на кушетке и книгу читает. В свободное время она все бывало больше на кушетке и все больше с книжкой... Пойдем, доченька,— продолжала она после горестного раздумья,— вместе коротать

жизнь будем. Может, и дождемся когда-нибудь светлого праздника.

Добрая женщина приютила Шуру в своем ветхом домишке, чудом уцелевшем на окраине города, отвела ей крохотную комнатушку, в которой некогда жила дочь. Женщина по-матерински заботилась о Шуре, делила с ней свои скудные запасы продовольствия.

— Тетя Поля, не могу я больше так жить! — часто с отчаянием твердила Шура своей гостеприимной хозяйке.

— Да полно тебе, дочка,— утешала ее тетя Поля.— Ну чего тебе еще надо? Живи пока живется.

— Поймите вы меня, тетя Поля. Нельзя же мне, молодой и здоровой, сидеть на вашей шее. Стыдно мне, тетя Поля.

И несмотря на уговоры Полины Ивановны, что в такое тяжкое время грешно считаться, что надо «как-нибудь перебиться, пока не выгонят фрицев с родной земли», Шура не пожелала злоупотреблять сердечной добротой и гостеприимством своей случайной знакомой и решила устраиваться на работу.

— Ну куда ты пойдешь, тебя ведь сразу загребут эти ироды! — отговаривала тетя Поля.

— Не знаю. В дворники, в уборщицы, в судомойки, санитарки... Не могу я так больше, не могу...

Но жизнь нарушила эти планы Шуры.

На другой день, когда она собралась пойти в комендатуру с просьбой послать ее на какую-нибудь работу, ей бросилось в глаза объявление. Оно извещало «досточтимых граждан» о том, что, «преисполненные глубоким гуманизмом к людям», немецкие власти разрешают родственникам под их строгую ответственность брать из лагерей «на побывку» на несколько дней военнопленных. Это объявление пробудило у Шуры желание хоть кому-нибудь помочь вырваться из гитлеровского застенка.

Она подошла к лагерю военнопленных. Группа парней, едва волоча ноги, утрамбовывала щебенку под булыжную мостовую, ведущую к лагерю. Не раздумывая, Шура бросилась на шею одному из военнопленных, запричитала, заплакала и под видом ближайшей родни — не то двоюродной сестры, не то невестки — вырвала молодого человека на два-три часа на побывку.

Это и был Николай Грибков.

Куда же его теперь? К тете Поле? Но это... По меньшей мере бестактно привести в чужой дом нового непрошеного гостя. К тому же и Грибков и его «близкая родственница» решили, что ему не следует возвращаться в лагерь. Надо как-то скрыться, исчезнуть, а потом постараться убежать из города, найти путь к партизанам.

— Знаешь что? — предложила спасительница, когда она вместе с Грибковым, пробираясь из лагеря глухими переулками, увидела неподалеку полуразрушенный дом.— Давай-ка сюда, в подвал. Посиди там день-два, я буду тебе приносить чего-нибудь поесть, а потом и убежишь, ладно? Вместе убежим, хорошо?

Так и порешили.

Несколько дней Шура навещала Грибкова. Тайком от тети Поли она урывала от своего и без того скудного рациона долю хлеба, картошки и подкармливала беглеца.

Через два дня на рассвете они договорились бежать из города. Но накануне вечером возле городского сада нашли труп немецкого офицера. Начались облавы, аресты. Всю ночь в городе свирепствовали немцы, переворачивая вверх дном квартиры оставшихся в Минске местных жителей, сгоняя сотни людей во двор занятого гестаповцами двухэтажного особняка. Среди них была и Шура, ее задержали в тот момент, когда она, захватив маленький узелок с продуктами, который участливо собрала ей на дорогу тетя Поля, готовилась уйти в подвал к Грибкову, чтобы вместе с ним покинуть город.

Из окон особняка всю ночь и весь последующий день неслись вопли и крики ни в чем не повинных людей — жестокими пытками палачи пытались вырвать у них признание в убийстве офицера.

— Александра Вайнонен!

Шуру ввели в кабинет следователя, штурмбанфюрера Фердинанда Крайса. Он предложил ей сесть и через переводчика спросил: кто она, где живет, что делает?

— Не будем беспокоить переводчика, господин офицер,— сказала она по-немецки.— Мы можем с вами отлично объясниться и без его помощи.

— О! — воскликнул гестаповец.— Очень хорошо.

Приятно с такой милой девушкой поговорить на родном языке. Вы немка?

— Почти. Мать моя чистокровная арийка,— сказала Шура,— а отец финн.

— Совсем приятно,— улыбнулся штурмбанфюрер.

— Я попала сюда случайно. Приехала к подруге в гости — и вдруг война.

Убедившись, что к вчерашнему убийству в городском саду девушка никакого отношения не имеет, Крайс распорядился освободить ее из-под ареста, но приказал ей немедленно уехать из Минска.

— Сегодня же, либе медхен, иначе могут быть крупные неприятности,— пояснил он.

Не помня себя от счастья, что удалось вырваться на волю, Шура сразу же побежала в подвал в надежде найти там Грибкова. Но его уже не было. В условленном месте (на случай, если им не удастся встретиться) она нашла нацарапанную на клочке оберточной бумаги записку: «Ждал, не дождался, ушел. Прощай. Может, еще когда-нибудь увидимся. Николай».

Снова начались скитания Шуры по дорогам Белоруссии. Из деревни в деревню шла она, питаясь тем, что подадут местные жители.

В селе Мариновичи — километрах в шестидесяти восточнее Беловежска — ее приютили старики пчеловоды. За кров и пищу она ухаживала за их маленькой внучкой, оставшейся от родителей — их угнали в Германию.

Но недолго ей довелось нянчиться с малышом. Через несколько дней вечером пришел полицай и приказал на следующий день утром срочно явиться к старосте.

Всю ночь она не сомкнула глаз. Она слышала, что значит, когда приказывают срочно явиться к старосте. Ее опасения оказались не напрасными. Староста сказал ей:

— Собирай барахлишко, дивчина, и через три часа приходи к церкви на сборный пункт. Справим молебен, и поедешь за границу на новую жизнь.

«Не поеду! — твердо решила про себя Шура.— Сейчас же убегу. В лес, куда угодно, только не в Германию...»

Она, словно оцепенев, стояла у стола старосты и не могла сдвинуться с места. И вдруг услышала вкрадчи-

вый елейный голос сидевшего рядом со старостой невзрачного на вид мужчины лет сорока, в полицейском мундире. Это был начальник районной полиции предатель Юзефович.

— Что, не охота уезжать?

Он смотрел на нее своими колючими бесцветными глазами и, ехидно улыбаясь в свои жидкие, похожие на мышиные хвостики усы, повторил:

— Не охота?

Шура вздохнула:

— Ой, не охота. Выручите, пожалуйста!

— А что ж, может, и выручу...— он окинул девушку оценивающим взглядом.— Ты что умеешь делать?

— Все-все умею.

— И коров доить, и свиней кормить?

— Ого, еще как! — смело ответила Шура, хотя ей никогда в жизни этим не приходилось заниматься — у них не было домашнего скота.

Была еще одна причина, которая вынуждала Шуру произвести на начальника полиции хорошее впечатление. Старики пчеловоды рассказывали ей, сколько горя принес людям этот фашистский прихвостень. У нее возникла мысль: работая у него в доме, отомстить ему за слезы, за кровь, за смерть безвинных людей.

— Ладно,— кивнул Юзефович.— Отвезу тебя на свой хутор — будешь там с моей жинкой хозяйничать.— И приказал старосте: — Спиши эту девчонку на мой счет.

И Шура стала батрачкой.

Жена предателя — могучая, толстая женщина — сказала, когда муж привел Шуру на подворье:

— Ладно, пусть работает, стараться будет — хлеба не пожалею.— И окинула обоих выразительным взглядом: — Ну, а если вы тут вздумаете шуры-муры разводить...

— Да я...— попытался что-то сказать Юзефович.

— А ты молчи, тебя не спрашивают! Больно много на себя берешь. Думаешь, надел кокарду — и кум Гитлеру? Так вы слухайте сюда обои.— И она громко повторила: — Если вздумаете шуры-муры разводить и все такое — ноги повыдергаю и придушу, как котят. Понятно? Ну вот. А теперь вот тебе ведра... Тебя как зовут? — обратилась она к Шуре.

— Александра,— робко ответила девушка.

— Хорошо, Лександра. Принеси воды — и на кухню. Поросятам время полудничать. И сама там поешь с ними, чего бог послал; нынче великий пост, переедаться вредно. Вот скоро воскреснет Христос — дай ему бог здоровья, тогда уж и разговеемся.

...Командир одного из отрядов «Неуловимых» Гордей Корнилов с волнением ждал возвращения группы, посланной на ответственное и опасное задание.

Начальник полиции Юзефович жестоко расправлялся не только с подпольщиками и партизанами, но предавал огню деревни, хутора и села, где жители проявили хоть чем-то свою симпатию к партизанам или поддерживали их. Разведав, что в пасхальную ночь предатель собирается вместе с гостями отметить солидным возлиянием воскресение Христа, Корнилов решил, что настала пора сполна рассчитаться с Юзефовичем, и отправил на его хутор группу боевых парней под командованием Ивана Демченко. Это был веселый парень, шутник и балагур, не терявшийся в самые, казалось, трудные минуты жизни. Донецкий шахтер, он попал в плен в первые месяцы войны. Человек смелый и изобретательный, он умудрился прорыть лаз из барака и вместе с пятью товарищами бежал к партизанам.

...В первый день пасхи к вечеру разведчики, рассчитавшись с Юзефовичем, во главе с Демченко благополучно возвратились на свою базу, расположенную в глухой лесной чаще.

— Полный порядок, товарищ командир отряда,— доложил Демченко.— А ось це, Гордей Степанович, трофей.— И кивнул на вошедшую вместе с ним в землянку Корнилова девушку.

— Это что еще за трофей? — усмехнулся командир отряда и, расправив усы, внимательно посмотрел на Шуру.

— На хуторе Юзефовича в батрачках служила,— пояснил Демченко.— Она помогала нам покончить с гадом, когда гости перепились изрядно, а потом прямо в голос: возьмите меня с собой, не могу я так больше жить. Ну, и привели.

— Раз привели,— добродушно ухмыльнулся Корнилов,— садись, дочка, потолкуем.

Шура присела.

Корнилов сочувственно выслушал ее рассказ о том, что пришлось ей перенести, и спросил:

— А ты что умеешь делать?

— Ничего и все,— ответила Шура.

— Это как же так?

— Очень просто. Ничего еще не умею — не успела научиться. А если надо — все сделаю.

— Вот это да: «если надо — все»... А вот, скажем, ненавидеть ты умеешь?

— Больше чем надо, товарищ командир. Я столько видела всякого...

— Ну вот, а ты говоришь — ничего не умею. Наука ненависти к врагу, самая, пожалуй, главная наука в наших условиях. Стало быть, будем воевать, дочка?

— Будем, товарищ командир! — Шура вытянулась в струнку, по-солдатски приложила руку к виску.

Сперва Шура ходила по ближним деревням, заводила знакомства с местными жителями, привлекала их к подпольной работе, добывала продукты.

Однажды командир отряда пригласил ее для большого разговора.

— Дело есть, дочка,— сказал он.— Прямо скажу, сложное, трудное дело.

Задание действительно было не из легких. Шуре поручалось пробраться в ближайший районный центр и достать хоть какие-нибудь медикаменты. В отряде кончились все запасы: ни одной склянки йода, ни одного бинта, ни одной пачки ваты.

Но где, как все это можно достать?

— Есть в этом городке одна женщина,— объяснил Корнилов,— славная такая женщина, учительница. Адресочек мы тебе дадим, пароль тоже. Документик выправим — что надо. Ну, какой тебе документик понадежнее? Ты ведь битте-дритте по-ихнему что надо. За свою для них вполне можешь сойти... Ладно, сообразим. Приоденем тебя соответственно — и с богом.

Через два дня в районном центре у дверей двухэтажного дома с табличкой «Даю уроки немецкого языка» остановилась девушка в котиковой шубке и белом шерстяном платке. Два длинных и три коротких звонка — и на пороге показалась молодая женщина в вязаной кофточке с косой вокруг головы.

— Вам кого? — спросила она.

— У меня болит зуб.

— Пломбы только из сердолика.

— Жаль, хотелось бы серебряную.

— Входите, пожалуйста,— улыбнулась хозяйка дома, и на ее щеках сразу появились две ямочки, делавшие миловидное лицо еще более обаятельным и приветливым.— Раздевайтесь и не беспокойтесь. Вы здесь в полной безопасности. Я преподаю немецкий язык в школе полицаев, и ученики охраняют мой покой.

Она прошла в комнату и, усадив гостью за стол, заговорщически сказала:

— Сейчас попьем чайку, устали, наверное, с дороги, а потом за дело, идет? Ну, как добрались?

— На перекладных. Немцы услужливо подвозили внучку балтийского барона, случайно попавшую на территорию Белоруссии.

— Ах, вот как! Внучка балтийского барона? Я совсем не рассчитывала, что судьба подарит мне такую именитую гостью. Шпрехен зи дойч?

— Натюрлих,— засмеялась Шура.— А вы как тут живете, Клавдия Андреевна?

— Так и живу пока. Притерпелась и живу. Единственное утешение, что, пользуясь моим положением, могу хоть чем-нибудь помогать нашим... Ну, я сейчас, поскучайте немножко.

Через несколько минут радушная хозяйка принесла чайник, две чашки с блюдцами, несколько ломтиков аккуратно нарезанного хлеба и кусок колбасы.

— Вот это да! — невольно вырвалось у «баронессы».— Да вы здесь живете как цари.

— Ну, цари не цари, а как плохонькие остзейские бароны, пожалуй,— усмехнулась Клавдия Андреевна.— Ешьте, девочка, не стесняйтесь. Хлеб у меня еще есть. Сколько вам лет, «баронесса»?

— Почти старуха.

— А все-таки.

— Целых восемнадцать.

— Боже мой, какая глубокая старость! — с притворным сожалением покачала головой хозяйка дома.— Почти в полтора раза моложе меня. И в такие годы такие испытания! — вздохнула она.— Ну, теперь о деле, рассказывайте.

Выслушав просьбу партизан, Клавдия Андреевна задумалась. Да, конечно. Она поможет. Обязательно. Это, правда, очень трудно. Немцы ввели жесткую норму на продажу лекарств в аптеках, установлен строгий контроль за расходованием медицинских препаратов в

госпиталях, больницах. Но у нее есть знакомые провизоры, врачи, и она надеется, что «баронесса» вернется в отряд не с пустыми руками.

Но, увы!..

— Кто там еще?

— Задержали одну очаровательную медхен с медикаментами. Она называет себя баронессой, господин штурмбанфюрер.

— Баронесса?

Начальник гестапо Фердинанд Крайс приподнялся с кресла, оттянул полы мундира, провел пальцем по усам, змейкой окаймлявшим тонкие губы, и приказал:

— Введите.

— Слушаюсь!

Через минуту унтер ввел в кабинет Крайса девушку в котиковой шубке и белом шерстяном платке. В одной руке она держала узелок, а в другой — бумажку.

— Извините, господин начальник,— сказала она по-немецки.— Произошло, очевидно, недоразумение. Вот мои документы.— Она протянула Крайсу удостоверение личности.

— Возможно,— учтиво ответил он.— Что делать, бывает, подчас даже наши люди не избавлены от ошибок. Бурное, славное время, фрейлейн. Прошу садиться.— Он пригласил ее, и сам опустился в кресло.

Шура настороженно присела на стул и, взглянув в глаза сидевшего напротив штурмбанфюрера, почувствовала, как по всему ее телу пробежала ледяная струя: «Он, он!.. Тот самый... Откуда он взялся? Ведь она встречала его в Минске. Это он приказал ей тогда срочно покинуть город, чтобы избежать крупных неприятностей... Неужели его перевели сюда? Какой ужас!..»

Силой воли она подавила в себе овладевший ею страх и старалась держать себя независимо и непринужденно.

Штурмбанфюрер прочел удостоверение, пронзил девушку колючим испытующим взглядом и, уловив как будто знакомые черты, с некоторой иронией, но еще не совсем уверенно сказал:

— А если я попросил бы вашу светлость несколько сдвинуть платок с головы, вы не сочли бы это бес-

тактным? Мне кажется, что мы с вами когда-то встречались.

— Я очень продрогла, господин штурмбанфюрер,— сказала Шура,— меня слишком долго держали на улице.

— Не смею настаивать,— ехидно улыбнулся Крайс и, склонив голову набок, все пристальнее всматривался в лицо девушки.— Нет-нет, мы определенно с вами знакомы. А что у вас там в узелке?

— Медикаменты. Я купила их для сельской больницы. Люди умирают без лекарств, без медицинской помощи,— решила наступать Шура.— Имею же я право облегчить страдания несчастных, брошенных на произвол судьбы.

— Это очень похвально, дорогая,— сочувственно сказал штурмбанфюрер.— Мне импонируют ваши гуманные чувства, они полностью отвечают всему складу и моей души, уверяю вас. Но вы же знаете, что специальным приказом коменданта частным лицам запрещено вывозить из города медикаменты. Это карается смертной казнью.

Он встал, медленно вынул из кармана портсигар, закурил сигарету, чиркнул спичкой, подошел к Шуре и вкрадчивым елейным голосом добавил:

— Но ваш гуманизм — это одно, а необыкновенная метаморфоза, которая произошла с вами, — дело совершенно другое.

— Я не понимаю, о чем вы говорите...

— Не понимаешь?! — внезапно закричал он и расхохотался. — Карелка становится баронессой! Слушай, карелка, твоя карта бита! Один раз в Минске ты меня обманула, я отпустил тебя, ты подкупила меня тем, что хорошо владеешь немецким языком. Теперь хватит! Признавайся, кто тебя сюда послал и зачем?

— Вы не смеете, я буду жаловаться! — решительно заявила Шура. — Я никогда не была в Минске. Вы не могли меня там видеть. Именем моего отца, остзейского барона Вилли Матулиса, я требую извинения.

— Что, извинения? — еще громче рассмеялся Крайс.— Я вижу тебя насквозь, карелка. Кто тебе дал эти документы? Как ты проникла в наш город, чтобы добыть медикаменты для своих ублюдков? Еще раз напоминаю: чистосердечным признанием ты можешь

спасти свою жизнь. Признавайся: ты из этой банды «Неуловимых», да?

— Каких «Неуловимых»? — возмутилась Шура.

— Каких? Партизан. Ты что, ничего не знаешь о них?

— Первый раз слышу, господин штурмбанфюрер, — не сдавалась Шура. — Мне очень обидно, что вы смеете обвинять меня в каких-то преступных связях с партизанами.

— Довольно разыгрывать из себя святую невинность, — крикнул гестаповец и со всей силой ударил Шуру рукояткой пистолета. Девушка покачнулась и едва удержалась на ногах. — Убрать! — приказал Крайс унтеру, наблюдавшему эту сцену. — Всыпьте этой «баронессе» десяток шомполов и бросьте в камеру — живо заговорит.

Шура очнулась на мокром полу мрачной одиночки. Со стен ручейками стекали струйки воды. Из крошечного оконца, вырубленного под самым потолком, в этот каменный мешок едва проникал свет. Прямо на полу в луже стоял котелок с остывшей баландой и валялся размокший кусок эрзац-хлеба — отруби, перемешанные с опилками.

Каждое движение причиняло страшную боль. Казалось, на всем теле не осталось ни одного живого места. Не выболтала ли она чего-нибудь в забытьи? Как будто нет. Два раза в день ее вызывали на допрос, снова били, и она снова не обмолвилась ни единым звуком о том, кто ее сюда послал, к кому и зачем.

«Да, я сама пробралась в город, сама уговорила аптекаря продать мне немного медикаментов. Почему столько йода, ваты, бинтов? Хотела заработать. Да, заработать. В селах и деревнях нет ни одного порошка, ни одной капли йода. Можно было разбогатеть. А она всю жизнь мечтала о богатстве. Ей надоела бедная, сиротская жизнь. Разве фюрер запрещает людям торговать? Так почему же ее арестовали за это, каждый день бьют, требуют каких-то нелепых признаний в связях с партизанами, о которых она решительно не имеет никакого понятия? Кто ей дал документы о том, что она баронесса? Сама, все сама придумала, все сама сделала, все сама, сама...»

Как глупо все это произошло. Непростительно глупо! И все, конечно, по молодости лет, по неопытности.

Она же видела, что при выходе с черного хода из аптеки за ней по пятам шла какая-то божья старушка в монашеском одеянии. Можно было сразу же вернуться, оставить в аптеке узелок. Но она упрямо продолжала свой путь, надеясь выбраться из города и знакомыми глухими тропками вернуться с ценной ношей в лагерь к своим. И в тот момент, когда, казалось, опасность миновала — позади остался последний домик на окраине города, — ее задержал немецкий патруль. «Баронесса? Зеер гут!.. Но категорически запрещено выносить из города медикаменты. Мы вынуждены препроводить вас в гестапо — там разберутся»...

О, у этого гестаповца Крайса отличная память. Он сразу вспомнил... И как он попал в этот городишко? Ведь он же работал в Минске. Да, но там он был рядовым следователем, а тут — главный начальник. Значит, получил повышение... Значит, выслужился...

Как мучительно переносить эту нечеловеческую боль. Но нет! Все равно она не скажет ни слова. Лучше смерть... Ждать уже недолго. Сколько еще можно выносить такие пытки, такие страдания? Ведь всему есть предел...

И вдруг однажды вечером звякнул запор одиночки, и в камеру заглянула надзирательница — фрау Ева. Эта фрау когда-то преподавала немецкий язык в одной из школ Белоруссии.

— Битте, — сказала она предупредительно и вежливо, — с вещами в общую камеру.

С того дня прекратились допросы, побои. Фрау Ева обращалась со своей новой узницей учтиво, болтала с ней по-немецки о погоде, о литературе. Иногда она приносила ей даже лишний кусок хлеба, а как-то — о чудо! — подарила целых два куска сахара.

Шура долго не могла понять, чем и кому она обязана такой внезапной переменой в отношениях к ней гитлеровских тюремщиков.

— Что случилось, фрау Ева? Почему вы вдруг стали со мной так любезны? — спросила однажды Шура надзирательницу.

— О, майн герц, — улыбнулась Ева. — Некоторые напрасно считают, что мы звери. Это все выдумали красные. Если иногда приходится доставлять арестованным маленькие неприятности, то все это делается только во имя человечности. Немцы вообще по натуре

очень гуманные люди. Ты вскоре сама убедишься в этом, майн либе медхен. Послушай, девочка, хочешь, я тебя совсем освобожу из тюрьмы?

— Вы? Совсем? — не поверила Шура. — Но вы же только надзирательница, вы не имеете права, вам за это здорово попадет.

— Обо мне не беспокойся, майн герц, — успокоила фрау Ева. — Я договорюсь, где нужно и с кем нужно.

— Ну, конечно, хочу.

— Только знаешь что? За это и ты должна оказать мне маленькую услугу.

— Какую? — насторожилась Шура.

— Отдай мне свою шубку.

— Возьмите, — недоуменно пожала плечами Шура. — Но вы ведь и так можете ее отобрать.

— О, майн гот! — всплеснула руками фрау Ева. — Так просто я не хочу. Это нечестно. Услуга за услугу — другое дело. Человек должен быть честным. Я провожу тебя из тюрьмы на улицу, и там, за воротами, когда перед тобой откроется широкая дорога в жизнь, ты отдашь мне свою шубку, согласна?

— Хорошо, — кивнула Шура.

— До завтра, — улыбнулась фрау Ева на прощанье, приветливо помахала ей рукой и послала даже воздушный поцелуй.

Всю ночь Шура не могла уснуть. Что все это значит? Почему ее вдруг вздумали выпустить из тюрьмы? Из-за шубы? Эти варвары вместе с зубами выдирают золотые коронки у арестованных, а шубку отнять им вообще ничего не стоит. В чем же дело?..

— Как вы думаете, тетя Дуся, что это такое, как это понимать? — спросила она лежавшую рядом с ней на покрытых вонючей соломой нарах пожилую женщину, посаженную в тюрьму по подозрению в сочувствии партизанам.

— А шут их разберет! — ответила тетя Дуся и добавила: — Ты, милая, не ломай голову, отдай им шубку за воротами, а там только тебя и видели.

Рано утром со скрипом лязгнул засов на дверях и в камеру заглянула фрау Ева.

— Давай, девочка, с вещами выходи, — сказала она.

Шура накинула шубку, обвязала голову платком, расцеловалась с тетей Дусей, другим соседкам по

камере махнула рукой и — будь что будет! — пошла.

Все было как в сказке. Фрау Ева действительно казалась ей доброй феей. Она проводила Шуру за ворота, сняла с нее шубку и — как трогательно! — набросила ей на плечи телогрейку, правда поношенную, но все же теплую, на вате, и пожелала даже счастливого пути.

— Не поминай лихом, девочка! — крикнула она ей вслед.

Не сон ли это? Идет Шура по улице, смотрит по сторонам и не верит, что вырвалась из каменного мешка на свежий воздух. Нет-нет, этого не может быть! Вот сейчас, наверное, к ней подойдет тот рослый немец, что стоит с автоматом на углу, схватит ее за руки и снова отведет в тюрьму. Или просто вскинет автомат и... прощай, жизнь!

Но удивительное дело — никто ее не трогает, никто будто и не замечает, никому она, видно, не нужна.

Семьдесят дней в фашистском застенке оставили глубокие следы. Ноют рубцы от плеток, голова кружится от голода. Она идет спотыкаясь, еле передвигает ноги. Еще минута-две — и силы совсем покинут ее.

Вот чудом сохранившийся домик. Сквозь промерзшие окна видны края занавесок — значит, здесь есть люди. Постучалась. Дверь открыл седобородый старик в валенках и полушубке — наверное, в доме холодно, топить нечем.

— Тебе что, дочка? — спросил он.

— Пустите, ради бога, боюсь упаду, — едва проговорила Шура. — Я ненадолго. Передохну чуть-чуть — и пойду дальше.

— Время знаешь какое? — проворчал старик. — Ну ладно, заходи уж, так и быть, кормить только нечем.

Не успел старик запереть за Шурой дверь, раздался резкий стук и послышался громкий голос:

— Открывай!

Словно из-под земли у домика вынырнула группа полицейских.

Снова тюрьма, побои... По ночам слезы украдкой, чтобы никто не видел. Врагу нельзя показывать свою слабость. Но ночью можно же дать волю своим чувствам и выплеснуть из глаз хоть крошечную частичку тяжких мучений!

И самое, быть может, страшное, что потрясло ее больше всего, — это гнусная провокация с шубкой.

Шура героически выдерживала в тюрьме все побои и пытки. Сколько ее ни били, ни терзали, сколько ни уговаривали, обещая всевозможные награды и райскую жизнь в Германии, если она сообщит хоть какие-либо сведения о своих связях с партизанами и особенно с «Неуловимыми», она ни одним словом не выдала своих товарищей и друзей. И тогда-то фашисты придумали эту затею с шубкой.

Можно было, конечно, просто выпустить девушку из тюрьмы, выследить, куда она пойдет, очутившись на свободе. Но это казалось слишком примитивным. Самый факт внезапного освобождения из тюрьмы мог вызвать у Шуры какие-то вполне обоснованные сомнения в искренности гитлеровцев, совершивших такой великодушный поступок. Она стала бы очень осторожной, и можно было бы провалить всю операцию. А гестаповцев интересовали сообщники Шуры, и если не удалось ничего выведать о партизанах у нее самой, то фашисты не теряли надежды получить какие-то сведения у ее товарищей-подпольщиков, к которым она, несомненно, сразу же пойдет, как только ее выпустят из тюрьмы.

Иное дело шубка. Гестаповцы рассчитывали, что эта «законная» сделка не вызовет у не очень-то еще опытной разведчицы никаких подозрений.

Так оно и случилось.

Шура все приняла за чистую монету. Выйдя за ворота, она считала себя в полной безопасности и мечтала лишь об одном: скорее выбраться из города и вернуться в свой отряд. Ей и в голову не пришло, что сразу же за тюремными воротами за нею стали следить шпики и полицейские. И стоило ей постучаться в первую же попавшуюся на пути дверь, ее тут же схватили вместе с хозяевами, решив, что они и есть ее сообщники. На допросе всех троих нещадно избивали и потом отправили в тюрьму.

— Не трогайте их, они ни в чем не виноваты! — умоляла Шура, глядя, как жестоко расправлялись со стариками гестаповцы. — Меня бейте, меня! Они тут ни при чем. Я случайно постучалась к ним в дом, потому что валилась с ног...

Невыразимые страдания испытывала девушка от

того, что из-за нее так страдают ни в чем не повинные люди.

Всех троих затолкали в тесную каморку, где сидело уже человек двенадцать.

Два дня их морили голодом, не давая никакой пищи, водили на допросы, снова били, требуя признания в связях с партизанами. Но все было тщетно. Шура решительно отрицала свою принадлежность к партизанам, а старики вообще не имели к ним никакого отношения и от ужаса потеряли дар речи.

Все это происходило в конце декабря сорок второго года.

В ночь под Новый год группа «Неуловимых» под видом бродячих плотников, ищущих заработка, проникла в город и взорвала нефтебазу. Фашисты усилили террор. Из тюрьмы стали группами вывозить арестованных, и они больше не возвращались. В загородном овраге нашли вечный покой сотни загубленных гестаповцами советских людей.

Здесь я вынужден прервать свой рассказ об Александре Вайнонен и сделать короткое отступление.

И вот почему.

Часто возникает вопрос: как же так? Партизаны знали, что в ответ на их смелые боевые действия фашисты усиливают репрессии против беззащитного населения? Да, знали. И всячески стремились ограждать мирных людей от зверств гитлеровских палачей. Где только возможно было, партизаны, готовясь к серьезной операции против оккупантов, выводили предварительно местных жителей в леса, охраняли, защищали их.

Но, разумеется, война есть война. А эта была война не на жизнь, а на смерть. От ее исхода зависела судьба целых народов и государств.

К тому же следует иметь в виду еще одну непреложную истину. Фашисты и без всякого повода старались уничтожить как можно больше советских людей во исполнение чудовищных директив Гитлера. А если нужен был повод — они совершали всяческие провокации. Нередко, например, они сами устраивали пожары, обвиняли в этом мирных жителей и тут же посылали карательные отряды для расправы с людьми, которые

никакого отношения к этим пожарам не имели и единственная вина которых заключалась в том, что они — советские люди.

Чего-чего только не делали гитлеровцы, чтобы создать повод для глумления над мирным населением, для репрессий по отношению к нему.

Немецкое командование организовывало специальные отряды полицейских и посылало их под видом партизан в деревни. Ничего не подозревавшие крестьяне встречали гостей с радостью, делились с ними последним куском. Но буквально через день-два в тех же селах вновь появлялись «спасители», «защитники» — на этот раз другие банды переодетых полицейских. Они тоже требовали хлеба, мяса, картофеля.

— Вчера только были ваши товарищи, мы им отдали последнее, — робко объясняли жители.

— Ах, так! — неистовствовали провокаторы. — Не хотите помогать партизанам? — И начинали избивать людей, вешать, расстреливать...

И это еще не все.

Совершая подобные преступления, фашисты выпускали листовки, в которых извещали граждан, что фюреру известны кровавые злодеяния партизан и он принимает все меры к тому, чтобы защитить от них народ Белоруссии.

Руководители партизанских подразделений, политработники, коммунисты-подпольщики разоблачали подлую ложь, раскрывали коварство гитлеровских грабителей и убийц, но те продолжали свои провокации, изощрялись изо всех сил.

Весной сорок второго года в деревнях Дриссенского района появились написанные от руки на тетрадочной бумаге листовки: «Верьте в скорый приход Красной Армии. Капитан Красной Армии Сизов».

Из уст в уста передавалась эта радостная весть, вызывая у населения горячие симпатии к таинственному капитану. Всем хотелось увидеть героя, пожать ему руку, поблагодарить за добрые слова и надежду, что скоро кончится страшное время и на родной земле вновь настанут мирные счастливые дни.

Как-то группа крестьянок деревни Заборье несла бидоны с молоком в Дисну для немецкого гарнизона. Навстречу им вышел из лесу и преградил дорогу креп-

ко сбитый мужчина среднего роста. Из-под лихо заломленной на бок пилотки небрежно торчали завитки черных волос.

— Куда идете, что несете, бабоньки? — энергично и требовательно спросил он, вынимая из кармана пистолет.

— Молочко в гарнизон, милый, — ответили перепуганные насмерть женщины.

— Молоко? Фрицам? — закричал неизвестный.

— Что ж делать, приказ такой вышел, — оправдывались крестьянки. — Молочко не понесешь — головы не снесешь.

— Предатели вы, изменники — и больше нет ничего. Не смейте больше кормить этих гадов. Есть такое указание из самой Москвы. Это говорю вам я — капитан Красной Армии Сизов. Не слыхали?

Женщины повеселели.

— Как не слыхать! Только и разговору, что о тебе, спаситель. Ну-ну, не гневайся. Куда ж его, молоко-то?

— Валяйте туда, в лесок, ребята примут.

Слух о том, что бабы лично, своими глазами видели известного капитана и даже удостоились беседы с ним, быстро прокатился по всей деревне. Счастливицам завидовали, их забрасывали вопросами: каков он из себя этот Сизов, сколько ему лет, какой у него голос? И когда вдруг нежданно-негаданно грянула беда — за невыполнение приказа о сдаче молока три человека были расстреляны карателями, — все с особым трепетом вспоминали о капитане Сизове, своем единственном, как им казалось, защитнике от произвола фашистов. Жители Заборья послали к нему делегацию в лес, но его там не нашли.

Он исчез. Куда?..

В мае в барсуковских лесах обосновалась крупная партизанская группа «Неуловимых». Однажды к ним пришел человек лет тридцати и попросил провести его к командиру.

— Вы кто? Откуда? — поинтересовался командир.

— Фамилия моя Гомелько. Сам я из Борковичей. Командир Красной Армии. В первые дни войны попал в плен, бежал... Теперь хочу драться с фашистской нечистью.

— Ну что ж! Намерение похвальное...

Гомелько приняли в группу. Он оказался на ред-

кость смелым и решительным. Не прошло и недели — он привез целую бричку немецких гранат. Потом притащил станковый пулемет и два ручных пулемета, найденные, как он утверждал, в Западной Двине. Через день-два он привел несколько своих товарищей, которые с первых же шагов тоже порадовали партизан боевой смекалкой, инициативой. Вместе с Гомелько они быстро привели в порядок вновь приобретенное оружие, пулеметы засверкали, как новенькие. Три исправных пулемета — да это же богатство!

Гомелько попросил разрешение испытать новое оружие. Ему разрешили. Один пулемет он взял себе, а два других вручил своим друзьям. Уйдя поглубже в лес вместе с командиром и группой партизан, Гомелько внезапно повернул пулемет на командира и в одно мгновение сразил его наповал. Несколько человек бросилось к предателю. Но тут Гомелько поднялся и, начальственно взмахнув рукой, крикнул:

— Назад! Я капитан Красной Армии Сизов. Имею по рации сведения, что ваш командир — изменник и послан сюда для подрыва нашего святого дела. Мне приказано распустить вас по домам. Когда нужны будете — позову.

Пока ошеломленные партизаны недоумевали, потрясенные случившимся, Гомелько и его приближенные с пулеметами скрылись в лесу. Через два дня в этом районе появились каратели, распущенные по домам партизаны попали в руки врагов и были казнены.

«Капитан Сизов» долго еще продолжал свое черное дело. Он ездил по деревням, объявлял о создании новых партизанских отрядов. Крестьяне откликались на призыв, приходили к нему. Сизов записывал их имена, место жительства и приказывал возвращаться домой: «Ждите особых распоряжений». Потом он исчезал, а по его следам приходили полицейские, гестаповцы. Они ходили из хаты в хату, вылавливали патриотов, записавшихся в партизаны, и больше никогда никто их уже не видел.

Наконец «капитан Сизов» попал в руки разведчиков «Неуловимых», и его доставили в штаб бригады. Для суда предателя решено было передать соседнему партизанскому соединению под командованием бывшего секретаря райкома партии Герасимова. Именно в районе действия этого соединения Гомелько — Сизов

натворил больше всего бед. Десятки людей поплатились жизнью.

Сизова доставили в штаб Герасимова.

— Так вот вы какой, «капитан Сизов», — сурово сказал Герасимов. — Известны мне ваши дела. А как же ваша настоящая фамилия?

— Гомелько он, товарищ командир, — сказал один из сопровождавших его бойцов.

— Гомелько? — Герасимов насторожился.— У меня в бригаде тоже есть Гомелько. Даже двое — отец и сын. Не ваши ли родичи? — спросил он стоявшего с опущенной головой «капитана».

— Не могу знать, — сухо ответил тот.

— Сын на задании — жаль, — сказал Герасимов.— Попросите-ка сюда Гомелько-старшего, — кивнул он связному.

Через несколько минут в штабную землянку вошел пожилой человек с широкой окладистой бородой, в которой чуть-чуть пробивалась седина.

— Явился по вашему приказанию, товарищ командир.

«Сизов» побледнел.

— Батя! — внезапно крикнул он и бросился отцу в ноги.

— Ты? — старик Гомелько схватился рукой за сердце и прислонился плечом к стене, чтобы не упасть. — Сынок... — шептал он. — Кто же это вызволил тебя из неволи? Где он — этот геройский человек? — Он окинул всех присутствующих ищущим взглядом. — Ну, вставай, сынок, обнимемся, поцелуемся! А я уж тебя похоронил, думал, замучили фрицы.

— Спаси, батя, спаси! — ползал по земле Гомелько, целуя сапоги отца.

Герасимов переглянулся со своим комиссаром, с начальником штаба. Все недоумевали: «О чем говорит старик? О какой неволе? Почему и где его сына могли замучить фрицы?» Никто ничего не понимал. Но загадка вскоре была разгадана.

Старик Гомелько, как и вся округа, знал, слышал, что во многих районах действует предатель, скрывающийся под именем «капитана Сизова», и, конечно, хотел, чтобы его поймали и призвали к ответу. Но он не знал, что под этим именем «работает» его старший сын, которого немцы увели из дому и, по слухам, от-

правили в Германию. Герасимов да и все партизаны его соединения также не знали подлинной фамилии немецкого шпиона и провокатора, совершавшего свои черные дела под именем бежавшего из плена советского офицера.

Узнав правду о любимом сыне, старик метался по землянке, подходил то к Герасимову, то к комиссару, смотрел им растерянным взглядом в глаза, надеялся, что скажут: произошла ошибка.

— Не может того быть... — шептал он.— Да неужели это правда?

— Правда, отец, правда! — твердо сказал Герасимов. — Горькая, очень горькая, но правда.

Старый партизан опустился на лежанку, закрыл лицо руками и сидел так долго-долго, не шевелясь, как бы окаменев, и не проронив ни звука. Сын стоял, отвернувшись к стене.

— Что делать будем, отец? — спросил Герасимов после длительного раздумья.

Старик поднял голову — немощный, разбитый.

— Утром скажу, товарищ командир, — едва проговорил он.

На рассвете Гомелько-отец пришел в штабную землянку. Герасимов поднялся ему навстречу, поздоровался за руку, предложил закурить. При свете коптилки нетрудно было заметить, что за одну ночь человек постарел лет на пятнадцать и борода его почти совсем побелела.

— Просьба у меня, товарищ командир, — сказал он, не замечая, что драгоценный самосад сыплется на землю, мимо свернутой козьей ножки.

— Что за просьба?

— По дороге к вам все думал, думал... Сам народил ирода, сам и...

Герасимов молчал. Молчание это означало согласие с решением старика.

В полдень кончилась карьера «капитана Сизова». В присутствии всех партизан отец — суровый и торжественный — своими руками привел в исполнение смертный приговор, вынесенный предателю народом.

В начале января из камеры вместе с другими вывели Шуру и ее малознакомых стариков. Им прика-

зано было стать лицом к стене тюрьмы, не двигаться и ждать дальнейших распоряжений. Несколько часов коченели на морозе приговоренные к смерти. Потом послышалось фырчание машины, и всем велели лечь в кузов грузовика. Охрана с автоматами спокойно уселась на их телах.

За городом у оврага машина остановилась. Обреченных выстроили в ряд на краю запорошенной снегом глубокой ямы. Раздались короткие очереди автоматов. Шура видела, как рухнули в яму стоявшие рядом с ней старики. Через какую-то долю секунду она широко взмахнула руками и упала вслед за ними. Она почувствовала острую боль в плече. Ей трудно было понять, ранена ли она или просто ушиблась при падении, но, собрав всю свою волю, она старалась не стонать, притворившись мертвой.

Вскоре выстрелы затихли. Не стало слышно и немецкой речи. Заурчал мотор. Шум удаляющейся машины постепенно затих.

Превозмогая боль, Шура с трудом выкарабкалась из могилы и поползла к лесу. Дорогу густо замело снегом. Злой ветер пронизывал все тело, забирался, казалось, в самую душу сквозь старую стеганку, которую дала ей фрау Ева в обмен на котиковую шубку, больно хлестал по коленкам, а она все ползла и ползла, не зная, не ведая, куда и зачем. Где-то в извилинах мозга теплилась надежда, что, может быть, это еще не конец. Бывают же на свете чудеса! Быть может, и сей час произойдет чудо, и она доберется к своим...

И это чудо действительно произошло. В тяжком забытьи, когда с каждой минутой всем ее существом все больше и больше овладевало оцепенение и она начинала уже терять сознание, затухающий взгляд уловил знакомые очертания расстилавшегося перед ней пейзажа. Где-то она видела как будто эту вьющуюся среди густой растительности тропинку. Но где?.. Да это же где-то здесь, в глубине именно вот этой лесной чащи и расположен ее партизанский отряд. И в этот миг она почувствовала, как к ней снова возвращается жизнь. Только бы добраться, только бы не замерзнуть!..

И когда, казалось, она уже была близка к цели, силы окончательно покинули ее. Она свалилась в сугроб и почувствовала, как стынет мозг, останавливает-

ся сердце и вся она как бы погружается в глубокий сон...

— Эх, дивчина, небось замерзла, — услышала она сквозь полузабытье чей-то голос. — А ну-ка, Сергей, подсоби.

— Гляди, Петька! — нагнувшийся над Шурой парень осторожно приподнял ее и посмотрел ей в лицо.— Вроде бы наша Шура... Только она каштановая была, а у этой гляди, сколько седых волос. Целая прядка. И с чего бы такое?..

— Ладно, ладно, с прядками потом разберемся. Потри-ка ее снежком хорошенько, чтобы в чувство пришла, да поживей.

То был партизанский патруль из отряда Корнилова.

— Вот какая она — наша Шура Вайнонен, — закончил свой рассказ Корнилов. — Ну, сперва мы ее в хозяйственную часть, подлечили немного, подкормили по возможности, — едва душа в теле держалась, вся была в синяках, кровоподтеках. Да и смерти смотрела прямо в глаза — это тоже понимать надо. С того случая седина у нее на голове. Поправилась и снова попросилась в разведку. Толковая, смелая дивчина — кремень, — ничего не скажешь.

— Ну что ж, — сказал Кораблев, выслушав Корнилова. — Пришлите ко мне ее, Гордей Иванович, познакомимся, поговорим...

3

— Лейтенант Айрапетян! Эшелон противника следует к фронту. Он находится сейчас вот на этом участке пути, — майор показал на карте. — Вам поручается не допустить вражеские подкрепления к линии огня. Задача понятна?

— Так точно, товарищ майор.

— Вы будете не один, полетите в составе эскадрильи. Но это ваш первый боевой вылет, и мне хочется дать вам дружеский совет: главное — не теряйте бодрости духа, самообладания, уверенности в своих силах. Желаю успеха!

— Разрешите идти? — щелкнул каблуками пилот.

— Идите, лейтенант. Возвращайтесь с победой.

И майор крепко пожал на прощание руку летчика.

Холодный туманный рассвет первой военной осени. Небо хмурое, угрюмое. Словно и оно сердится за то, что в мире нарушен покой. Подхлестываемые сильным ветром, над самой головой пилота стремительно бегут кучевые темно-серые облака. Чем ближе к цели, облака все ниже и ниже прижимают машины к земле. Кажется, еще минута-две — и тяжелый бомбардировщик, наполненный до отказа смертоносным грузом, срежет крыльями верхушки деревьев, вонзится в землю, и далеко вокруг разольется море дыма и огня. Но самолет искусно маневрирует среди облаков, и вскоре перед глазами пилота на горизонте возникает черный дымок, а за ним вытянувшийся змейкой вражеский эшелон. Каждая секунда приближает к цели...

Нажим на кнопку, и Айрапетян видит, что его бомба рвется прямо в тендере паровоза. Внизу, там, где эшелон, видны разрывы бомб, сброшенных с других самолетов эскадрильи. Вагоны громоздятся друг на друга, летят под откос. Горят боеприпасы, рвутся снаряды. Оставшиеся в живых гитлеровцы в панике выскакивают из охваченных пламенем вагонов, ищут защиты в кюветах, канавах, за железнодорожной насыпью...

Когда, казалось, все кончено и можно со спокойной совестью и гордым сознанием выполненного долга возвращаться на базу, в наушниках послышался тревожный голос командира эскадрильи капитана Зарубина:

— «Мессера»!

Тигран много раз слышал это слово во время тренировок. И на картинках он видел эти фашистские истребители, доставлявшие немало бед и горя нашим бомбардировщикам в воздушных боях.

И вот звенит в наушниках взволнованный голос: «Мессера»!..

В голове Айрапетяна застучало: грозная опасность! Как будто даже сердце остановилось на минуту. Но он тут же вспомнил напутствие майора: «Не терять самообладания»... Усилием воли подавил в себе возникшее чувство страха, повернул пулемет в сторону вражеских истребителей.

Сколько же их тут! Ага, один уже горит! Айрапетян с радостью видит, что один из «мессеров», сраженный меткой очередью командира эскадрильи, крутнул-

ся и, охваченный языками пламени, камнем пошел к земле, и вдруг Айрапетян почувствовал острую боль в левой ноге и одновременно услышал, как содрогнулась машина. Падаю! Сердце его сжалось. Еще мгновение. Резкий удар — и самолет фюзеляжем врезался в землю. Айрапетян потерял сознание.

Нестерпимая боль в ноге вырвала его из забытья. Он открыл глаза и увидел бегущих к нему солдат в зеленых шинелях с черными автоматами. Неужели плен?.. Все, конец...

— Гутен таг, то-ва-рищ! — издевательски склонился над ним гитлеровец, пнул сапогом в бок: — Ауфштеен!

Тиграна схватили за руки, волоком протащили по кочковатой земле, бросили на повозку и повезли по тряской дороге. Он вновь потерял сознание. Очнулся в какой-то избе и увидел того же самого гитлеровца, который пнул его сапогом. Гитлеровец направился было к Айрапетяну, но вдруг резко повернулся к выходу, вытянулся, вскинул руку в фашистском приветствии:

— Хайль Гитлер!

— Хайль, хайль! — деловито кивнул вошедший в избу чисто выбритый, выхоленный офицер СС. На его мундире красовался железный крест.

Эсэсовец подошел к Тиграну, что-то сказал ему с мягкой приветливой улыбкой. Пришедший вместе с эсэсовцем переводчик перевел его слова:

— Вас спрашивают: как вы себя чувствуете?

С помощью переводчика шел и весь дальнейший разговор.

— Устали, лейтенант? — любезно улыбаясь, спросил эсэсовец. — Еще бы — прошли такой путь! Садитесь, пожалуйста. Ах, вам трудно? Помогите герр лейтенанту... Вот так, — удовлетворенно кивнул он, когда Тиграна усадили на скамейку.— Надеюсь, будем друзьями, герр лейтенант?

И тут эсэсовец заметил, что возле ног пленного образовалась лужа крови.

— Бог мой, да вы ранены! — он сочувственно покачал головой. Ай-яй-яй! Что же вы сразу мне не сказали? Дежурный! — позвал он. И когда тот вошел, приказал: — Фельдшера, сделать перевязку! И бутылочку шнапса!

Рыжий немец в белом халате забинтовал Тиграну ногу, а вскоре дежурный принес шнапс.

— Битте! — эсэсовец преподнес летчику полный стакан. — Чудесное средство! Оно хорошо притупляет боль и подымает настроение, герр лейтенант.

Тигран залпом выпил, слегка поперхнулся, закашлялся, почувствовал, как мгновенно закружилась голова. И в то же время боль в ноге и в самом деле стала как будто утихать.

— Ну вот, теперь вам будет легче со мной говорить, не так ли? Курите? — офицер щелкнул портсигаром и предложил сигарету.

Тигран закурил.

— Отлично, герр лейтенант. Очень хочу рассчитывать, что ничто не помешает нашей беседе. Итак...

Эсэсовец начал с того, что напомнил Айрапетяну: его жизнь и благополучие находятся исключительно в его собственных руках.

— Если вы будете благоразумны, а я в этом не сомневаюсь, мы сумеем обо всем договориться, герр лейтенант. Всего только несколько пустяковых вопросов...

Тигран насторожился.

— Скажите, лейтенант, откуда, с какой базы вас послали бомбить эшелоны? Много ли там самолетов — штурмовиков, истребителей?

Туман, окутавший голову Тиграна после стакана шнапса, как-то сразу рассеялся.

— Я жду, герр лейтенант!

— Не помню, — ответил Тигран.

— Подумайте, вспомните, — в глазах эсэсовца сверкнул недобрый огонек. — У меня немного времени, лейтенант.

— Совершенно ничего не могу вспомнить.

— Не притворяйтесь идиотом! — заорал эсэсовец, и лицо его исказилось злобой. — Даю минуту на размышление. Вы слышите? Только одну. — И, вынув из кобуры пистолет, положил его перед собой на стол. — Я заставлю вас говорить, если вы не проявите доброй воли.

— Ничего не помню, ничего не знаю, — повторил Тигран.

Эсэсовец наотмашь ударил его кулаком в лицо, сшиб со стула и тут же приказал отправить в лагерь.

В полутемном бараке с крошечным оконцем под самой крышей в четыре ряда были расположены двухэтажные нары, на которых вплотную, тесно прижавшись друг к другу, лежали избитые, изувеченные люди.

Режим невыносимый. Сутками взаперти, под замком, ни капли свежего воздуха. От гноящихся ран и огромной параши — нестерпимое зловоние. Кормили два раза в день баландой — вонючей жидкостью, в которой разве что под микроскопом можно было рассмотреть крупицу пшена, крошечный листик капусты или кусочек картошки. И еще двести граммов хлеба в сутки, эрзац-хлеба из отрубей, перемешанных наполовину с опилками. Медицинской помощи — никакой. Обитатели этого лагеря смерти сами помогали друг другу перевязывать раны. От голода и заражения крови каждый день кто-нибудь умирал. Оставшиеся в живых считали часы, минуты, когда и за ними придет неумолимая старуха смерть.

Но Тиграну Айрапетяну повезло. Крепкий молодой организм преодолел все эти тяжелые испытания. Ему удалось выжить. В начале сорок третьего его перевели в другой лагерь — в Восточную Пруссию. Нога зажила. И с той поры одна мечта неотступно владела всеми его помыслами: бежать, попробовать выбраться любой ценой, быть может, даже ценою жизни.

В этом лагере Тигран подружился с двумя другими пленными летчиками — Остаповым и Минашвили, которых судьба, так же как и его, забросила в Германию. Попали они в плен еще более сложными и трудными дорогами войны. Их подбили во время бомбардировки вражеских транспортов у берегов Норвегии. Из горящих самолетов они спустились на парашютах в море и были захвачены немецким сторожевым катером. Они испили полную чашу страданий в фашистских застенках. Вместе с Тиграном они мечтали лишь об одном — бежать.

Но как?..

В конце сорок третьего года после тяжелых поражений под Сталинградом, на Курской дуге гитлеровская военная машина стала заметно сдавать. Чтобы восполнить как-то потери на фронте, немецкое коман-

дование вынуждено было снимать с тыловой работы солдат и офицеров и отправлять их на передовую. К работе в тылу гитлеровцы начали привлекать военнопленных. Вот тогда-то Айрапетяна, Остапова и Минашвили вместе с десятками других пленных летчиков, штурманов, механиков направили на Двинский аэродром обслуживать немецкую авиацию.

Здесь мечты о побеге приобрели более реальные очертания. Возникла мысль бежать на фашистских самолетах. Но это было делом очень трудным.

Пленных к машинам даже близко не допускали. Они рыли землянки и щели, приводили в порядок стоянки и рулевые дорожки. Чтобы завоевать доверие, понадобилось проявить усердие и прилежание. И когда это доверие было завоевано, Тиграну и его товарищам поручили восстанавливать разбитые маломощные машины.

Теперь счастье казалось и близким и возможным. «Скоро, скоро конец мучениям!» По ночам часто навещали радужные сны. Ух, как ловко удалось обмануть бдительность немецкой охраны! На восстановленных своими руками самолетах они пересекли линию фронта и опустились на свободной от коричневой нечисти родной земле.

Но увы! Это были желанные, но очень жестокие сны. Трезвый расчет подсказал, что на маломощных машинах нельзя без посадки добраться даже до линии фронта. Партизаны ближе, к ним легко долететь. Но где они? Как их найти?

Милая буфетчица Моника! Она помогла связаться с партизанами. Те готовили уже посадочную площадку, сообщили координаты. Наступил долгожданный день.

Но именно в этот день рано утром всю авиачасть внезапно перебросили из Двинска в Беловежск. Рабочую команду отправили на автомашинах.

Близкая надежда рухнула. Но мечта избавиться от плена осталась.

4

Хаджимурат Балоев привел к начальнику разведки Кораблеву миловидную девушку.

— Встретил, Павел Алексеевич.

— Без происшествий?

— Так точно. Ждал на опушке леса у дупла старого клена, как условились.

— Спасибо, дорогой.

— Можно идти?

— Идите, товарищ Балоев.

Хаджимурат козырнул и вышел из землянки.

— Так вот вы какая! — Кораблев окинул девушку приветливым взглядом. — Ну, садитесь, Шура, — так кажется?

— Да, Александра Вайнонен. Меня направил к вам командир нашего отряда Гордей Иванович Корнилов.

— Знаю, знаю. Хочу с вами поговорить. Есть одно сложное дело, Сашенька. Можно вас так называть?

Шура улыбнулась.

— Пожалуйста. Меня мама всегда так называла. Где-то она теперь? — вздохнула девушка. И как-то совсем просто, непосредственно, почти по-детски сказала: — Папа и мама остались дома, в Карелии. И вот уже третий год я ничего о них не знаю — ни одной весточки. У меня есть еще двое братишек — Вася и Коля. Вася уже перешел во второй класс, теперь уже, наверное, в четвертый, а Коля был совсем маленький, теперь, пожалуй, и он уже в школу пошел.

— Скучаете? — спросил Кораблев.

— Некогда. А когда вспомню, конечно...

Шура задумалась. И глядевшему в ее голубые, чистые глаза Кораблеву показалось, что именно такие же или почти такие глаза у его маленькой Светы, оставшейся с матерью на Большой земле.

— Вы знаете немецкий? — спросил он и услышал в ответ:

— Как будто неплохо.

— Это хорошо, Сашенька. Очень хорошо! — повторил Кораблев. — В нашем деле знание языка — превосходная вещь. Но надо быть осторожным.

— Я уже много раз пуганная и смертью не однажды крещенная, ко всему привыкла. Мне ничто не страшно.

— А вот это уже плохо, Сашенька.— Кораблев посмотрел на нее с укором и, встретив ее недоуменный взгляд, добавил: — Да, да, не удивляйтесь. Плохо, и очень! Я вам сейчас все объясню, и вы, полагаю, согласитесь со мной. Видите ли, Сашенька, в чем дело.

Опасность надо всегда уметь предвидеть — тогда легче ее избежать или преодолеть. Если человеком владеет трезвый расчет, чувство самосохранения — это легче сделать. «Ничто не страшно» — можно очертя голову броситься в пропасть, сломать себе шею, провалить дело и потерять жизнь. Вот так, Сашенька. Вы меня поняли?

— Кажется,— подумав немного, ответила Шура.— Спасибо за добрые слова.

Павел Алексеевич подробно объяснил девушке ее боевую задачу: пробраться в Беловежск и установить связь с военнопленным летчиком Тиграном Айрапетяном.

— Значит, мне придется проникнуть как-то на аэродром? — прищурив глаза, в раздумье спросила Шура.

— Вот этого как раз и не следует делать, рискованно, пожалуй, хотя вы и отлично говорите по-немецки, — предупредил Кораблев. — У нас есть сведения, что по воскресеньям некоторых очень старательных пленных комендант отпускает в город на прогулку. Главное место гуляний в Беловежске — площадь возле стадиона. Говорят, что наши летчики тоже там бывают.

— Понятно, — кивнула Шура.

— Приметы Тиграна не очень выразительные: среднего роста, черноволосый, черноглазый, нос с горбинкой. Но есть одна деталь, которая во многом облегчает вашу задачу. На правой щеке у него родинка — это особенно надо запомнить.

— Ясно, — сказала Шура. — Когда отправляться?

— Как можно скорее. Конечная цель — помочь летчикам вернуться на родину, — подытожил Кораблев. — Документы в порядке?

Шура встала, вытянулась в струнку и по-военному отрапортовала:

— Честь имею, переводчица фельджандармерии Марта Вайс. Командирована из Полоцка в Беловежск со специальным заданием.— И протянула Кораблеву отпечатанное на плотной бумаге удостоверение.

Начальник разведки улыбнулся, прочитал удостоверение и, возвращая его Шуре, удовлетворенно сказал:

— Ну что ж, недурно задумано. Желаю успеха,

Сашенька. Учтите только, дорогая, что и переводчице фельджандармерии нужно добраться в Беловежск с большой осторожностью. — И протянул на прощание руку. — Отдохните немного у наших девчат в медчасти — и за дело.

— Есть!

На пути в медсанчасть дорогу Шуре преградил Хаджимурат. Он был не один. Рядом с ним шел его подопечный Грибков.

— Николай! — бросилась к нему юная разведчица. — Жив? А я думала, фрицы тебя поймали.

— Не вышло у них, спасительница ты моя! — Грибков обнял ее и крепко поцеловал. — Спасибо тебе, родная. Никогда не забуду твоего доброго сердца!

Он все еще с удивлением смотрел на нее. Неужели она — та самая Аня или Саня, которая в Минске выручила его из лагеря под видом родственника, которая спрятала в подвале полуразрушенного дома, носила пищу, а потом велела бежать и искать путей-дорог к партизанам.

— Что такое, понимаешь? — подошедший Хаджимурат обжег Шуру нетерпеливым взглядом. — Все обнимаются, понимаешь, а я смотреть должен? Неправильно, незаконно, понимаешь? Позвольте, девушка, и мне вас поцеловать на правах друга вашего друга, тем более, что я встречал вас сегодня.

И, заключив Шуру в объятия, Балоев так крепко прижал ее к себе, что у нее хрустнули кости.

— Ой, раздавите! — смеясь закричала она и выскользнула из объятий пламенного горца.

После этой встречи комбриг, комиссар и начальник разведки окончательно убедились, что Николай Грибков, вызвавший у них немало подозрений, действительно человек честный и пришел он к партизанам с открытой душой и чистой совестью.

5

Грибков работал на кухне и помогал повару Зыбкину из очень скромных запасов продовольствия готовить мало-мальски сытную пищу. Это было трудно и сложно. При всей своей пылкой фантазии Зыбкину не удавалось сочинить богатого меню, но все же он умудрялся как-то накормить бойцов и выдать им кое-

что на дорогу, когда они отправлялись на диверсии или в разведку.

— Так-с, так-с, — говорил он обычно своему новому помощнику. — Что у нас сегодня — отбивные? Суп с клецками? Клюквенный кисель со сметаной? Давай, давай, Коля.

И хотя отбивные оборачивались оладьями из мороженой картошки, а суп с клецками незатейливой похлебкой из отрубей, приправленной перцем и жареным луком, Зыбкин не унывал. В самые тревожные минуты нелегкой партизанской жизни он находил бодрое, озорное слово, веселую шутку, чтобы скрасить свое унылое меню, которым он потчевал бойцов.

— Вы, ребята, не обижайтесь, — говаривал Зыбкин выстроившимся с котелками в очередь к полевой кухне партизанам. — Черной икорки ныне не подвезли — затруднения с транспортом, сами знаете, так что без закусочки придется обойтись. А отбивные зато по-киевски и суп с клецками по-польски — пальчики оближешь...

Грибкову нравился этот добродушный, улыбчивый малый, и он исправно выполнял все его немудреные поручения: чистил картошку, пилил и колол дрова, добывал воду. Именно добывал! Из снега. Колодца не было, рыть его в мерзлом грунте — дело нелегкое. Да и кто знает, как долго придется жить в этих местах. Нагрянут каратели — придется уходить отсюда, искать новое пристанище. Единственное, что угнетало Грибкова, это то, что ему не доверяют оружия и не посылают на боевые задания.

— Подождите, успеется, — уклончиво отвечал начальник разведки, когда Николай просил включить его в боевую группу.

«Не верят. Испытывают, проверяют, — с огорчением думал Грибков. И соглашался с этим. — Ну что ж, пожалуй, правильно. Мало ли что бывает!»

И вот, наконец, радостная встреча с Шурой...

— Ну, дорогой, поздравляю. Поздравляю, дорогой, — горячо жал ему руку Хаджимурат. — Полный порядок в жизни, дорогой, завтра мы с тобой отправляемся на одно важное дело.

Они вышли из землянки покурить и, присев на бревно, завернули самокрутки. Был тихий летний ве-

чер. Где-то пел соловей. Листья деревьев трепетали от легкого ветерка, таинственно перешептываясь между собой. И словно ничто не напоминало о том, что совсем близко бродят каратели, готовые обрушить на лагерь шквал огня и смерти.

— Что такое, понимаешь? — философствовал Хаджимурат. — Почему людям не спится, не лежится, один другого за глотку берет? Посмотри, какая красота кругом. Песни бы только петь... А мы с тобой завтра пойдем не на свадьбу.

— А какая свадьба у меня была! — вспомнил Грибков. — Комсомольская. Во Дворце культуры. А дворец у нас не хуже Большого театра.

— А ты сам-то откуда?

— С Волги я, из Куйбышева. Работал на строительстве монтером. Приехали к нам девчата с Кубани. Одна другой лучше. Вхожу как-то в управление, смотрю, стоит этакая красотка в синем берете, глаза — вишни спелые, громадные такие вишни, прямо не вишни, а сливы — так и горят. Кожа белая, а румянец во всю щеку. Попробовал заговорить с нею — злющая до невозможности. Вот, подумал я, разнесчастный будет человек, кто женится на ней.

— Сам, наверное, и женился?

— Точно.

— Здорово, понимаешь! — расхохотался Хаджимурат.

— Ну, и свадьбу сыграли во Дворце культуры, — продолжал Грибков. — Подарки, музыка, ключи от однокомнатной квартиры — оба мы были ударниками, стахановцами.

— Ну, а потом?

— Что потом? Ворох счастья: родилась Маринка.— И Грибков улыбнулся так, что, казалось, в одном этом имени слились для него все радости, какими только способна одарить человека жизнь.

— Никогда не забуду, как она потянулась ко мне на прощанье, когда уходил на войну. Кричит: «Не надо, папка, не надо!» Поди объясни четырехлетнему пацаненку, что «надо». Кричит «не надо!», и все тут. Так вот и стоит она перед моими глазами с протянутыми ручонками, со слезами на глазах.

Грибков замолчал.

Хаджимурат помедлил немного и сказал:

— Вот за твою Маринку мы и пойдем с тобой завтра палочку ставить.

— Это какую же такую палочку? — поинтересовался Грибков.

— Важную, понимаешь, палочку, — пояснил Балоев. — Ее у нас тут называют волшебной, хотя никакого волшебства здесь, конечно, нет. Только от палочки этой летят на воздух целые поезда с пушками, танками, фашистами, понимаешь? Я тебе потом всю эту технику расскажу. Сам будешь ставить мины с волшебными палочками, действуют безотказно. И все за твою Маринку, за всех Маринок на земле.

— И у тебя тоже есть дочка? — спросил Грибков.

— Не успел, — вздохнул Балоев. — Была у меня девушка. Какая девушка!.. Посмотрит раз, как говорят русские, — один рубль подарит. Два посмотрит — три рубля. Три посмотрит — сто рублей, понимаешь? Вот какая девушка!..

— С Кавказа ты, видно?

— Из-под самого Казбека, понимаешь, — с гордостью ответил Хаджимурат.— Орджоникидзе город — слыхал?

— Как не слыхать. Знаменитый город. Мы оттуда цветные металлы получали.

— Красавец город! — восторженно продолжал Балоев. — Сидим, бывало, с ней на лавочке в парке, а мимо Терек бежит. Так сильно бежит, шумит, сердится. Он сердится, а нам не страшно, понимаешь? Поднимешь голову, и прямо над тобой висит Казбеги. Могучий, седой Казбеги, понимаешь? Там Казбеги, а тут совсем рядом девушка: глаза — звезды, лицо — белый мрамор, волосы — крыло ворона, а голос такой расчудесный, что ни одна птица в мире не может сравниться с ним. И высоко в небе луна... Полная, круглая, как сейчас. Смотрит на тебя и смеется... — И он вскинул голову. — А теперь, видишь, она не смеется. Не до смеха и ей... Теперь совсем никому не смешно, когда кругом горе...

— Какой уж тут смех! — раздумчиво покачал головой Грибков.

Наступила короткая пауза.

— Послушай, друг! — нарушил тишину Хаджимурат. — Ты не знаешь, почему так получается? Любишь девушку — поцеловать стыдно, а не любишь — пожа-

луйста, целуй сколько угодно, и ничего. Что это такое, как ты думаешь?

— Ну что тебе сказать,— неуверенно начал Грибков. — Наверное, брат, чистая психология. Наука есть такая — от нее вся эта волынка и идет... Стало быть, ты так и не женился?

— Договорились, понимаешь, двадцать девятого в загс, а двадцать второго...

— М-да, — сочувственно кивнул Грибков.— И меня сразу на фронт. И что обидно — повоевать даже не пришлось. Наша часть вскоре попала в окружение — и будь здоров. Думал, конец. Но, видно, пока не судьба с белым светом прощаться...

Из-за леса, как бы крадучись, выплыла черная тучка и закрыла собой лунный свет. Внезапно наступившую темноту пронзили зеленые яркие огни.

— Ракеты! — сказал Хаджимурат.

— Какие? Откуда?

— Это наши ребята салютуют самолету из Москвы, показывают посадочную площадку. Подарки везет, боеприпасы. А может, и весточку из дома. Эх, хорошо бы весточку и от нее...

И Хаджимурат мечтательно затянулся махорочным дымом.

6

Ясный солнечный день. По улицам небольшого белорусского городка Беловежска идет девушка. На ней нарядное шелковое платье, туфли на высоком каблуке, через левую руку переброшена теплая вязаная кофточка. Высокая прическа с седой прядкой, как бы нарочно, для красоты вписанной в копну каштановых волос, кокетливо обрамляет высокий лоб, подчеркивая прозрачную голубизну глаз.

Глядя на ее статную фигуру, горделивую походку, трудно себе представить, что еще вчера она в ситцевом сарафане и грязной стеганке пробиралась глухими нехожеными тропками Налибокской чащи на станцию Муратишки. Незаметно влезла в товарный вагон, заваленный пустыми ящиками и бочками. В одной из бочек из-под сельдей, прикрывшись валявшимся в углу вагона рваным брезентом, она с дрожью в сердце ждала, когда раздастся свисток дежурного, загудит

паровоз, лязгнут буфера и состав порожняка покатится в сторону Беловежска.

Приехав в город, девушка сразу направилась по знакомому адресу.

Милая, чудесная Варвара Степановна! Сколько раз выручала она партизан и подпольщиков в самые трудные минуты, помогала им выполнять сложнейшие задания.

Однажды командованию «Неуловимых» стало известно, что фашисты готовят против них серьезную карательную операцию. Чтобы предотвратить тяжелые последствия этой операции, необходимо было точно знать, что именно замышляют гитлеровцы, когда и каким образом они намерены свои планы осуществить.

Наши подпольщики с помощью друзей, работавших непосредственно в штабе противника (были ведь и такие!), сняли копию этого плана, изобразили его в миниатюре на клочке папиросной бумаги и передали Варваре Степановне для вручения связному «Неуловимых».

Но здесь возникло, казалось, непреодолимое препятствие. Немцы усилили патрульную службу и буквально каждого человека, выходящего за пределы городка, обыскивали самым непристойным образом. Людей раздевали догола, распарывали одежду, исследовали все складки на платьях, пиджаках, брюках. И Варвара Степановна придумала совершенно фантастический способ, чтобы охранить связного от почти неминуемой гибели. Она умудрилась положить комочек папиросной бумаги с планом карателей, завернутый в пергамент, под пломбу зуба. План этот был доставлен в штаб «Неуловимых», и партизаны вовремя отвели свои отряды из опасной зоны.

Варвара Степановна, врач немецкого военного госпиталя, не только оказывала всевозможные услуги советским подпольщикам и разведчикам, но и сама принимала непосредственное участие в диверсионной работе. Это она, когда ее срочно вызвали ночью в гестапо, чтобы оказать первую помощь капитану, у которого внезапно начался сердечный приступ (терапевта поблизости не оказалось), заложила там мину замедленного действия, и на другой день она взорвалась, вызвав панику в логове фашистов.

Варвара Степановна чувствовала себя довольно

спокойно в оккупированном городе. Отличный специалист, она пользовалась у гитлеровского командования авторитетом и полным доверием. Золотые коронки, искусно поставленные коменданту, помогли ей получить надежную охранную грамоту, и никто из местной администрации не имел права ее задержать.

— Заходи, заходи, Шуренок, — приветливо встретила она свою хорошую знакомую. — Ну, и какая же ты чумазая! Откуда? Неужели из преисподней?

— Хуже, тетя Варя, — улыбнулась Шура, сорвав с головы грязную косынку.— Из селедочной бочки.

— С ума сошла! Вечно ты с приключениями. Мину мне привезла для гестаповцев в возу с сеном, а теперь вдруг... Ну, иди умойся и рассказывай.

— Я сейчас, тетя Варя. Только мне очень некогда. Я быстренько, ладно? Тут парня одного найти надо.

— Какого там еще парня? Ты что — замуж собралась?

— Почти.

И Шура рассказала, зачем ей понадобился парень по имени Тигран, которого она в жизни ни разу не видела, и о том, что главная достопримечательность его личности — родинка на правой щеке.

— Найдется ли у вас, тетя Варя, какое-нибудь приличное платьице? — попросила девушка. — Не может ведь переводчица фельджандармерии Марта Вайс показываться на улице в этом протухшем сельдями сарафане.

— Что-нибудь подберу, не беспокойся.

И вот она идет по улице одетая и причесанная аккуратно, и даже изысканно, как и подобает немецкой девушке, которая вышла погулять в воскресный день по улице оккупированного города.

Она подошла к стадиону. Громадный плакат, на котором были изображены два атлета в трусах и майках, в каких-то диких позах рвущихся к мячу, извещал, что сегодня состоится футбольный матч. У ворот стадиона толпились гитлеровская солдатня и офицеры, почти не видно было людей в штатском. Почти всю молодежь немцы вывезли в Германию, а уцелевшим от произвола фашистов местным жителям было не до спортивных развлечений. Лишь стайки босоногих мальчишек, этих извечных болельщиков кожаного мяча, стремившихся проникнуть на трибуны без билетов,

представляли собой гражданское население Беловежска на главной площади города.

Шура присела на скамейку неподалеку от ворот стадиона, вынула пачку сигарет и закурила. До чего противный дым — кислый, удушливый, терпкий!.. И кто только выдумал это зелье! Но с сигаретой во рту чувствуешь себя как-то увереннее, меньше подозрений.

Вот вблизи показалась группа молодых людей в парусиновых брюках и зеленых рубашках. Может быть, тот черненький с усиками и есть Айрапетян?.. И нос как будто с горбинкой... И волосы вьются барашками... Ну, а родинка, родинка?..

Она встала, прошлась мимо парней, пристально всмотрелась в лицо смугляка с черными кудряшками, ища родинку... Нет родинки ни на правой, ни на левой щеке... Не он! Огорченная, она тихо вздохнула, снова села на скамейку, вынула из сумочки зеркальце, пуховку, попудрила нос и снова заскользила беглым взглядом по собирающейся у стадиона толпе...

— Позвольте, баришна! — услышала она вкрадчивый голос и, подняв глаза, увидела рядом с собой румяного унтера в черном парадном мундире со скрещенными костями на рукаве.

«Этого еще не хватало! Что делать? Как поступить? Обидеться? Уйти? А может быть, просто послать ко всем чертям этого наглеца, который без сомнения не прочь поближе познакомиться с хорошенькой девушкой»...

Но какой-то внутренний голос прошептал: «Так нельзя. Это недипломатично. Осторожность прежде всего... Наоборот. Очень хорошо, что этот противный тип подошел. Он может послужить надежным прикрытием, пока она будет искать у проходящих мимо парней родинку на правой щеке».

— О, герр унтер-офицер, битте,— она кокетливо улыбнулась и чуть подвинулась, как бы приглашая его сесть рядом с собой.

— Данке шён, — расчувствовался фашист, услышав родную речь, и опустился на скамейку.

Гитлеровский солдафон не стал терять времени на разговоры о погоде и сразу же приступил к делу. Такой милой и симпатичной фрейлейн, вероятно, скучно, и он хотел бы помочь ей скрасить свое одиночество.

— У меня маленькая комнатушка, не очень шикарная, но зато отдельная. У меня шнапс, ветчина и шоколадные конфеты. Понимаете, фрейлейн?

Фрейлейн все поняла с первого взгляда. Но она очень огорчена, что не может воспользоваться любезностью такого учтивого кавалера.

— У меня жених, к сожалению, — и так глубоко вздохнула, что трудно было не поверить, что она действительно горько сожалеет об этом.

Бравый унтер, однако, не растерялся:

— Я охотно заменю вам вашего жениха!

— И это, к сожалению, невозможно, — Шура притворно, с грустью покачала головой. — Он тоже военный. Оберштурмфюрер. Если он увидит вас рядом со мной... Понимаете.

Да, унтер не мог не понимать, что будет, если оберштурмфюрер заметит его возле своей дамы сердца. Куда только делся его наглый взгляд! Заплывшие маслянистой пленкой глаза как-то мгновенно потухли, он приподнялся, вежливо козырнул, щелкнул каблуками и на прощание робко шепнул:

— Извините, не буду вам докучать, фрейлейн. Но я хотел бы напомнить, что, если герр оберштурмфюрер почему-либо не придет, я буду счастлив видеть такую волшебницу в своем скромном уголке — улица Мицкевича, дом двенадцать.

И немец скрылся в воротах стадиона.

В это время мимо Шуры проходило несколько парней. Одеты они были весьма разношерстно. На ком-то стоптанные башмаки с обмотками и потертые галифе. Кто-то в деревянных ботинках и облинявшей гимнастерке. И среди них один... Сердце даже замерло на минуту. Среднего роста, черноволосый и родинка, родинка на правой щеке!..

Шура поднялась со скамейки, чиркнув спичкой, закурила новую сигарету и, раскачивая бедрами, как обычно делают девицы определенных занятий, подошла к парню с родинкой и как бы невзначай задела его локтем. Он удивленно оглянулся и, уловив призывный взгляд незнакомки, отошел вслед за ней в сторону.

— Вас интересуют девушки, молодой человек? — спросила она, обещающе захлопав своими длинными, накрашенными ресницами.

— Простите, но я не совсем вас понимаю, — растерялся Айрапетян. — Я не умею знакомиться на улице.

Он резко повернулся, хотел уйти, но она тронула его за рукав и совершенно другим тоном сказала:

— Не торопитесь, Тигран. Одну минутку...

Услышав свое имя, он остановился:

— Откуда вы знаете, как меня зовут?

— Об этом потом. Сейчас не время. Пока я хочу вам только передать привет от Николая.

— От Грибкова? — удивленно переспросил Тигран. — Вы знаете Николая? Он жив?

— Да. Я вас ищу, Тигран.

— Зачем?

— Есть серьезный разговор.

Айрапетян подхватил девушку под руку и, не обращая внимания на насмешливые взгляды своих товарищей, отошел с Шурой к ограде стадиона.

— Говорите скорее, — тихо сказал он. — Где Николай?

— С аэродрома его отправили в лагерь, а теперь... В общем, он теперь у своих, но об этом тоже потом.

— Но почему?

— Не место, не время. Он просил узнать, как вы живете.

— Делаю вид, что доволен жизнью, — тяжело вздохнув, ответил Айрапетян. — Поэтому и разрешают иногда по воскресеньям выходить в город.

— Как настроены? О чем мечтаете?

— Лишь об одном. Вам понятно?

— Кажется, — ответила Шура. — Спокойнее, Тигран. Вокруг люди. Если я правильно угадываю ваши мечты, встретимся в следующее воскресенье. Договорились?

— А сейчас, сегодня?

— Не спешите. Такие дела быстро не делаются, Тигран. Вы меня понимаете?

— Кажется...

— Через неделю вон в том переулке, за стадионом. Постараюсь принести вам и новости, и советы, — сказала она.

— Чьи советы?

— Тех, кто хочет вам помочь.

7

«Тех, кто хочет вам помочь»...

Голубоглазая девушка вновь разбудила в нем угасавшие надежды. Бессчетное количество раз Айрапетян повторял про себя эту фразу, когда таинственная незнакомка скрылась за поворотом.

«Тех, кто хочет вам помочь»...

Эти слова преследовали Тиграна и днем на работе, и ночью, когда он лежал без сна на своем продавленном соломенном тюфяке.

Никогда еще неделя не тянулась так долго. Она казалась бесконечной.

Кто же они — те, кто хочет ему помочь? Вероятно, партизаны. Они уже однажды хотели помочь и ему и его друзьям Василию Остапову и Ираклию Минашвили вырваться из фашистского ада. Но тогда внезапная переброска на новый аэродром помешала этому.

С первого же дня пребывания на новом месте Тигран и его товарищи искали новых связей с партизанами, новых друзей. Они присматривались к здешним буфетчицам, уборщицам, пытались уловить в их взглядах выражение хотя бы сочувствия к своим затаенным мечтам. Все ждали, надеялись, что, быть может, и здесь найдется другая Моника, которая озаботится их судьбой и поможет им. Ведь трудно человеку без мечты, без надежды. Без них не только трудно жить, но даже и умирать. И вдруг — эта девушка, привет от Николая Грибкова и ее волнующие слова.

В душе Тиграна надежда вспыхнула с новой силой.

— Ты что такой? — допытывался Минашвили, заметив на лице друга необычное волнение.

— Скоро узнаешь, Ираклий, — отвечал Тигран.— Помнишь тогда, у стадиона?

— Влюбился?

— Хуже, больше, лучше, Ираклий! — Тигран никак не мог подобрать подходящего слова, чтобы выразить свои чувства.

— Зачем загадки загадывать? Говори, в чем дело.

— Сейчас рано. Подожди немножко. Может, через неделю у нас будут большие и приятные новости.

— Неужели? — смутно догадываясь о чем идет

речь, спросил Минашвили. — Твоими бы устами,— глубоко вздохнул он.— Неужели когда-нибудь и на нашей беспросветной улице будет праздник?..

8

Еще раз в бочку из-под сельдей?

Нет, пожалуй. Правда, бочка здорово выручила однажды. Но кто знает, что может случиться, если...

Не надо повторяться. Нельзя же думать, что на станции Муратишки снова будет стоять состав порожняка и снова удастся так ловко провести железнодорожную охрану гитлеровцев и уже изведанным путем проникнуть в Беловежск на второе свидание с Тиграном.

И начальник разведки Кораблев говорил на прощание:

— Не стоит, Сашенька, в одной бочке дважды испытывать судьбу. Она ведь, знаешь, может и подвести. В Беловежске — не возражаю — оставайся важной барышней, переводчицей из фельджандармерии. А добираться в город попробуй пешочком, по пути, может, кто и подвезет. Легенда[1] у тебя скромная: идешь навестить больную тетку, так и в документе сказано за подписью и печатями. И смотри — мыло, мыло береги. Больной тетке очень нужен кусок мыла. Лежит в тифу, постирать нечем...

Она шла по обочине дороги в стареньком ситцевом платье и белой косынке, повязанной узлом на затылке, крепко сжимая в руках небольшой мешочек: кусок хлеба, несколько картошек, щепотка соли — щедрый дар повара Зыбкина в далекий путь. И самое главное — брусочек мыла, в котором был искусно вложен клочек пергамента с планом посадки Тиграна и его товарищей на партизанском аэродроме — небольшой полянке, затерянной в глухой чаще леса.

До ее слуха донесся шум приближающейся машины. Она вздрогнула и повернула голову. Вслед за ней быстро мчался немецкий военный автомобиль. Быстро забилось сердце, и застучало в висках. «Сойти в канаву? Переждать?» Но ее, возможно, заметили. Что она

[1] Легенда — вымышленные для разведчика его биографические данные.

скажет, если немцы не проедут мимо, а поинтересуются ею, спросят, почему спряталась? Испугалась? Зачем пугаться человеку, если он не чувствует за собой никакой вины?..

Пока в ее мозгу проносились все эти мысли, машина с гитлеровцами уже почти настигла ее.

«Прятаться? Ни в коем случае!» — твердо решила она, круто свернула на дорогу и подняла руку, преградив путь «оппелю».

Шофер затормозил. Тотчас же щелкнула дверца кабины и из нее выглянул капитан.

— Вас ист дас? Почему остановил? Почему задержал? — окинул он девушку испепеляющим взглядом.

Шура всхлипнула, размазывая кулаком по лицу сбегавшие из глаз по щекам слезы.

— Горе у меня, господин хороший,— сказала она. — Тетка помирает, живет одна, письмо прислала, просит навестить ее перед смертью...

— Документы! — потребовал капитан.

Шура полезла за пазуху, вынула оттуда завязанное в тряпочку удостоверение и протянула офицеру.

— Тетка помирай, так-так, — кивнул он. — Что тебе надо?

— Подвезите, пожалуйста! — взмолилась Шура.— Вон сколько уже иду — ноги отваливаются. Всю жизнь бога за вас молить буду.

— Бог — это хорошо, — усмехнулся гитлеровец. — Земля лучше, да... Девушка — лучше земля, чем ангел небесный, да... Где есть тетка?

— Под Беловежском, в селе Криница.

Слезы девушки тронули каменное сердце капитана. Он разрешил ей сесть в машину.

На перекрестке трех дорог у села Криницы он остановил машину. Шура в знак благодарности перекрестила капитана и направилась по лесной тропинке в Беловежск.

— Ты опять в бочке из-под сельдей? — приветливо, как всегда, встретила ее Варвара Степановна.

— Ну что вы, тетя Варя! В машине с немецким капитаном.

— Не может быть! — воскликнула Варвара Степановна.

— Честное слово!

И Шура рассказала, каким образом это произошло.

— Ну и молодчина, отчаянная твоя голова. Тебе опять готовить крепдешиновое платье в горошек? — спросила Варвара Степановна, накормив отважную разведчицу.

— Хорошо бы, тетя Варя. Да, а что я вам привезла... — Шура вынула из мешочка кусок мыла.

— О, чудесный подарок. С мылом у нас очень плохо, — сказала Варвара Степановна, протянув руку.

— Осторожно, тетя Варя, — предупредила Шура.— Это же не все вам. Кое-что здесь припрятано и для других.

Ловким движением она разломала мыло на две части и вынула из него тоненькую трубочку свернутого пергамента.

— Да ты, я вижу, заправский конспиратор.

— Беда всему научит, тетя Варя.

В назначенный день и час Шура снова пришла к стадиону. Она была такой же принаряженной, как и в прошлое воскресенье, курила те же сигареты и с таким же азартом ругала в душе всех, кто выдумал это проклятое и противное зелье.

Тигран бродил в переулке у ограды стадиона и нетерпеливо смотрел по сторонам.

— Ну вот и я, здравствуйте! — подошла к нему Шура. — Не ждали?

— Очень, очень ждал, девушка, — ответил он, заметно волнуясь. — Кто вы, добрая фея?

— Потом, потом, — засмеялась она кокетливо, увидев неподалеку полицая.— А что я вам привезла, — загадочно улыбнулась она, незаметно сунув в карманчик его вылинявшей гимнастерки тоненькую трубочку пергамента, и лаконично добавила: — Посмотрите, запомните, уничтожьте...

— Что это?

— Советы и наставления. То, что я обещала, помните? Ну, успеха вам, меня ждут.

И снова, как и в прошлое воскресенье, быстро-быстро исчезла.

— Ну что? Как? — бросились к Тиграну Остапов и Мнпашвили, когда он вернулся с прогулки в город.— Была? Приходила? Что сказала? Как дела?

— Была, приходила. Вот... — он показал трубочку пергамента.— Пока еще не смотрел, не знаю. Но кажется, все в порядке, кажется...

В записке Кораблева был точно начерчен план посадочной площадки в Налибокской пуще, где летчики могли приземлиться. Начальник разведки послал также несколько советов и наставлений: не спешить, лучше и надежнее подготовиться, лететь лучше всем троим на трех самолетах, если будет хоть какая-нибудь возможность. Чтобы исключить возможные подозрения, постараться своим усердием расположить к себе немецкие власти. Попутно рекомендовалось собрать побольше точных сведений о личном составе беловежского гарнизона и его вооружении.

Друзья внимательно изучили координаты посадочной площадки, запомнили пожелания и уничтожили записку.

Никогда еще комендант аэродрома и его подручные не замечали у пленных такого рвения, прилежания, аккуратности. Трое русских приходили задолго до начала работы и уходили в барак позже всех.

— Выслуживаетесь! — часто ловили они на себе недружелюбные взгляды своих товарищей. — Хотите заработать у Гитлера железные кресты?..

Наступили волнующие дни. Приближался час, когда можно будет под благовидным предлогом поднять в воздух отремонтированные машины и вырваться из плена. И тут снова случилось неожиданное. Немецкое командование дало приказ срочно перебросить всю авиационную часть из Беловежска в польский город Белосток. Впрочем, может быть, это и не такая уж беда, если им доверят пилотировать хотя бы маломощные самолеты. Но прошел слух, что пленных из рабочей команды повезут в Белосток на автомашинах, точно так же, как их везли из Двинска в Беловежск.

Если слухи подтвердятся — прощай, все планы, мечты и надежды. Прощай, вероятно, навсегда...

Ранним июльским утром командир полка зачитал перед выстроившимися в шеренгу летчиками приказ о переводе полка в Белосток.

— В двенадцать ноль-ноль по машинам, — сказал он. — В двенадцать пятнадцать — в воздух!

— Хайль Гитлер! — хором ответили летчики.

Громче всех славили фюрера стоявшие в стороне

трое военнопленных, стараясь обратить на себя внимание командира полка.

Полковник заметил это и самодовольно улыбнулся.

— Молодцы ребята! — похвалил он и приказал: — Выдать им двойную порцию хлеба за верную службу фюреру.

Ровно в двенадцать летчики заняли места в кабинах самолетов. Рабочую команду, состоявшую в основном из военнопленных, действительно погрузили на автомобили. Айрапетян, Остапов и Минашвили не спешили влезать в кузов грузовика. Они продолжали наводить глянец на маломощные «Арадо» в надежде, что для них не хватит пилотов — прославленные асы не захотят лететь на таких неказистых машинах. И тогда...

Двенадцать десять.

— Все готово? — спросил командир полка.

— Так точно, господин полковник, — ответил комендант, — только три «Арадо» вести некому. Может быть, вы разрешите этим русским сесть за штурвал?

— Это каким же русским? — спросил полковник.

— Вон тем, что у машин. Отличные парни.

— Да-да, и я замечаю давно, что они усердно нам служат. Ну что ж, приведите их ко мне.

Тигран, Остапов и Минашвили с замиранием сердца подошли к командиру полка.

— Явились по вашему приказанию, господин полковник! — отрапортовал Остапов, и все трое, вытянувшись в струнку, замерли на месте.

— Немецкое командование высоко ценит ваш труд на благо великой Германии...

— Рады служить фюреру! — хором ответили пленные летчики.

— Приказываю вам занять пилотские кабины в самолетах «Арадо» и пристраиваться к хвосту полка.

— Есть, господин полковник!

Ровно в двенадцать пятнадцать заревели моторы. Дежурный по аэродрому дал сигнал и взмахнул флажком. Через несколько минут авиаполк был в воздухе. Эскадрильи боевых машин замыкали три небольших «Арадо», пилотируемые Айрапетяном, Остаповым и Минашвили.

Маршрут полка пролегал вблизи тех мест, где

партизаны подготовили военнопленным летчикам посадочную площадку. Друзья условились лететь сперва нормально по заданному курсу, чтобы не вызвать никаких подозрений. А потом...

Погода была ясная. В голубом небе плавали небольшие перистые облачка, лишь изредка, на одно мгновение, заслонявшие жаркое, летнее солнце.

Приближается заветная полоса.

Пора!..

Айрапетян, летевший на хвостовом самолете, резко свернул в сторону и нырнул в лесную чащу. За ним последовали на своих «Арадо» Остапов и Минашвили.

Три фашистских самолета с советскими летчиками у штурвалов, чуть не касаясь колесами верхушек деревьев, устремились на бреющем полете к посадочной площадке.

Но что это? Как только перед пилотами открылась небольшая полянка, окаймленная могучими соснами, вокруг самолетов назойливо стали визжать пули. Послышались автоматные и пулеметные очереди. Что это означает?

А пули визжат, ударяют в крылья. Но это еще не беда. А что — если попадут в мотор, в бензобак? Кто стреляет? Немцы, заметившие, как три машины свернули с курса и решили укрыться в лесу? Или партизаны? Нет-нет, не хочется верить, что партизаны приготовили им такую встречу...

Оказалось, что стреляли партизаны из группы, недавно возвратившейся с задания и ничего не знавшей о подготовке перелета. Увидев фашистские самолеты над лагерем штабного отряда, они и открыли по ним огонь.

К счастью, все обошлось благополучно. Искусно маневрируя, пилоты повели свои машины на посадку. Надо было обладать большим опытом и сноровкой, чтобы не разбить машины о деревья и посадить их на небольшой поляне. Летчики отделались синяками, а машины — вмятинами на крыльях.

Из самолетов один за другим спустились три пилота. Они пугливо озираются по сторонам, еще не веря своему счастью. Но нет! Правда все это, истинная правда!

К ним навстречу спешат по полянке комбриг, на-

чальник разведки, Шура с цветами. Они приветливо машут руками, улыбаются...

— Здравствуйте, ребята! — звонко крикнула отважная разведчица. — Нате вот, на память о нашей встрече. — И вложила в карманы их гимнастерок по букетику полевых цветов.

— Поздравляю, товарищи, с благополучным приземлением! — комбриг крепко пожал летчикам руки.

— Молодцы, поздравляю! — Это Кораблев приветствует новых друзей.

Айрапетян, Остапов и Минашвили так и остались в бригаде «Неуловимых». Они одинаково хорошо дрались с оккупантами и в воздухе и на земле. А трофейные самолеты служили партизанам неплохими помощниками для разведки.

...Собираясь вечерами в землянке в минуты отдыха, летчики сочиняли стихи, частушки в честь своей спасительницы Шуры, Саши, Сашеньки, которая в девятнадцать лет успела столько пережить и сделать столько добра людям.

1

Бледный и растерянный начальник гестапо стоял, вытянувшись по команде «смирно», прижимая слегка трясущейся рукой телефонную трубку к уху. Вся его поза и бисеринки пота, густо покрывавшие жирное угреватое лицо, свидетельствовали о разговоре с весьма высоким начальством. К тому же о разговоре, суливщем ему мало приятного. Губы оберштурмфюрера слегка шевелились, словно он подыскивал какие-то слова. Наконец, видимо, воспользовавшись паузой собеседника, Фокс растерянно начал:

— Экселенц, разрешите объяснить...

Но в трубке щелкнуло, послышались частые гудки отбоя. Начальника гестапо не пожелали слушать.

Впрочем, что он мог сейчас вразумительного сказать? Может быть, даже лучше, что генерал не потребовал немедленных объяснений.

Фокс осторожно, словно боясь, что она взорвется, положил трубку на рычаг. Затем, шумно вздохнув, тяжело опустился в широкое кресло. Откинувшись на спинку, он медленно вытер лицо и лысину скомканным платком. На нем появились жирные темные полосы. Фокс с яростью швыр-

нул платок в корзинку для бумаг и длинно выругался.

Дела оборачивались худо. В который уже раз сегодня Фокс проклинал день, когда получил назначение в этот маленький белорусский городок.

А ведь поначалу все складывалось так хорошо. Друзья даже завидовали его назначению: спокойная размеренная жизнь в тылу у наступающей армии. Быть здесь начальником гестапо — все равно, что отдыхать на курорте.

Хорош курорт! Посмотрел бы сейчас Густав на своего приятеля. Грязный, пропахший бензиновой гарью, небритый. Было не до бритья, когда на рассвете его разбудил телефонный звонок и явно испуганный дежурный по гарнизону сообщил, что партизаны взорвали склад горючего.

Фокс досадливо поморщился, вспомнив, какого дурака свалял, приказав стянуть все силы к складу в надежде окружить партизан, не дать им выйти из города. И этот идиот Вагнер! Оставить у лагеря только караульных. Пятеро на семь тысяч заключенных. Надо же соображать, что значит «все силы». Всех свободных. а не снимать роту с охраны.

Пусть Вагнер и несет всю ответственность за разбежавшихся заключенных.

Найдя виновника, Фокс начал успокаиваться. И, не откладывая, принялся сочинять доклад о событиях этой ночи. Он ведь еще вчера советовал Вагнеру настойчивее требовать усиления гарнизона. Кстати, где начальник гарнизона был ночью? Что-то он, Фокс, не видел его ни около горящего склада, ни возле лагеря. Конечно, сидел в штабе и дрожал за свою шкуру. Только убедившись, что партизан уже нет в городе, он появился на улице. Тем хуже для него. Охрана города лежит на начальнике гарнизона и на начальнике полиции.

Правда, начальника полиции в эту ночь в Браславе не было, он с отрядом уехал в Миоры. Но все равно обязан был все организовать, предвидеть возможность нападения.

Предвидеть! Хуже всего, что все это случилось именно сегодня, в день большевистского праздника. Оберштурмфюрер вспомнил зловеще ровный голос генерала, только что разносившего его по телефону, ледяное удивление, что он, Фокс, обладающий таким

опытом, не принял особых мер безопасности в канун 25-летия установления власти большевиков в России. Знал и не предусмотрел. Тяжелое обвинение! Но не мог же Фокс сказать, что не знал, да и не обязан он знать о большевистских праздниках. Попробуй скажи!..

Фокс потер переносицу, что служило признаком глубокого раздумья. Конечно, не случайно партизаны напали именно в эту ночь, когда численность гарнизона была ослаблена... Пожалуй, в докладе можно намекнуть на странное совпадение — отъезд начальника полиции с отрядом полицейских именно накануне нападения лесных бандитов...

Резкий звонок телефона не дал оберштурмфюреру додумать эту интересную мысль до конца.

Звонил заместитель Фокса штурмфюрер Зельц. На озере замечена уходящая лодка. Ее обстреляли, но, по-видимому, безрезультатно, ей удалось скрыться.

— Почему не послали погоню? — заорал было Фокс. Но тут же осекся, вспомнив собственный приказ — уничтожить на берегу все лодки.

— Удалось установить количество нападавших? — строго спросил начальник гестапо. И не без умысла помог Зельцу, чувствуя, что тот не готов к ответу. — Вероятно, их было немало?

— Так точно, господин оберштурмфюрер, — оживился Зельц, поняв своего начальника.— Все говорит о крупных силах бандитов.

2

А в это время «крупные силы» торопливо выгребали против неожиданно поднявшегося ветра.

Сжимая в руках по тяжелому неуклюжему веслу, четверо гребцов, упираясь ногами в шпангоуты, то рывком отваливались назад, то почти падали вперед, посылая широкие лопасти к носу лодки. Прочертив сверкающие брызгами дуги, весла грузно, с громкими шлепками падали в воду. И опять, напрягая все силы, гребцы тянули их на себя.

На узких боковых скамейках сидели еще трое, каждый с двумя немецкими автоматами — один на шее, другой в руках, на коленях.

Иногда от неудачно опущенного весла на сидящих летели крупные брызги. Партизаны старались под-

ставить им спины, чтобы сберечь от воды оружие...

Еще один — рослый плечистый мужчина — сидел на корме, держа правую руку на руле. Если бы не два автоматных приклада, торчащих из-под задубевшего от брызг старого брезентового плаща, этого человека можно бы было принять за бригадира рыбацкой артели, вышедшей на путину. Его спокойная поза, неторопливые уверенные движения, большие рабочие руки свидетельствовали о привычке к труду.

Иван Данилович или просто Данилыч, как звали его товарищи, и вправду был рыбаком. Он родился и вырос на этих озерах и с мальчишеских лет пристрастился к нелегкому рыбачьему делу. Окрестные места он знал как никто другой в отряде, но дальше Полоцка нигде не бывал. Его одногодки за годы службы в польской армии побывали кто во Львове, а кто и в Варшаве. А Иван и в армию не попал — в детстве повредил ногу. Впрочем, сам он не жалел об этом. «Зуботычин зато меньше получил», — говорил он.

Данилыч внимательно рассматривал чуть видневшийся вдали берег, прикидывая, где лучше высадиться. Из-за внезапно поднявшегося ветра намеченный маршрут пришлось немного изменить — волны могли залить лодку. Путь удлинялся, и надо было спешить, хотя тяжелая рыбачья плоскодонка меньше всего была приспособлена для быстрого плавания.

Этой посудине спокойно болтаться бы посреди озерной глади, принимая на борт тяжелые мокрые сети с живым рыбьим серебром. Или не спеша двигаться к берегу, грузно переваливаясь на волнах, нести щедрые дары озера людям. И уж меньше всего подходили этому мирному суденышку свинцовые гостинцы.

Данилыч пощупал борт большой шершавой ладонью. Сюда ударила пуля, когда полчаса назад их обстреляли немцы. Пуля прочно застряла в вязкой от постоянной влаги древесине, не сумев ее пробить.

Хорошо, что успели справиться до рассвета и в темноте достаточно далеко отошли от берега. То-то сейчас бесятся гитлеровцы! Склад горючего им уже не потушить. Отсюда, почти с середины озера, все еще видны длинные огненные языки, мечущиеся из-за домов и деревьев. Иногда пламя опадает и почти исчезает из поля зрения. И тогда, не сговариваясь, хмурятся пар-

тизаны: неужели немцы сумели победить огонь? Но вот пламя снова вскинулось. Вероятно, взорвалась очередная, засыпанная землей цистерна. Все молча обменялись довольными взглядами: горит!

— Здорово мы их поздравили с нашим праздником! Подбросить бы еще парочку гранат в гестапо да в штаб гарнизона, — мечтательно произнес молодой веснушчатый паренек.

— Ладно, Петро, не жадничай,— отозвался сосед.— Сам ушел целым и будь доволен. А они еще свое получат. Не все сразу.

От гребцов шел пар — весла требовали немалых усилий. Со своего места Данилыч видел — особенно трудно приходилось Иосифу Гринюку. Щуплый молодой парнишка до войны работал счетоводом в кооперативе, где там было мускулы нагулять! Однако упрямый парень — с удовольствием отмечал рыбак: пот с него градом, руки отяжелели, а гребет с ожесточением, старается идти в лад с загребными.

Пора сменять, решил наконец Данилыч. Руководил сегодняшней операцией сам начальник разведки отряда Антипенко. Но с той минуты, как группа подошла к лодке, все, в том числе и Антипенко, молча подчинились старому рыбаку.

— Табань, ребята! — произнес он, приподымаясь со своего места. — Смена. Николай — на руль!

Он ловко прошел, согнувшись, по раскачивающемуся суденышку и сел загребным. Трое его товарищей заменили остальных.

— Взяли! — скомандовал Данилыч, обеими руками беря весло. — И-и — раз! И-и — два!..

Раскрасневшиеся, потные гребцы приняли от товарищей оружие, уселись на боковых скамейках и, как по команде, вытащили кто кисет, кто жестяную коробку. Вспыхнула трофейная немецкая зажигалка, и над лодкой закурились синие дымки, вкусно запахло крепкой махоркой.

— Теперь можно не гнать, — сказал один из сменившихся, — ушли от фрицев.

— Не скажи, — возразил Данилыч. — А ну, как догадаются позвонить в Слободки, а оттуда на машинах встретят. Навались, хлопцы, отдыхать дома будем. Лодку против волны строго держи, — предупредил он рулевого. — А то зальет. И давай вон к тому мыску.

Видишь, где деревья к озеру вышли? Всем свободным за берегом наблюдать!

По мере приближения к берегу ветер становился слабее, заметно прибавилась скорость.

— Немцы сейчас лютуют, — нарушил молчание Николай Бресский. — Как бы Клава не нарвалась...

— Ладно, не каркай, — прервал его Антипенко, сам все время с тревогой думавший о девушке. — Да и не до нее теперь немцам, — успокаивая больше себя, чем Николая, продолжал начальник разведки. — Они будут стараться хоть часть заключенных вернуть в лагерь.

3

В Белоруссию пришла осень.

Все реже проглядывало солнышко, все чаще из хмурых свинцовых туч сеял на землю долгий, нудный дождик. С деревьев уже осыпался их праздничный багряный наряд, и, словно в немой мольбе, протягивали они к серому холодному небу свои почерневшие руки-сучья.

Черная тоска сжимала сердца людей.

А еще совсем недавно люди любовно называли осень золотою. И несла она с собою не грусть, а радость и веселье. Земля-кормилица щедро одаряла людей за их труды. Погреба и кладовые рачительных хозяев ломились от всевозможных припасов, в теплых хлевах степенно пережевывали жвачку упитанные коровы, дробно стучали копытцами сытые овцы, довольно хрюкали свиньи. Под навесом прятались от дождя разжиревшие за лето куры, крякали утки.

Земля в эту пору готовилась к заслуженному отдыху и охотно впитывала влагу.

А в вёсках, как поэтично называют белорусы свои зеленые села, шумели свадьбы, неслись задорные песни.

Ну, а если надо поехать по делу или в гости в соседнюю деревню — в повозку накладывалось пахучее сено, на яркую ковровую подстилку садился хозяин с хозяйкой. Коль дождь — можно укрыться плащом — и ни дождь, ни грязь не помеха.

Осень сорок второго горькой тоской сжала сердца. Коричневая чума вот уже второй год как заполонила города и села Белоруссии. Не встретишь на дорогах

повозок со счастливыми беззаботными людьми. Сытые кони угнаны, уничтожены или взяты на строгий учет пришельцами в серо-зеленых шинелях. Дары щедрой земли, скот — все отправлено в ненасытный фашистский рейх. И звучит на улицах родных вёсок чужая каркающая речь.

По осенним дорогам бредут измученные, почерневшие от голода и горя люди. Бредут в поисках пристанища и куска хлеба. Заслышав топот коня или шум автомобиля, они торопливо сворачивают с дороги, со своей дороги, чтобы мог проехать по ней оккупант.

Иной беженец не только свернет с дороги, а и захоронится за деревьями или в воронке от бомбы, лишь бы от беды подальше. В особенности, если нет аусвайса — немецкого документа, удостоверяющего, что владелец его имеет право пройти по своей земле, по своей, ставшей чужой дороге.

И брели по раскисшим от осеннего дождя дорогам старики, неся на себе скудные пожитки, плелись женщины, волоча за собой разбитые тележки. Горестно шли одинокие мальчишки и девчонки, у которых война отняла не только игры и книжки, но и самое дорогое и надежное на свете — отцов и матерей.

Худенькая девочка, что в сумерках приближалась к местечку Шарковщина, с трудом преодолевала вязкую грязь. Рваная одежонка плохо защищала от холода и сырости.

Еще издалека услышала она позади себя звучное чавканье копыт. Вероятно, ехал полицай или немец. Девочка остановилась и шагнула было с дороги к видневшимся вблизи кустам. Но вдруг изменила свое намерение и пошла в обратную сторону, навстречу еще невидимому всаднику.

Они встретились через несколько минут на повороте дороги. Сытый верзила полицейский испуганно подобрал поводья, увидев человека на дороге, но тут же успокоился, рассмотрев, кто идет. И, натянув поводья, спросил строго-начальственным тоном:

— Кто такая? Куда идешь?

— В Браслав, дяденька, тетка у меня там, — торопливо ответила девочка, протягивая худенькой ручкой аусвайс.

— В Браслав? — удивился полицай, взяв документ и подозрительно рассматривая девочку. Но, видимо,

даже его тронула ее беспомощность и беззащитность.

— Ну, куда ты глядя на ночь прешься. Прибьет тебя кто-нибудь сдуру, — сказал он, возвращая документ. — Где твоя мать?

— Нету у меня матери, дяденька, — хмуро пояснила девочка. — Умерла она.

— Ну, все равно, незачем тебе по дорогам ночью шляться. Иди обратно. Где-нибудь переночуешь, а утром пойдешь. А еще лучше — подожди несколько дней. Не время туда идти. На Браслав прошлой ночью бандиты напали. Такого наделали, что не дай бог. Немцы сейчас злые — пристрелят, не посмотрят, что ты маленькая.

— Дяденька, а у тебя кусочка хлеба с собой нету? — попросила девочка.

— Нету, — ответил полицейский. И неожиданно сжалившись, наклонился к девочке, легко подхватил ее и посадил впереди себя на лошадь.

Так с девочкой он и въехал во двор к бургомистру. Ссадив ее с коня, он соскочил сам и сказал, указывая на появившуюся в дверях женщину:

— Попроси хозяйку, накормит. Она добрая. Где бургомистр? — обратился он к женщине.

— Дома, заходи, Терентий, — ответила та, рассматривая неожиданную гостью.

— А это кто?

— На дороге нашел, — рассмеялся полицейский, расседлывая коня и ведя его под навес.

— Тетенька, — жалобно попросила девочка, — дайте кусочек хлебца.

Бургомистерша еще раз осмотрела ее и нехотя ответила:

— Ладно, иди на кухню.

Хозяйка и вправду оказалась щедрой: налила целую миску жирной похлебки и дала большой кусок хлеба. Клава отломила кусочек, а остальное спрятала в мешок. Затем с непритворной жадностью набросилась на еду. Она действительно сильно проголодалась, и притворяться не было нужды. Ела и в то же время напряженно думала: как, не вызывая подозрений, побыстрей уйти отсюда? Когда они с полицейским проезжали мимо бывшего клуба, Клава заметила, что дом пустой. А еще недавно в нем располагалась полиция. Сквозь освещенные окна были видны женщины, мою-

щие полы, через двор несли мусор. Куда перевели полицию? Для кого готовят помещение клуба?

С другой стороны, может быть, лучше воспользоваться неожиданной удачей и попытаться узнать, с чем приехал полицай? О чем он будет говорить с бургомистром? Для этого надо остаться в доме. Но как это сделать?

Неожиданно опять помог Терентий. Войдя на кухню и увидев, с какой жадностью девочка ест, сказал укоризненно:

— Ну, что глотаешь, как индюшка, не жевавши! Гляди, брюхо не выдержит.

Из горницы, куда зашел полицейский, послышался голос хозяина:

— Евдокия, собери-ка нам с Терентием поужинать. И чего надо прихвати.

Хозяйка засуетилась, загремела посудой. А Клава вдруг охнула и свалилась на лавку.

— Ты что? — обернулась к ней женщина.

— Ой, живот схватило, — застонала девочка, сползая с лавки на пол.

Евдокия взяла из-за печки старый полушубок, бросила его в угол кухни.

— Полежи, отпустит. Есть надо было поаккуратней.

Хозяйка ушла в горницу, прикрутив фитиль в лампе. Через несколько минут Клава услышала мужские шаги и закрыла глаза. Над ее головой раздался хриплый голос бургомистра:

— Эй ты, вставай!..

Клава не пошевелилась. Он потрогал ее ногой сперва слегка, потом посильнее. Ответом было ровное посапывание.

— Ладно, не трожь. Она теперь до утра как убитая спать будет, — сказала Евдокия.

Постояв над нею еще минутку, бургомистр, что-то недовольно ворча, возвратился в горницу, а хозяйка, сказав, что пойдет ночевать к сестре, ушла.

Все получилось как нельзя лучше. Через полуприкрытую дверь Клава слышала каждое слово. Она боялась только, чтобы дверь не закрыли плотно, но собеседники, видимо, окончательно забыли о девочке.

Терентий сначала подробно рассказывал о событиях минувшей ночи в Браславе. Хотя Клава сама

участвовала в операции, ей интересно было послушать. Смелый налет произвел страшную панику. Пошел слух, что партизан было очень много, что они окружили весь город, не допустив к нему немцев, идущих на подмогу.

Клава с гордостью услышала, что расчет командира бригады и начальника разведки «Неуловимых» Кораблева оказался точным. Клава словно слышит негромкий четкий голос командира спецотряда Широкова:

— Главное здесь — смелость и дерзость. Самое трудное взорвать склад. Иосиф Гринюк, Петр Балай и Николай Бресский снимают часовых — их там трое. Верно, Клава? Клава ползет к бакам и закладывает мины.

Девушка вспомнила, как ползла она к бакам с горючим по ярко освещенной площадке. Немцы обнесли склад колючей проволокой в два ряда, осветили всю его территорию прожекторами. Думать об опасности не было времени, но все равно, пока не заползла между баками, было такое ощущение, что ее держат под прицелом десятки немецких автоматов.

— После взрыва, — наказывал Широков, — группа броском присоединяется к основному отряду, и они совместно уничтожают часовых лагеря. Их там будет немного. Немцы с перепуга всех охранников бросят к складу.

Все так и произошло, как говорил командир спецотряда.

На возражение товарищей, что немцы немедленно переловят заключенных, командир терпеливо доказывал:

— Вы что, немцев не знаете? Пока они сбегутся к горящему складу, пока постреляют там, пока сообразят, что к чему, пока доложат начальству и получат команду — в лагере никого не останется. Здесь главное — как снимете охрану и разрежете проволоку — указать направления, куда уходить заключенным. А мы подошлем на защиту автоматчиков, для больных и детей — подводы.

— Конечно,— с горечью заметил Широков,— все до одного не спасутся. Это верно. Но ведь вы знаете, что люди в лагере обречены на уничтожение, там каждый день идут расстрелы. А так хоть половина будет спасена.

— И еще учтите моральный фактор. Немцам не

скрыть от населения того факта, что партизаны освободили из лагеря семь тысяч заключенных. Народ сразу приободрится: значит, скажут, есть сила сильнее фашистов, не уничтожили Советскую власть.

Смелый партизанский налет переполошил гитлеровцев. Такого еще не бывало. Девушка радовалась, что в этом успехе есть и ее доля.

— Гестапо прямо землю роет, — рассказывал полицай. — К обеду в Браслав возвратился начальник полиции — его немедленно арестовало гестапо.

— Григория? — удивился и, видимо, встревожился хозяин. — За что?

— Обвиняют его, будто бы он знал, что партизаны готовили нападение на Браслав.

— Что ты глупости-то городишь, — начал было бургомистр, но замолчал. — Н-да, дела!.. Ну, ничего, скоро этих бандитов истребят до единого, — сказал он с надеждой. И объяснил: — Едет сюда целая дивизия, специально для уничтожения партизан. Сформирована в самом Берлине, командует ею генерал СС, не знаю фамилии. Первый эшелон будет здесь завтра к ночи, приказано казармы готовить.

Это уже была чрезвычайно важная новость. Значит, вот для кого клуб очистили. Следовало как можно быстрее сообщить об этом в штаб партизанской бригады. Девушка готова была немедленно отправиться в путь, но понимала, что это может вызвать подозрение.

Оставалось одно — ждать до утра и тогда уйти якобы в Браслав. Но полицай завтра тоже, наверное, поедет туда же. Еще, чего доброго, предложит ехать вместе. Надо как-то избавиться от него.

К счастью, из дальнейшего разговора выяснилось, что Терентий выедет только послезавтра днем.

Разговор постепенно иссяк. Прежде чем лечь, хозяин, видимо, снова забеспокоившись, опять пришел в кухню и несколько минут стоял над Клавой, но она по-прежнему «спала».

Вскоре все в доме затихло.

Во время первой части разговора девушка с трудом удерживалась, чтобы не заснуть, — сказывалось напряжение прожитых суток. Но сообщение о карателях сразу прогнало сон. Однако до рассвета оставалось еще часа четыре. Надо было использовать это время,

раз уж приходится оставаться здесь до утра. И Клава заставила себя заснуть.

Утром она сказала, что все же хочет добраться в Браслав к тетке. Обращаясь к полицейскому, попросила, не может ли он взять ее с собой. И очень опечалилась, узнав, что придется идти одной пешком.

А еще через час, отойдя на некоторое расстояние от местечка, она свернула с шоссе и продолжила путь напрямик, минуя дороги и хутора. Тонкая фигурка в потрепанной одежонке затерялась среди полей и перелесков.

4

Начальник разведки отряда придвинул к себе горячий котелок, собираясь пообедать, и вдруг, подняв глаза, увидел перед собой Клаву. Она вошла в землянку и в изнеможении прислонилась к столбу, подпиравшему потолок.

— Ты? Жива! — в голосе Антипенко была радость и тревога — возвращение было неожиданным. Клава должна была появиться не ранее, чем через неделю.— Что случилось? Да сядь ты! — он торопливо подошел к девушке, бережно усадил на лавку. Сняв с гвоздя ватник, накинул ей на плечи.

— Ешь и рассказывай, — Антипенко пододвинул ей котелок и ложку.

Девушка на минуту крепко зажмурила глаза, затем вздохнула и улыбнулась, словно только теперь почувствовала, что изнурительный путь остался позади и она дома. Потом, обхватив обеими руками дымящийся котелок, ощущая, как тепло проникает в ладошки, стала торопливо докладывать о том, что узнала в доме бургомистра.

— Я на всякий случай вложила донесение и в «почтовый ящик», но оно могло опоздать, — закончила свое сообщение Клава.

— Правильно сделала, что сама пришла, — одобрил начальник разведки. — И вообще хорошо, что появилась, тебе придется идти по другому заданию. Ты пока пообедай и никуда не уходи, ложись, отдыхай,— он махнул рукой в угол землянки, занавешенный плащ-палаткой. — Через час приду, разбужу.

Новость, принесенная Клавой, в какой-то степени уже была известна командованию бригады. Утром из

соседнего латышского партизанского отряда прибыл связной и сообщил, что в Молодечно ожидают прибытия нескольких эшелонов крупного немецкого подразделения. Похоже, едут каратели. Сообщение разведчицы очень существенно уточняло обстановку. Надо было срочно докладывать командиру бригады и принимать меры.

Антипенко возвратился почти через два часа и сразу же подошел к Клаве. Она крепко спала, свернувшись в клубочек под ватником. Откинув плащпалатку, Антипенко остановился: жаль будить, устала девчонка сверх всякой меры. Но, взглянув на часы, решительно тронул ее за плечо.

— Вставай, Клава!

Девушка проснулась мгновенно и села, торопливо поправляя волосы ловкими, чисто женскими движениями маленьких рук.

«А ведь и вправду уже не девчонка, а девушка,— подумал начальник разведки, усевшись за стол и неприметно наблюдая за Клавой.— Если ее одеть, как полагается...» И спросил:

— У тебя есть, что надеть, — платьишко какое, чтобы на люди показаться?

— Найдется. А зачем? — Клава с удивлением посмотрела на начальника разведки.

— Садись, — Антипенко показал ей на лавку. — Задание у тебя будет особой важности. Вот смотри...

Смысл задания был ясен с первых же слов. А вот как его выполнить? Склонившись над столом, Антипенко и Клава долго обсуждали всевозможные варианты. Конечно, она там будет не одна, но... оба знали, что самое главное предстояло делать ей. И малейшая ошибка могла стать последней.

— Вот как будто бы и все,— заключил начальник разведки. — На месте еще раз все обдумаете. Николай уже там, он ушел еще вчера. Ты сегодня отдыхай, а завтра — в путь. Теперь вот что, — Антипенко взглянул на часы. — Сейчас зайдет сюда Данилыч. Расскажи ему поподробнее, какие подходы к полоцкому железнодорожному мосту. Решено взорвать его сегодня ночью, когда пойдет эшелон с карателями. С теми, что из Берлина.

— Ким Евсеевич, — встрепенулась Клава. — Разрешите мне идти с группой Данилыча. Я ж сама полоц-

кая, лучше меня до моста никто подступов не знает. А я проберусь. И мины мне сподручнее заложить.

Клава умоляюще смотрела на начальника разведки. Но Антипенко молчал. Конечно, участие Клавы облегчало задание группы, в ловкости с ней никто не сравняется, но у нее более серьезное задание...

Словно прочитав его мысли, Клава снова настойчиво принялась убеждать:

— Ким Евсеевич, я и туда успею, мост-то ведь все равно по пути. Даже еще лучше, не одной идти больше половины дороги.

— Тебе отдыхать надо перед заданием.

— А я отдохнула уже,— горячо воскликнула девушка.— А отдыхать по-настоящему будем, когда Гитлера разобьем,— вы же сами так говорите.

— Пожалуй, и тогда не до отдыха будет, — улыбнулся Антипенко, — работы хватит. Все, что немцы разрушают, восстанавливать придется по всей стране.

— Так разрешаете? — обрадовалась Клава, истолковав слова начальника в свою пользу.

— Ну, ладно, — согласился наконец Антипенко.— Но с одним условием: если по дороге случайно нарветесь на немцев — ты не ввязывайся в бой. Отрывайся и двигай по своему маршруту. Это приказ. Понятно?

— Так точно, понятно! Уходить по своему маршруту, не ввязываться в бой.

— Данилыч на этот счет получит указания. Иди поешь и собирайся. Группа выступает через час. Сбор за оврагом.

...Как и всегда, начальник разведки сам проводил боевую группу до границы лагеря. И еще долго стоял, наблюдая движение цепочки людей между стволами деревьев.

Из всех бойцов Клава была самая маленькая, но шагала она легко, и тяжелый заплечный мешок с минами как будто совсем не тяготил ее. Вот она легко перепрыгнула через канаву и что-то сказала обернувшемуся Данилычу.

На косогоре, густо поросшем кустами, группа показалась еще раз и скрылась внизу. Дальше их путь лежал вдоль длинного неглубокого оврага. К темноте они доберутся до кромки леса, а потом — прямо полями. В это время немцы не любят выходить за пределы

населенных пунктов, и отряд без препятствий доберется до места. Да и Данилыч — опытный командир.

Клава шла следом за командиром группы. Шагалось легко. Мешок был хорошо пригнан и не мешал. На поясе привычно бил по боку небольшой финский нож, не раз выручавший разведчицу в трудные минуты.

Такие переходы Клава любила. Приятно было чувствовать себя рядом с товарищами. Это не то, что одной в лесу или в поле. Там нервы все время напряжены, слух настороженно ловит каждый подозрительный шорох, хруст ветки, далекий шум мотора. В случае неожиданной встречи с немцами — надежда только на себя. А когда рядом товарищи — никакая неожиданность не страшна.

В такие минуты Клава разрешала себе как бы маленькую передышку: чуть-чуть расслабиться, почувствовать себя под защитой. Правда, слух все время чутко регистрировал каждый звук, глаза привычно настороженно впивались в темноту. Да иначе она и не могла бы ходить. Но она не одна, и можно было думать не только о фашистах. Впереди и сзади свои бойцы, слышны их шаги и даже дыхание. «Локоть соседа,— вспомнила она любимое выражение дяди Васи. — Где-то он теперь? Жив ли?»

Вот с кем она хотела бы встретиться после войны. Поблагодарить его за науку, пожать руку. Пожать руку! Девушка тихонько про себя засмеялась. Если бы довелось встретиться, наверное, как девчонка бросилась бы на шею да еще заревела бы. А он, может, и не узнал бы ее.

Клава вспомнила осень 1941 года, когда в родную деревню только что пришли фашисты. Наглые, за людей никого не считают, всюду суют свои носы. Чуть-что не понравится — расстрел. Скольких они постреляли! Это в те дни в Клавином сердце поднялась жгучая ненависть к серо-зеленым оккупантам.

По ночам она мечтала: вот если бы стать сильной-сильной, встретить в переулке немца, схватить его одной рукой и — оземь. Чтобы и не шелохнулся. Или...

Но она знала, что сил у нее мало и, если даже подойти и ударить фашиста камнем, он выстрелит из автомата и пойдет своей дорогой. Клава представляла себе эту картину и плакала от ненависти и бессилия.

Днем Клава брала с собой козу — худую и грязную Катьку — и шла с ней за деревню. Коза паслась в кустарнике, а Клава сидела в затишке и размышляла о несправедливости в жизни. Всего только два года и удалось пожить при Советской власти. А теперь... И девочка чувствовала, как горячие слезы обжигают глаза.

Однажды ее горестные думы нарушил странный звук. Она подняла голову и прислушалась. В соседних кустах кто-то стонал. Оглянувшись вокруг,— не видит ли кто? — девочка осторожно раздвинула густые ветви. В полутьме лежал человек. Командир. Советский.

От ее нечаянного возгласа или просто так он пришел в себя и начал лихорадочно шарить слабыми руками по кобуре с пистолетом.

— Дядя, я своя, не бойся!

Тонкий девчачий голос успокоил раненого, и он тихонько попросил пить.

— Подождите, я сейчас, — девочка быстро поймала козу и, отвязав от своего пояса кружку, надоила в нее молока. Он попил и как будто почувствовал себя лучше.

Оставлять раненого в кустах, тем более одетого в военную форму, было нельзя. Но девочка нашла выход. В огороде у них был погребок, где раньше хранили картофель и овощи. Клава вечером натаскала туда еловых веток, соломы и, когда в деревне все утихло, волоком перетащила туда командира на принесенной из дома крепкой подстилке — он был ранен в бедро и совсем не мог идти. Принесла из дому одежду, оставшуюся от старшего брата, — он уже был в армии — и заставила раненого переодеться, а его форму свернула и закопала здесь же, в погребке. Утром встала чуть свет и уничтожила все следы ночного путешествия, а вход в погребок замаскировала.

С продуктами было уже худо. Клава старалась украдкой спрятать часть своей еды. Или не ела со всеми и все, что мать оставляла ей, несла в землянку. Мать вскоре заметила, что Клава не ест, а уносит куда-то еду. Пришлось сказать правду. Тем более, что становилось все холоднее и в погребке уже нельзя было держать раненого.

В одну из ночей Клава вместе с матерью, чтобы никто из детей ни о чем не догадался, перетащили его

на чердак. Он было возражал и очень волновался, что из-за него немцы могут казнить всю семью. Но мать твердо заявила, что он будет у них до тех пор, пока не выздоровеет, и ему пришлось подчиниться. Он оказался политруком, бывшим пограничником, звали его дядя Вася.

Какою радостью были для Клавы долгие беседы с дядей Васей! Он мог рассказывать, кажется, обо всем на свете. С ним Клава поделилась своей ненавистью к фашистам и пожалела, что у нее так мало сил.

Дядя Вася не согласился с ней и сказал, что у одного человека действительно сил не так много, а если человек не один?

— Ты комсомолка? — спросил он Клаву. И получив утвердительный ответ, продолжал: — Разве ты во всем селе одна так думаешь? А другие комсомольцы? Ты поговори с теми из ребят, кому веришь. Сообща можно лучше бороться с фашистами.

Однажды Клава принесла на чердак немецкую винтовку, найденную возле дороги, затем пистолет. Дядя Вася посоветовал и дальше собирать валяющееся оружие. Скоро на чердаке появилось несколько автоматов, винтовок, немало патронов. Найдя пулемет, Клава сумела разобрать его и по частям принесла на чердак.

— Тебе надо научиться пользоваться этим оружием, — сказал дядя Вася.

С тех пор он стал обучать ее. Клава быстро освоила устройство пулемета, автомата, пистолета, научилась пользоваться гранатами, взрывчаткой.

Как это пригодилось Клаве теперь, в ее партизанской жизни!

...Группа вышла из леса и остановилась на опушке.

— Привал! — скомандовал Данилыч. — Осмотреться, приладить все, чтобы не звенело.

Одного человека отправили в разведку к проходившей неподалеку дороге.

До моста добрались без происшествий. Группа залегла в стороне. Двое выдвинулись к мосту, чтобы вести наблюдение за часовыми. Клава отправилась с ними. Иосиф Гринюк пошел на разведку к станции.

В настороженной тишине лежали партизаны, готовясь к взрыву моста.

Немцы, видимо, не ожидали нападения: на мосту

было только два часовых. Они патрулировали на противоположных сторонах моста, время от времени сходясь на середине. Их кованые сапоги самоуверенно бухали по настилу. Сойдясь, часовые подолгу не расходились, вероятно, спокойней чувствуя себя вдвоем.

Когда подполз Данилыч, Клава поделилась с ним своим планом. Часовых лучше не снимать — в случае малейшей неудачи поднимется тревога и охрана будет усилена. Она попытается подобраться к фермам в то время, когда часовые стоят на середине моста. Тогда они разговаривают и меньше опасность, что они ее услышат.

Данилыч уже не первый раз был на операции вместе с Клавой и знал ее умение незаметно пробираться к месту намеченного взрыва. Подумав, он согласился, но сказал, что пошлет все же ребят к мосту. На всякий случай. Для гарантии.

Из разведки возвратился Гринюк. Сообщил, что на станции ждут воинский эшелон. Он будет около трех часов ночи, так сказал ему знакомый стрелочник.

Надо было спешить.

— Начали! — дал команду Данилыч.

Клава поправила поудобнее мешок на плечах и поползла к мосту. Уже через три шага ее фигура растаяла во тьме. Все внимательно прислушивались, но ни один шорох не доносился с той стороны, куда уползла девушка.

— Как ящерка, — восхищенно заметил Гринюк.

Командир показал кулак, и партизан замолчал. Через несколько минут в темноте скрылись еще двое. Остальные лежали, напряженно сжимая в руках оружие.

Так прошел час. На темном фоне неба по-прежнему чуть просматривались ажурные фермы моста. Через ровные промежутки времени до партизан доносилось топанье немецких часовых, и снова все затихало.

Клава появилась так же неожиданно, как и исчезла.

— Готово! — чуть слышно выдохнула она и легла, с трудом переводя дыхание.

Командир молча пожал плечо девушки и уполз в темноту. Через несколько минут где-то в стороне прокричал филин. Это был условный сигнал для возвращения партизан, находившихся у насыпи.

За полночь, тихо на улицах. Нет света в окнах, не слышно людских голосов. Только порывистый ветер временами сердито наскакивает на черные кроны деревьев, хлещет ими друг о друга, словно стремясь нарушить тревожную тишину. Но тут же затихает, будто понимая тщетность своих попыток.

Нет, это не та доверчивая и уютная тишина покоя, что окутывала маленькие белорусские поселки и села до войны. Та тишина соткана была из множества мирных, привычных звуков. Вот залаяла где-то спросонья собака, ей издалека нехотя откликнулась другая, третья. Вот скрипнула калитка и донесся приглушенный лукавый девичий смех... Или вдруг неожиданно громко всхлипнула в молодых руках гармошка и, смутившись, заговорила тихо и доверительно-певуче о затаенной мечте, о счастье. Но вот замолкла и она, а ветер услужливо доносит с далекого большака рокот запоздалой автомашины. А то вдруг где-то рядом затупотят в тесном закутке овцы. И снова мягкая теплая тишина стоит над заснувшими домами.

Нынешняя тишина была тревожной, затаившейся. И совсем иные звуки нарушали ее. Вот где-то на окраине раздался выстрел... Может быть, в эту минуту там оборвалась чья-то жизнь? А может быть, выстрелил немецкий патруль, чтобы подбодрить себя на пустынной и будто ощетинившейся ненавистью улице. Разрывая тишину, проревел мотоцикл и замолк в центре, около штаба. Раньше на такой звук отозвались бы голоса десятков собак и долго их лай не затихал бы во дворах. А теперь давно уже не слышно в местечке заливистого собачьего лая — всех полканов и жучек перестреляли оккупанты.

Вдоль уснувших, а может, и не спящих, а только притаившихся домишек неспешно и тяжело шагает парный немецкий патруль. Гитлеровцы идут деловито, уверенно, глухо булькает жидкость во флягах на поясах, чиркает по металлическим пуговицам затвор автомата, висящего на закутанной от холода шее. Изредка немцы перебрасываются короткими фразами. И снова молча шагают, сверля темноту напряженными взглядами.

Нет, не весело здесь оккупантам. Не верьте их на-

рочито громким, твердым шагам, грозному виду. Все это не от храбрости и внутренней уверенности, а от страха и желания заранее запугать, предупредить: мы идем, у нас оружие!

Ну что ж, предупреждение принято. Вон, заслышав грузные шаги, стремительно метнулась и скрылась за чужой калиткой легкая фигурка. И затаилась, сквозь щели выглядывая солдат. Жалко, конечно, собак, но будь они на месте, — пожалуй, не спрятаться бы вот так запросто в любом дворе.

Все ближе, ближе немцы. Вот остановились... Неужели заметили? Оглянулась назад, на случай если придется уходить. Сжала шершавую рукоятку браунинга в кармане.

Нет, тревога напрасна. Щелкнула зажигалка, осветив горбатый нос, тонкие усики, темный шрам на левой щеке. Задымилась сигарета. И второй солдат торопливо пошарил в кармане, разыскивая сигареты. Нашел, наклонился над мерцающим огоньком. Молодое, круглое лицо без особых примет. Культура! Каждый свою сигарету, друг друга не угостят, насмешливо подумала девушка, уже достаточно знавшая характер немцев.

Донесся кисловатый запах плохого табака. Нет, не та жизнь стала у немцев. В прошлом году, когда появились в этих краях, курили душистые сигареты, наверно, не немецкие. Не тот табак, как сказал бы Данилыч.

Вот удачный момент уложить обоих. Рука сама потянула пистолет из кармана. Опомнилась. Нельзя, можно погубить большее. Ничего, и эти своей пули дождутся. Пусть походят пока.

Будто и правда, получив разрешение, гитлеровцы зашагали дальше. Переждав, пока их шаги затихнут вдали, Клава приоткрыла калитку, еще раз глянула по сторонам. Путь свободен.

Каждый раз, получив задание провести разведку в населенном пункте, Клава тщательно обдумывала, каким образом в какое время войти в него. Как правило, она избирала легальный путь — днем. Документ был надежный, проверенный. Да и вид грязной нищенки не привлекал к себе излишнего внимания. Оружие — пистолет и финку — Клава оставляла в укромном месте, не доходя до заставы. Для порядка немец-

кий солдат пощупает мешок на спине и махнет рукой, отворачиваясь: иди.

Но сейчас не следовало лишний раз показываться на заставе. После налета на Браслав, а теперь и гибели эшелона на взорванном мосту, фашисты, несомненно, усилят бдительность. А с таким грузом — Клава пощупала спрятанную под ватником мину — лучше не рисковать. К тому же не исключена и такая случайность: солдат, проверивший ее аусвайс при входе, мог потом опознать «нищенку» и в другом обличье. И Клава избрала ночной, тайный, опасный, но в данном случае более надежный способ проникновения в местечко.

Идти надо было почти в центр поселка. Но пересекать главную улицу она опасалась, приходилось делать крюк. Еще два раза разведчица уклонилась от встречи с патрулями. Правда, немцев она не очень боялась — их слышно издалека. Значительно опаснее могла оказаться встреча с полицейским.

Но пока все обошлось благополучно. Вот и нужный переулок. Клава остановилась на углу, прижавшись к стволу толстой березы. Смотрела, слушала. Кругом спокойно.

Поравнялась с домом. Условный знак — кувшин с поломанной ручкой за забором — на месте. Прошла мимо и только через два дома юркнула в калитку. Выбралась на огороды и присела на корточки, вглядываясь в темноту. Ничего подозрительного.

Бесшумно подошла к двери, тронула щеколду. Тихо. Еще раз пошевелила запор. За дверью послышались шаги.

— Кто там?

Сказала пароль. Отзыв. Верно. Дверь неслышно приотворилась. Кто-то невидимый взял за руку.

Мягко легла на место деревянная задвижка. Та же рука потянула за собою. Еще дверь. Клава оказалась в комнате, слабо освещенной коптилкой. Впрочем, после уличной темноты освещение не казалось слабым. В парне, стоявшем у двери, она сразу узнала Николая Бресского.

Первый этап был позади.

Только теперь почувствовала, насколько устала. И охотно согласилась на предложение Бресского отложить на утро все разговоры.

Николай успел тщательно разведать обстановку и теперь не только рассказал, но и нарисовал план расположения телеграфа.

Задание оказалось еще более сложным, чем представлялось после разговора с начальником разведки. Телеграф играл важную роль: отсюда немцы держали прямую связь с Берлином, отправляли секретные телеграммы. Естественно, они очень берегли его.

У Бресского уже до его приезда в местечко было подготовлено несколько вариантов взрыва телеграфа. Один из них, практически наиболее осуществимый, заключался в следующем: бесшумно снять наружного часового, проникнуть в аппаратную, уничтожить телеграфиста, заложить мину с часовым механизмом...

Но осуществить это на деле было не так просто.

Вход на телеграф оказался со двора комендатуры.

Часовых двое — один у входа во двор, второй — во дворе. Даже если бы и удалось незаметно убрать наружного часового — его отсутствие было бы обнаружено уже через несколько минут: в комендатуру днем и ночью часто приходили и немцы, и полицейские. А за несколько минут вряд ли можно было успеть убрать и второго часового и телеграфиста.

Перебрали еще несколько вариантов и отвергли. Ни один не гарантировал безусловной удачи.

Оставался план, который в последнюю минуту предложил Клаве начальник разведки, когда знакомил ее с заданием. Выполнение его целиком зависело от умения разведчицы сыграть нужную роль. Клава решила действовать.

— Ты хорошо знаешь телеграфиста? — спросила она у Бресского. — Кто он такой?

— Его отец работает в полиции, бывший кулак. Отец и устроил его на телеграф. Мол, все спокойней, чем в полиции. Что отец, что сын — верные холуи фашистов. Таких не распропагандируешь.

— Откуда ты его знаешь?

— Когда-то в одной школе учились. Знал бы, что так повернется, я бы его еще тогда утопил. А сейчас Антипенко приказал подружиться с ним. Выполняю приказ. За эти дни мы с ним раза два выпивали. Он даже обещал меня в полицию устроить.

— Познакомишь меня с ним, — сказала Клава.— Надо где-нибудь устроить вечеринку и пригласить его. Остальное предоставь мне.

— Ты думаешь?.. — Николай с явным сомнением посмотрел на невзрачную фигурку девушки. — Не выйдет! — сделал он вывод.

— Посмотрим! — Клава озорно блеснула глазами.— Ничего ты еще не понимаешь, Коля. Давай действуй побыстрее. Можешь выдать меня за двоюродную сестру, за знакомую. Говори ему все, что хочешь,— проверить он все равно не успеет, взлетит вместе со своим телеграфом.

Вечеринка состоялась на второй день. Праздновали «день рождения» Николая.

Когда Клава вышла к Николаю из-за занавески, где переодевалась, он глазам своим не поверил. Перед ним стояла и улыбалась стройная изящная девушка в пестром платьице, выгодно выделявшем тонкую фигурку. На ногах туфельки, хоть и не новые, но городские. Волосы волнами спадали на плечи.

— Ну, знаешь... — только и нашелся он что сказать, — вот не думал, что ты такая...

— Понравлюсь твоему приятелю? — спросила Клава, поворачиваясь на каблуках.

— Черт ему приятель! — обозлился Бресский. И предупредил с тревогой: — Ты с ним поосторожней, это ж такой сукин сын!

— Ничего! — успокоила девушка. — Пошли, что ли?

На вечеринке, кроме Клавы, было еще трое девчат, но уже через полчаса телеграфист с нее одной не сводил глаз. Она весело смеялась, пела, кокетничала. Наблюдавший за ними Бресский только дивился про себя. Откуда что взялось! Такая девчонка кого хочешь с ума сведет.

Весь вечер телеграфист ходил за Клавой, как привязанный. А на следующий день, едва сменился, пришел к ней. Телеграфист, по определению Бресского, крепко влип. Одно его раздражало: около Клавы все время были то подруги, то Николай.

— С тобой даже поговорить невозможно, — жаловался он, когда друзья оставляли их на несколько минут одних.

Клава поняла характер своего ухажера и уверенно

вела свою игру. «Узнав», что ее новый знакомый работает на телеграфе, она восхитилась:

— Это же страшно трудно! — И спрашивала с удивлением: — Неужели ты все-все в этих аппаратах понимаешь? Там же током убить может. Я бы ни за что не пошла на такую работу. Ты и вправду не боишься?..

Ему льстило такое отношение девушки, и он говорил, что немцы его очень ценят и уважают. Вот кончится война, разглагольствовал он, разобьют большевиков, у него будет свое имение. Ему и отцу дадут бесплатных рабочих. Он здесь будет самым богатым человеком.

«Ах ты, мокрица, — внутренне закипала девушка, — помещик вонючий. Рабов ему надо бесплатных! Ну, погоди, погоди...» Но глаза ее выражали восторг и восхищение, бисерные зубки сверкали в улыбке.

— Выходи за меня замуж,— предлагал он Клаве.— Знаешь, как жить будем! В Германию съездим, посмотрим, как настоящие люди живут.

— Ты вот опоздаешь из-за меня на работу, эти настоящие люди всыплют тебе, — поддразнивала Клава.

— Я не опоздаю, — уверял он. — Я в этом с немцев пример беру. Завтра я дежурю вечером, хочешь, приходи ко мне, я тебе покажу, как телеграф работает.

— Не надо, — отнекивалась девушка. — Да тебе и немцы не разрешат.

— А я их и спрашивать не буду, — хорохорился он. — Они требуют с меня только точной отправки телеграмм, а остальным не интересуются, доверяют мне. Приходи. Обязательно.

Клава долго не соглашалась, наконец, дала себя уговорить.

И вот решающий момент. Клава долго и тщательно готовилась к свиданию. Она отлично понимала, что не только успех операции, но и сама ее жизнь зависят от того, как она сумеет сыграть свою ответственную роль. Малейшая оплошность, непредусмотренная случайность могли привести к провалу.

Телеграфист, конечно, не без тайной надежды зовет ее к себе. Понятно, она не даст ему руки распускать, но все же надо было так спрятать и оружие и мину,

чтобы было надежно. И чтобы можно при необходимости их мгновенно извлечь.

С оружием просто. Финку спрятала за голенище сапога, а браунинг в левом рукаве ватника. Рукава умышленно сделаны подлиннее и подвернуты. А вот с миной пришлось подумать.

Предельно собранная, шла она ночными улицами. Глядя на беспечную походку девушки, нельзя было подумать, что она в мгновение ока может исчезнуть за поворотом или во дворе. Позади неприметно следовал Николай, готовый в случае опасности в любую минуту прийти на помощь.

Вот и переулок за комендатурой. Телеграфист уже ждал. Клава встретила его восторженной улыбкой.

Он быстро провел ее черным ходом к себе в аппаратную. На вопрос Клавы, не зайдет ли кто сюда, он объяснил, что в это время немцы никогда не заходят к нему, пусть она не боится.

Телеграфист ликовал. Наконец-то они были одни, здесь-то никто из ее подруг или Николай не помешают. Он снова стал уговаривать Клаву выйти за него замуж.

— Обманешь ведь? — усомнилась Клава.

— Вот тебе крест! — Телеграфист широко перекрестился на Клаву, как на икону. — Я как увидел тебя, сразу решил — быть тебе моей женой. А я упрямый, если что решил — кремень. Вот узнаешь меня, увидишь.

Он попытался обнять девушку, но та резко отстранилась и брезгливо поморщилась:

— Здесь? У нас другого места, что ли, не будет? Или мы завтра не увидимся? Вдруг немец зайдет — тебя же не только с работы выгонят, а еще и в гестапо отправят. Я не хочу...

При воспоминании о гестапо телеграфист вздрогнул и с опаской посмотрел на дверь. Пожалуй, девчонка права, опасно. Молодец, что напомнила.

— Так значит завтра? — переспросил он, заглядывая ей в глаза.

— Конечно, — весело согласилась. — Жарко у тебя здесь, — пожаловалась она, беря со стола бумажку и обмахиваясь ею.

— Ой, ты на столе ничего не трогай, нельзя, — забеспокоился он, забирая из ее рук бумагу. — Это ж телеграмма, секретная.

— Ну?! — Она отпрянула в сторону. — Не буду, не буду! Чего ж ты сразу не сказал? — упрекнула, торопливо отходя от стола. — Как можно...

Разговаривая с телеграфистом, поддразнивая и будоража его, Клава ни на секунду не забывала о мине. Часовой механизм, заведенный и поставленный перед уходом сюда, отсчитывал минуты. И хотя до взрыва оставалось еще около часа, нельзя было зря тратить время. Вдруг кто-нибудь явится, задержится здесь, да мало ли какая неожиданность могла произойти.

Нервы напряжены до предела. Все труднее держать принятый беззаботный тон.

— Пить хочется, — попросила Клава, оглядываясь. — У тебя есть вода? — Она давно уже заметила, что на заклеенном бумагой окне стоял пустой грязный графин и стакан.

— Сейчас, — с готовностью сказал он, беря стакан. — Подожди минутку, — и вышел, хлопнув дверью.

Теперь все решали секунды. Место для мины Клава уже присмотрела. Не оглядываясь на дверь, теперь это уже не имело значения в любом случае, но всей спиной чувствуя возможность, что дверь вдруг распахнется, Клава присела и глубоко задвинула мину в угол под аппарат. Выпрямилась, чувствуя, что силы оставляют ее...

Взяла себя в руки, дважды глубоко вздохнула. Теперь все! Уже спокойно снова подошла к столу. Было сильное искушение взять несколько исписанных бланков и сунуть их за пазуху, среди них, наверное, есть очень важные. Но тут же отказалась от этой мысли. Нельзя рисковать. Где же он с водой? Чего не идет? Ну?..

Дверь скрипнула. Один? Да. В руках стакан.

Выпив принесенную воду, она сказала:

— Проводи ты меня лучше отсюда. Я боюсь за тебя, вдруг кто зайдет. Лучше приходи завтра, пойдем погуляем. Николая не будет...

Тем же путем он вывел ее в переулок. Попытался обнять. Почти грубо оттолкнула.

— Завтра, завтра! Иди скорей.

Ф-фу! Ушел. За углом ее ждал Бресский.

— Ну? — спросил нетерпеливо.

— Все в порядке. Надо уходить быстрее.

Николай должен был остаться в местечке еще на

несколько дней. Но Клава, никуда не заходя, кратчайшим путем направилась в отряд.

Она уже была за местечком, когда до нее донесся приглушенный гул взрыва.

6

Очень хотелось до рассвета добраться в штаб бригады, сообщить о выполнении задания. Но, пройдя несколько километров, Клава почувствовала страшную усталость. А тут еще снег. Сначала он шел редкими тяжелыми хлопьями, потом усилился. Постепенно поднялся ветер. Началась метель. Физически ощущала, как с усталостью надвигается вялость и, что совсем уж опасно для разведчика, безразличие.

Надо отдохнуть. Помнится, где-то здесь, неподалеку, небольшой хутор. Остановилась, прислушалась. Поблизости должна быть дорога. Так и есть. И, видимо, не так давно проехала телега: в глубине колеи Клава нащупала примятый снег.

Осторожно пошла вдоль дороги, держась ближе к деревьям, чтобы в случае необходимости успеть спрятаться. Ветер донес запах дыма. А вот и хутор. Не хватает только, чтобы там оказались немцы. Присела за поваленным деревом и долго наблюдала. Ничего не слышно. Подошла ближе к забору, заглянула во двор. Под навесом стоят две крестьянские повозки. В конюшне фыркнула лошадь, переступила с ноги на ногу. Тишина. Гитлеровцев, видимо, нет.

Громко щелкнула железная задвижка. Словно чувствуя, что к хутору подошел посторонний, из хаты вышел старик. Зашаркал по двору.

Негромко окликнула:

— Дедушка!

Остановился. Прислушался.

— Кто там?

— Дедушка, заблудилась я. Далеко до Молодечно?

Услышав девичий голос, старик осмелел, подошел к забору.

— Километров с десяток. Откуда идешь-то?

— Из Дуниловичей. Вьюга застала, я и потеряла дорогу. Может, можно у вас переждать до утра? Боюсь, не дойду.

Старик не торопился с ответом, смотрел через ее

голову, может быть, думал, что не одна. Наконец решился:

— Заходи, коли так.

Впустил в калитку, осмотрел пристально.

— И верно, не дойдешь. Заходи в избу. Чего тебя по ночам-то носит? Кто такая?

Узнав, что сирота и идет в Молодечно, надеясь найти какую-нибудь работу, подобрел. Подошел к печке, принес, поставил на стол чугунок — на дне четыре остывших картофелины, положил кусок хлеба.

— Поешь, оголодала небось?

Пока ела, сидел молча, смотрел. Потом пожаловался:

— Не спится, вишь. Старуха вон спит, а меня бессонница одолела. Все думки, думки... Скорей бы уж войне конец, порядок бы становился какой-никакой. Может, и недолго ждать-то. Немцы уж и на Волгу вышли.

За едой можно и не говорить. Жевала с нарочитым усердием, слушала, куда клонит? А старик говорил не торопясь, делая длинные паузы, будто думал вслух, не очень интересуясь, слушают ли.

— Скучает земля по порядку-то. Сталинград возьмут, и Москва не удержится. Скорее бы уж добивали...

Так вот ты кто! Нашла себе место для ночевки! Сейчас начнет допытываться, кто я.

Опять помолчал.

— Значит, работу ищешь? Работа и у меня найдется. Девка ты хилая, а видно, жилистая. Оставайся, не обижу. Крестьянскую работу знаешь? Документ-то у тебя имеется законный?

Долго крутил в крепких узловатых руках аусвайс. Потом положил на стол, прижал ладонью.

— Так останешься? Чего искать-то?

Тепло размаривало, мучительно хотелось спать. Видно, лучше всего согласиться.

— Только мне утром непременно надо в Молодечно. Там у тетки материны вещи лежат, забрать надо. А к вечеру вернусь.

Похоже, поверил.

— Ну, вот и ладно. — Пододвинул документ ребром ладони. Смотрел, как она бережно заворачивает его в тряпочку.— Ты сама-то из каких? В бога веруешь?

Ответ уже был придуман. Но не торопилась. Подождет. Поднялась, отыскала глазами божницу, перекрестилась. Поблагодарила за еду. Сама, по-хозяйски, отнесла на загнетку опустевший чугунок. Только опять усевшись на лавку, стала рассказывать свою выдуманную биографию.

Старик выслушал ее с удовольствием.

— Верно встарь говорили: без бога ни до порога. Значит, мать лавку имела до прихода советских? Дело хорошее. Стало быть, ты не из этих басурманов, комсомольцев? Правильно!..

Вот везет сегодня на гадов! Тот, телеграфист, наверное, отправился на тот свет. И этому не мешало бы туда же.

А старик продолжал свое:

— Новый порядок, что немцы обещают, он нам, хозяевам, нужен. И мы немца поддерживать должны. У меня вон оба сына в полиции служат. — Вдруг хитро посмотрел на Клаву, добавил: — Один, между прочим, холостой еще. Парень что надо. Да они у меня оба такие. Партизанам спуску не дают. А дочь — переводчицей при комендатуре. Способная девица...

Ишь, лысый черт, разоткровенничался. Знал бы кому рассказываешь, сразу бы подавился. Мелькнула озорная мысль: вот бы сказать!

А старик, все более проникаясь доверием к гостье, стал обстоятельно рассказывать, как сыновья развязывают языки заподозренным в связях с партизанами.

Клава уже с трудом слушала откровения хозяина хутора, сдерживала вскипающий гнев. Вот гадина, еще хвастает! Сон пропал начисто. Хотелось подняться и скорее уйти отсюда. Но, подчиняясь какому-то внутреннему чувству, может быть интуиции разведчика, медлила, заставляла себя слушать.

— ...Немцы наших научат власть почитать. А то вот Варвара, батрачкой у меня была, начала фордыбачить: то ей не так, другое не по ней. Я было шумнул, а она — сучка какая! — говорит: вот вернется Советская власть, она, мол, тебя вдругорядь прижмет. Не иначе, партизанка. Не созналась, однако. Уж мы с сыном как за нее ни брались — подохла, а не сказала...

Такого нельзя оставлять в живых. Уничтожить надо это змеиное гнездо.

Еле сдерживаясь, спросила:

— А вы здесь не боитесь партизан? Могут ведь сюда зайти, а хутор далеко от города.

Старик по-своему понял ее:

— Не бойся, милая, не зайдут, побоятся. У меня, почитай, каждый день либо сыновья, либо немцы ночуют. Меня в обиду не дадут. Вот ты увидишь, кто здесь со мною Новый год встречать будет, — похвастался он, не подозревая, что именно эта фраза, может быть, спасла ему сейчас жизнь. — Сам комендант обещал дочке приехать, будут и другие немецкие офицеры.

Это меняло дело. До Нового года осталось не так много, можно и подождать — пусть пока поживет. Зато удастся захватить более крупную дичь.

— Гостей будет много, — продолжал старик. — Моей старухе одной не управиться, так что тебе придется постараться.

Клава не отказала себе в удовольствии заверить хозяина хутора, что, конечно, постарается как следует обслужить господ немецких офицеров.

Выполнить свое обещание Клаве не удалось. Этому помешали обстоятельства, о которых речь пойдет дальше. Но товарищи ее сделали все как надо.

Получив донесение разведчицы, командование бригады решило устроить под Новый год засаду на хуторе. Старик не соврал — на хутор съехались гитлеровские офицеры, руководители полиции.

Вместе с ними, конечно, была и охрана. Но она не помогла. Ровно в двенадцать часов ночи партизаны подожгли хутор, перебили охрану и забросали гранатами горницу, где пировали враги. Никому не удалось уйти. Трех фашистских офицеров и пятерых полицейских взяли в плен.

Так перестал существовать «Змеиный хутор», как назвала его в донесении Клава.

7

В Браславе появился новый начальник полиции со странной фамилией — Козырь.

После бесславного исчезновения его предшественника, арестованного гестапо, это место оставалось вакантным больше месяца. Заместитель начальника полиции некто Зеленюк не жалел сил, из кожи лез, на-

деясь своим рвением заслужить повышение. Да, видно, не дотянул. Или просто не понравился Фоксу.

Новый начальник прибыл откуда-то из Прибалтики, где до войны занимал отдельную камеру в ожидании суда. Решение судебного заседания могло оказаться для него последним решением. Но вспыхнула война, и фортуна повернулась к Козырю лицом.

Уже через неделю он, «пострадавший от Советской власти», стал переводчиком при новом начальнике тюрьмы. Но служба в учреждении, где он еще недавно находился в ином положении, не устраивала Козыря. Его манили другие перспективы, и он перешел на полицейскую службу. Знание немецкого языка, а в особенности некоторые другие склонности способствовали карьере господина Козыря. Вскоре он стал начальником полиции одного из уездов в Латвии.

Уже в день прибытия Козыря в Браслав стало ясно, что новый начальник достаточно подготовлен к своей деятельности. Вступив в должность, он немедленно отправился на аудиенцию к начальнику гестапо оберштурмфюреру Фоксу.

Начальник гестапо весьма сдержанно встретил своего гостя и сразу дал ему понять разницу в их служебном положении.

Козыря это не обескуражило. Да, он хорошо понимает и надеется доказать это делом, что полиция должна действовать в постоянном и повседневном контакте с гестапо; что он еще на прежней службе много хорошего слышал о господине оберштурмфюрере и рад видеть в его лице своего высокого и непосредственного начальника; что он лично и весь подведомственный ему состав сочтет честью выполнять его указания.

Установив таким образом взаимопонимание, оба начальника перешли к практическим вопросам.

После случая с военнопленными Фокс едва не угодил на фронт. Только природная изворотливость да еще некоторое заступничество в относительно высоких сферах позволили ему удержаться на месте. Теперь надлежало принять экстраординарные меры, чтобы укрепить свое положение.

Господину начальнику полиции было указано на необходимость всемерно активизировать деятельность вверенной ему службы. Нужна активность, смелая мысль, инициатива. К тому же гестапо напало на след

крупного советского разведчика, несомненно связанного с партизанами, Стрелка или Стрелки, действующего в этом районе. Конечно, гестапо найдет эту Стрелку. Сюда же прибыло карательное подразделение. Но и полиции следует проявить должную заинтересованность в обнаружении разведчика и его сообщников.

Начальник гестапо, не без оснований полагая, что излишнее усердие, равно как и отсутствие такового, может иной раз привести к конфузу, предупредил Козыря и об этом. Он обратил его внимание на то обстоятельство, что полиция подчас передает гестапо обвиняемых без каких-либо доказательств их вины. И тем самым отнимает драгоценное время, то есть заставляет гестапо работать впустую. Так вот, чтобы подобных случаев больше не было.

Вот какие события предшествовали очередному появлению в Браславе Клавы. Она пришла сюда с заданием разведать, какие новые воинские части прибыли в город, какие новые планы против партизан намечают гитлеровцы.

Явка, куда направилась Клава, находилась почти в центре города, в одном из переулков. Прежде чем идти туда, следовало убедиться, что не ведешь за собой «хвост».

Клава покружила по городу, пересекла сквер, прошла через дворы на другую улицу. Слежки за собой не обнаружила, но обратила внимание на обилие на улицах полицаев с нарукавными повязками и без повязок. «Стражи порядка» то ли были чем-то встревожены, то ли ожидали чего-то. Клава еще не знала об энергичном Козыре.

«В чем дело? — задавала она себе вопросы. — Может быть, ожидается приезд какого-нибудь большого начальства? Как бы это узнать?»

Мимо нее прошли два знакомых полицая. Нет, не знакомые в обычном значении этого слова. Просто она их не раз видела в предыдущие посещения города и хорошо запомнила лица. У одного на щеке красовалась большая синяя бородавка.

Встреча не встревожила разведчицу. Ее внешний вид не мог вызвать подозрений: видавший виды темный залатанный ватник, стоптанные не по ноге сапоги, довольно грязная сумка крапивного цвета, на дне которой лежало несколько кусков черствого хлеба и

три сырых картофелины. Обычная нищая, каких теперь много по всей Белоруссии.

Со своим обличьем нищенки Клава давно свыклась и относилась к нему как к своеобразной боевой форме.

Первое время ей было ужасно неловко показываться на людях с нищенской сумой. Когда она впервые оказалась в таком виде в селе и какая-то сердобольная крестьянка на базаре подозвала ее и сунула кусок хлеба и пару вареных картофелин, Клава едва не выдала себя. Было невыразимо стыдно получить подаяние, хотя и данное, видимо, от души. Все ее человеческое достоинство отчаянно протестовало.

Опомнилась. Покраснев до корней волос и за подаяние и за свою оплошность, она чуть слышно пробормотала слова благодарности. Это было самое трудное в разведке — уметь казаться тем, кем надо.

Теперь же Клаву не задевало не только такое подаяние, идущее от чистого сердца, от искреннего желания помочь. Случалось, что какой-нибудь торговец подзовет и, желая покуражиться, бросит к ногам медную монету или пару луковиц, репу. Поднимала и говорила:

— Спасибо, дяденька!

Не выдавать же себя.

Теперь она умела владеть своими чувствами. А несколько лет тому назад... Ей было тогда лет семь. Родители батрачили в помещичьем имении. Девятилетний сын помещика, уже имевший случай убедиться в самолюбии этого вечно голодного заморыша, желая поиздеваться, бросил ей в лицо кусок хлеба:

— На, ешь!

Не помня себя от ярости и унижения, она бросилась на мальчишку, свалила его и стала бить, царапать, кусать.

Разъяренный помещик чуть не убил Клаву и выгнал из имения ее родителей, удержав за дерзость дочери все, что они успели заработать.

И это был не единственный случай. Позже за гордый самолюбивый характер священник выгнал ее из сельской школы, куда мать с большим трудом устроила Клаву.

Вероятно, она так и осталась бы неграмотной, если бы не Советская власть. Клаве было уже двенадцать

лет, когда советские войска в 1939 году освободили Западную Белоруссию.

Все вдруг изменилось. Дочь батрака получила одежду, обувь и пошла в школу. В первый класс. Это было самое счастливое время в ее жизни. Никто не пытался унизить девочку.

Училась она с упоением — за два года закончила четыре класса, полюбила книги. Впереди мерещились такие планы!..

Все оборвали, разрушили фашисты. Война стала ее огромной личной бедой, как и бедой всего народа.

Нынешнее счастье Клавы заключалось в беспощадной борьбе против оккупантов. Этому она отдавала все силы, все умение, всю себя.

Очень часто Клава вспоминала горьковскую «Песню о Соколе». Еще тогда, в школе, когда она впервые услышала ее на уроке, девочку потрясли и очаровали необыкновенные строки. Она попросила у учительницы книгу и в тот же вечер выучила «Песню» наизусть. Огненные слова о Соколе были особенно близки ей теперь. Точно о ее товарищах по отряду написал их Горький. И о ней самой:

«Безумству храбрых поем мы песню!..

Безумство храбрых — вот мудрость жизни! О, сильный Сокол! В бою с врагами истек ты кровью... Но будет время, и капли крови твоей горячей, как искры, вспыхнут во мраке жизни и много смелых сердец зажгут безумной жаждой свободы, света.

Пускай ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету.

Безумству храбрых поем мы песню!..»

Так шла она, размышляя, вспоминая прошлое, думая о будущем — о том времени, когда разобьют фашистов. Но глаза ее привычно настороженно регистрировали все, что происходило на улице. Вот прошла группа солдат в немецкой форме, но явно не немцы. Проскочила машина с каким-то немецким офицером. Жаль, не успела рассмотреть погоны.

С противоположной стороны на эту переходят двое полицаев без нарукавных повязок. Один из них тот, с синей бородавкой. С ними она уже встречалась сегодня.

Поравнявшись с Клавой, полицаи неожиданно схва-

тили ее за руки. Крепко, словно клещами. Не вырваться.

— Дяденька, пустите!

— Попалась, гаденыш! — прошипел тот, что с бородавкой.

Рванулась, но полицаи вцепились еще сильнее, до боли.

— Дяденьки, миленькие, отпустите. За что вы?..

— Сейчас узнаешь, — ответил тот, что помоложе. И потащил ее по улице.

Почему схватили? Куда ведут?

Редкие прохожие окидывают взглядами исподтишка, иные торопливо сворачивают, переходят на противоположную сторону.

На ее просьбы и вопли полицаи ничего не отвечают. Клава торопливо перебирает в уме все, что было сегодня с момента прихода в Браслав. Как будто никакой оплошности не допустила.

Привели в полицию и втолкнули в узкий темный чулан без света. Хлопнула дверь, прогремел тяжелый засов.

Несколько минут стояла посреди камеры, прислушивалась. Звуки долетают, но приглушенные. Протарахтел мотоцикл. Послышались голоса людей. Слова разобрать трудно. И снова тишина.

Постепенно глаза привыкли к полумраку. Камера пустая. В углу подобие тюфяка. Свет просачивается через щели забитого досками высокого окна.

Голову сверлила одна мысль: почему схватили? Может быть, обнаружили явку? Но она туда еще не заходила и вряд ли там известно, что она должна прийти. Нет, если бы обнаружили явку — устроили бы там засаду. Это ясно. Выследили «почтовый ящик»? Нет. Постарались бы взять с поличным и уже после того, как положила бы донесение. В чем же дело?

Ничего не придумав, опустилась на тюфяк. Надо беречь силы, неизвестно что ожидает.

Так прошло не менее часа.

На потолке неожиданно вспыхнула электрическая лампочка, которую она не заметила при осмотре камеры. Стукнул засов. Дверь распахнулась На пороге стоял незнакомый полицай в синем пиджаке, за ним виднелась физиономия того, что схватил ее, — с бородавкой. Невольно встала. Мысленно упрекнула себя,

но тут же решила: правильно. Она девчонка-нищая. Должна была напугаться. Это и есть линия ее поведения. Ничего не знаю. А там видно будет.

Незнакомый полицай вошел первым. Тот, что с бородавкой, следом.

— Ты партизанка. Нам все известно. Рассказывай!— сказал полицай в синем пиджаке, видимо старший.

Сделала изумленные глаза. В голове сразу вереница мыслей. Все известно? И требуют рассказывать. Может быть, потому и требуют, что на самом деле ничего или почти ничего не известно?

— Дяденьки, я не партизанка. Не знаю я...

Страшный удар по шее отбросил к противоположной стене. В голове шумело. С трудом поднялась. Полицай, нанесший удар, медленно прошагал к ней. Внутренне сжалась, ожидая нового удара.

— Будешь говорить? — услышала голос старшего полицая, по-прежнему стоявшего посередине камеры.

— Не знаю я ничего...

И снова удар, от которого на несколько мгновений ушло сознание. Откуда-то издалека услышала:

— Потише, ты! Убьешь ведь сразу.

Тот, что бил, поднял за шиворот, как котенка. Прислонил к стенке.

— Будешь говорить? Сознаешься — отпустим. Ну? Кто ты такая?

От этих слов стало словно легче. Обещает отпустить, если сознаюсь, спрашивает, кто я. Значит, ничего они не знают. Разрешила себе громко заплакать со словами:

— Дяденьки, миленькие, ничего я не знаю, никаких партизан!..

В руках у того, что с бородавкой, увидела толстый ремень. Жгучая боль обожгла тело.

...Допрос продолжался бесконечно долго. Как сквозь туман видела — принесли табурет, на который уселся тот, что задавал вопросы. Боли от ударов уже не чувствовала, болело все. Старалась только уберечь лицо, глаза. Теряя сознание, мысленно твердила одно: «Не знаю, ничего не знаю», чтобы даже в беспамятстве произносить только это.

Все реже проблески сознания. И наконец черная темнота обступила со всех сторон.

Когда Козырь вошел в камеру, Клава была распростерта на окровавленном полу.

— Созналась? — спросил начальник полиции. — Что сообщила? Да живее, вы!

Оба полицейских, вытянувшись, стояли перед Козырем.

— Никак нет, господин Козырь... господин начальник полиции, — торопливо поправился старший полицейский.— С обеда бьемся — и ничего. Твердит одно.

— Ну? Что именно твердит?

— Говорит, что ничего не знает. Упрямая. Видно, придется передать в гестапо. Там язык развяжут.

— Кто она такая? Как ее фамилия?

Полицейские растерянно посмотрели друг на друга. В азарте «допроса» они совсем упустили это из виду.

— Переверните, — приказал Козырь.

Полицейские торопливо перевернули тело. Козырь увидел худенькое девичье лицо, залитое кровью, синяки под разорванным платьем. Тонкие худые ноги в слишком больших сапогах.

— Кто она такая? — еще раз спросил начальник полиции.

— Нищенка, — ответил на этот раз другой полицейский, и синяя бородавка на его щеке сделалась еще синее.

— Значит, передать в гестапо?! — в голосе начальника полиции послышалась сдержанная ярость.

— Так точно, господин начальник полиции, — почтительно подтвердил первый. — Там ее говорить заставят.

И здесь Козырь дал волю своему гневу. Лицо его побелело и исказилось. Он в таких сочных выражениях охарактеризовал умственные способности своих подчиненных, что даже они, слышавшие и произносившие немало крепких слов, обомлели.

Высказавшись и несколько успокоившись, Козырь приказал, показывая на обоих полицейских:

— Пять суток ареста! На хлебе и воде! А это, — он указал глазами на тело,— выбросить вон. Немедленно!

С этими словами начальник полиции покинул камеру.

Через несколько минут полицейские волокли тело девушки по коридору. Зайдя за угол дома, они бросили ее на пустыре, куда сбрасывали мусор.

Клава всего этого не слышала.

Она пришла в себя от чьего-то ласкового голоса:

— Жива, не убили изверги? Ну, слава тебе, господи...

Избитое тело страшно болело, но у Клавы хватило сил, опираясь на руки старика и молодой женщины, встать на ноги. Оказывается, они видели, как полицаи выволокли ее из казармы и бросили на кучу мусора. Не боясь риска, подошли к девушке. Она застонала. Значит, жива.

Спасители привели Клаву к себе на бывшую улицу Ленина. Увидев синяки и ссадины на ее теле, хозяйка пришла в ужас и принялась делать примочки.

Старания доброй женщины и молодой организм сделали свое дело. К утру Клава почувствовала себя лучше.

Утром старик ушел на работу, а женщина, накормив Клаву, пошла за продуктами. Превозмогая боль, Клава торопливо оделась и ушла из гостеприимного дома. Ушла потихоньку, не имея возможности сказать слова благодарности своим спасителям, которые даже не спросили ее, кто она. Придет время, и девушка возвратится в этот маленький домик, чтобы обнять хороших советских людей, сердечно поблагодарить их. А сейчас надо было уходить из города. Ведь не известно, почему ее арестовали и не захотят ли полицаи снова заняться ею.

День был базарный, и Клава поспешила на рынок. Попросив крестьян, бывших там, на обратном пути подвезти ее, она выехала на чьей-то подводе из города и к ночи была в Иодах, в штабе партизанской бригады.

8

После неудачной разведки в Браславе Клава, как ни сопротивлялась, вынуждена была на несколько дней лечь в госпиталь. В бригаде был свой врач и два фельдшера, в распоряжении которых находилась маленькая хатка с нарами, застланными чистым бельем.

Чуточку странно было лежать на мягком сенном матрасе под одеялом. Под головой — настоящая подушка. Правда, в этом госпитале не всегда хватало бинтов и ваты, весьма скуден был набор медикаментов. Но в данном случае единственная в те дни пациентка нужда-

лась не так в лекарствах, как в отдыхе и несложных примочках.

Отдых, сон, нормальное питание, а главное, стремление поскорее возвратиться в строй быстро поставили разведчицу на ноги. Уже через неделю она получила обратно свой знаменитый ватник, сапоги и, сияя улыбкой, явилась к Антипенко. Синяки, понятное дело, еще не прошли, так ведь она их и не собирается никому показывать.

Усадив девушку на лавку, Антипенко начал издалека:

— Поскольку ты, Клава, только что сама лежала в госпитале, ты знаешь, что с медикаментами и перевязочными средствами там негусто. Начальник госпиталя жалуется, что в случае поступления раненых придется превращать в бинты простыни. Нет йода, ваты, вообще нет никаких лекарств.

Девушка и сама уже думала об этом, лежа на госпитальных нарах. Где-то надо было добывать лекарства и бинты. Собственно говоря, где — было ясно: у немцев, конечно. А вот каким образом? Поэтому начало беседы начальника разведки сразу пришлось Клаве по душе. Уж если Антипенко заговорил на эту тему — значит, у него есть решение и конкретное задание. Девушка не раз дивилась необыкновенному умению начальника разведки знать обо всем, что делалось на десятки километров вокруг.

Антипенко не совсем обычно начал беседу с разведчицей. Ему хотелось убедиться, что случай в Браславе на нее не подействовал угнетающе. Антипенко считал, что если у разведчика, идущего на задание, появляется не то, чтобы трусость, а неуверенность в себе — такого лучше не отправлять в разведку. Там силы приходится черпать у самого себя, на помощь тебе прийти некому. А нет уверенности в себе — первая же неожиданность окажется трагической. Но Клава, видимо, осталась такой же: тот же ясный пытливый взгляд, спокойная уверенность.

— Не боишься? — спросил начальник разведки в упор.

— Почему спрашиваете, Ким Евсеевич? — удивилась девушка.— Ведь не первый раз пойду.

— Ну и отлично! Вот какое задание,— переходя на свой обычный, чуть суховатый командирский тон, за-

говорил Антипенко.— В аптеке воропаевского гарнизона работает наша партизанка Нина. В аптеку не заходи. На явке скажут, как и где можно встретиться с нею. Получишь медикаменты — сразу возвращайся. Но раньше проверь, не обыскивают ли при выходе из городка. Вот тебе адрес и пароль... Все ясно? С оружием в Воропаево не входи — вдруг обыскивают на заставе.

Рассвет еще только намечался, когда Клава вышла из лагеря. До Воропаева добралась без приключений. Прежде чем войти в городок, обошла его кругом. Наметанным глазом приметила: незаметно не войдешь — кругом немцы, даже в огородах патрули.

Не доходя до заставы, присела в придорожных кустах. Надо было посмотреть, как проверяют пропуска. Ждать пришлось довольно долго — люди шли или ехали только в случае крайней необходимости.

Наконец, показался крестьянин на санях. На заставе его встретили сразу трое: немец с автоматом и два полицая. Один полицай взял лошадь под уздцы, другой долго рылся в санях, перевернув в них все. Только после этого немец проверил документы и разрешил ехать.

Клаву тоже тщательно и нахально ощупали, заглянули в мешок, спросили к кому идет. Немец так долго рассматривал аусвайс, что у девушки заныло под ложечкой. Наконец, отдал со словами:

— Хорошо, девушка!

Похоже, гитлеровцы сильно напуганы, хотя воропаевский гарнизон считается одним из спокойных.

Отойдя на десяток домов от заставы, Клава присела на лавочку у забора и стала переобуваться. Как раз в это время к заставе подходила старуха с мальчиком и представилась возможность сразу же понаблюдать, как проверяют при выходе. Утешительного мало. Не только проверили, что у старухи в кошелке, но ощупали и мальчика. «Может быть, на другом конце городка не так дотошно проверяют?» — успокаивала себя Клава. Но и сама мало верила в это. Скорее всего, так везде.

Нина понравилась Клаве. Серьезная, спокойная дивчина. Наверное, комсомолка.

— Медикаментов и перевязочных средств можно достать сколько надо,— заверила она.— Но как ты унесешь их отсюда? Обыскивают зверски.

Утром Клава отправилась на выход через другой

пост. Там проверяли только немцы, полицаев совсем не было. Один стоял с автоматом, второй осматривал. Он не только прощупал Клавин мешок, но и высыпал из него на снег все содержимое.

Когда, проклиная фашиста, Клава собирала свои вещи, к контрольному посту подошла женщина. Клава видела, как она достала из кошелки документ. Но немец не только не стал обыскивать, а вдруг отступил назад и замахал руками.

— Хорошо, хорошо, проходи!..

Женщина ушла. Собрав все в мешок, Клава отправилась следом. Надо было узнать, почему немец с таким испугом отступился.

Когда пост скрылся за поворотом, она нагнала женщину и пошла рядом. Не решаясь сразу спросить, незаметно рассматривала спутницу, но от той не укрылось это. Посмотрев на Клаву печальным взглядом хороших умных глаз, женщина сказала:

— Удивляешься, что немец пропустил так? Испугался.— В пояснение своих слов она вытянула руку, оголив всю кисть. Рука была в красных гноящихся прыщах.

— Что это? — невольно отшатнулась Клава.

— Чесотка,— просто объяснила спутница.— В нашей деревне она, почитай, в каждом дворе. Еда плохая, мыла взять негде, и лекарств нет, вот и мучаемся. А немец, он пуще всего заразы боится.

Вот оно, решение! Совсем простое. Но... Клава представила такой ужас на своем теле и внутренне содрогнулась. И уже понимая, что придется пойти на это, никак не могла решиться.

Впрочем, ведь ее никто и не заставляет заражаться. «А кто заставляет партизан драться против гитлеровцев, погибать или получать ранения?» — услышала она внутренний голос, словно кто-то громко спросил ее. Да и ее самое никто не принуждает быть партизанкой, рисковать жизнью. А уж если она рискует жизнью, неужели чесотка страшнее? Ее же все-таки можно вылечить.

Антипенко и Широков, выслушав Клаву, категорически запретили ей думать о таком выходе. Но она снова и снова доказывала им, что это единственный и очень надежный путь доставки лекарств. Это необходимо, чтобы спасать раненых партизан. А с нею, они же

знают, ничего не случится; и никого она не заразит, пусть не думают.

И командиры отступили перед ее настойчивостью.

Когда через десять дней Клава снова шла через заставу, она нарочно побольше оголила руку из ватника, подавая документ. Эффект был полный: немец отскочил и замахал руками: иди, иди!..

Нина, увидев, что сделала с собою Клава, только стиснула зубы. Помогая ей укладывать на теле пакеты с медикаментами, пообещала:

— Следующий раз придешь — приготовлю тебе мазь. Как минет надобность — будешь смазывать, и все пройдет.

— Приготовь побольше,— попросила Клава.— Надо будет отнести в деревню.

9

Снова ночь застала разведчицу в дороге.

После недавней оттепели опять ударили морозы, установилась ясная тихая погода.

Клава торопливо шла по укатанному машинами шоссе, а рядом, словно охраняя ее, осторожно двигалась тень.

Это только кажется, что зимой господствуют два цвета — черный и белый. На самом деле в природе никогда не бывает такого богатства тонов и оттенков, как в лунную морозную ночь. На темно-фиолетовом бархате мерцают и переливаются цветными огоньками серебряные светлячки звезд. Между небом и землей на невидимой ниточке висит прозрачная луна, украшенная радужным ореолом. Кажется, подуй неожиданно ветер и зыбкий круг оторвется и улетит, а луна закачается из стороны в сторону...

Лес остался позади. Справа и слева он широкими темными крыльями уходит за горизонт. А впереди, насколько может охватить взор, раскинулась голубоватая скатерть уснувших полей, где-то вдали таинственно смыкаясь с темным сводом неба.

Впрочем, сейчас Клаве некогда было любоваться сказочной панорамой со всеми ее красотами. Надо побыстрее уходить с ровной ленты шоссе, где гитлеровцы могут увидеть ее издалека. Спрятаться здесь негде.

По морозцу шагается легко, а в движении не страш-

на и стужа. Но в такую ночь и мороз может оказаться предателем. Снег под ногами неистово скрипит и взвизгивает, шаги слышны, наверное, очень далеко. Приходится идти по обочине, то и дело проваливаясь в снег.

Но вот и развилка. Клава торопливо свернула на узкую дорогу, проложенную в глубоком снегу крестьянскими санями. Здесь спокойнее — по такому проселку немцы на машинах не сунутся. Пошла медленнее.

...Мороз пощипывает. Клава трет уши, нос, щеки. Время от времени останавливается, прислушивается. Она проходит не больше полутора километров от развилки, когда до ее слуха доносится далекое урчание автомобильного мотора. По шоссе, в сторону леса, идут машины. Рокот моторов усиливается.

До шоссе по прямой метров триста, и Клава ложится, чтобы с машин ее не могли увидеть. Колонна из пяти грузовиков проносится с ревом и гулом. Фары погашены. Кузова укрыты брезентом. Что-то там под ними?

Через несколько минут машины будут у кромки леса, там, где в ста метрах от опушки их ждут мины. Она встает и смотрит вслед. Машин уже не видно, слились с черной стеной леса.

Ага! На темном фоне — яркий всплеск огня. Второй. Секунда, другая, и ночную тишину раскалывает звук далекого взрыва. Еще. И тотчас доносится деловитый перестук станкового пулемета — короткие очереди. Бьет Геннадий Лысенок, пулемет у него. Чуть слышно тарахтят автоматы. Клаве кажется, что она слышит и голоса людей. А может быть, и не кажется.

Хорошо все получилось. Гитлеровцы не заставили себя ждать, ребятам не пришлось долго мерзнуть в засаде. Взорвались обе поставленные ею мины.

Бой, как и следовало ожидать, длился недолго. Вот снова слышится нарастающий шум машин, хотя выстрелы не утихают. Разведчица снова падает на снег, продолжая наблюдать за дорогой.

Два грузовика стремительно, на полной скорости пролетают обратно. Так, значит, три остались на месте! Ветер треплет распахнутые полы брезента. В кузовах что-то кричат и продолжают отстреливаться гитлеровцы, хотя их никто и не преследует.

Теперь все в порядке. Можно идти.

До местечка Глубокое часа три ходьбы. Являться

туда ночью ни к чему. И девушка сворачивает к чуть виднеющемуся в стороне хутору. Там живет семья одного из партизан, и ее охотно приютят, ни о чем не расспрашивая.

В Глубокое Клава, переночевав на хуторе, пришла часов в одиннадцать утра и сразу направилась разыскивать мастерскую по починке обуви.

Первым, кого она там увидела, оказался Николай Бресский. Он сидел на табуретке и прибивал каблук к сапогу. Никого, кроме него, в помещении не оказалось.

Правила явки нарушать нельзя, личное знакомство дела не меняет. Не здороваясь, Клава спросила:

— У вас можно покрасить туфли лаком?

— Да, но только красным,— ответил Николай.

Все в порядке. Теперь можно и поздороваться. С Бресским она не раз выполняла совместные задания, он всегда был надежным товарищем и храбрым разведчиком. Клава довольна, что и на этот раз именно он является ее партнером.

Прочитав принесенное Клавой письмо, Бресский закрыл мастерскую, повесил табличку «Ушел за товаром» и повел ее в подвал при мастерской. Здесь сидел старик и перебирал картошку.

— Дядя Егор,— сказал Бресский, показывая на Клаву,— за картошкой приехала.

— Очень вовремя,— отозвался дядя Егор, не прекращая своего дела.— Садись и подсобляй,— предложил он девушке.

Тут только Клава увидела, как он перебирал картошку. Старик брал из мешка патроны для автоматов и ловко втыкал их в картофелины — по нескольку штук в каждую.

Здорово придумано, мысленно одобрила разведчица, сразу оценив выдумку партизан. Перевозить патроны в ящиках было невозможно — по дороге немцы и полицаи постоянно обыскивали подводы. А маскировка в картошке позволяла снабдить партизан не только патронами, а попутно и продовольствием, с чем тоже последнее время становилось туговато.

Трудились до поздней ночи. Вечером, закрыв мастерскую, к ним присоединился и Бресский.

Утром, погрузив мешки на сани, Клава отправилась в обратный путь. Начиненная патронами картошка сверху в каждом мешке была прикрыта цельными

клубнями. Поэтому поверхностный осмотр груза мог пройти благополучно. Тем более что покупка картофеля и перевозка его были довольно обычным явлением.

Внешне все выглядело так, что никаких подозрений не вызывало. Впереди сидел крестьянин, держа вожжи и понукая лошадь. Сзади, на мешках с картошкой, сидела покупательница. Выезд из деревни был свободным, документов не требовали.

В целях надежности и конспирации Бресский за деньги нанял лошадь у возчика, обслуживавшего местную комендатуру. Полицаям была хорошо известна и пегая кобылка и крепкие розвальни. Но кучером Николай нанял крестьянина из другой деревни.

Груз надо было довезти до хутора, стоявшего неподалеку от леса. Оттуда мешки ночью заберут партизаны.

От Глубокого отъехали уже на несколько километров, когда сзади раздался стрекот мотоцикла. У Клавы екнуло сердце — ехал полицай.

Поравнявшись с подводой, полицай спросил, что и куда везут.

— От вас и к вам,— спокойно ответила Клава, не вставая.

— Документы! — потребовал полицай.

Девушка достала аусвайс и протянула ему. У Клавы еще не совсем прошла чесотка, и полицай, увидев ее руки, сказал:

— Ладно, вижу.

Снова заработал мотор, и партизанка с облегчением решила: «Пронесло».

Но, немного отъехав, полицай вернулся и сказал, что все же хочет для порядка посмотреть груз. Крестьянин, не подозревавший, что за картошку он везет, спокойно остановил лошадь. Клава спрыгнула с саней и, все еще надеясь на благополучный исход, начала развязывать один из мешков.

Однако полицай не удовлетворился этим. Достав из кармана перочинный нож, он наклонился над другим мешком и стал разрезать его.

Оставался единственный выход. Выхватив финку, партизанка одним ударом в спину уложила полицая. Надо было видеть страх и удивление старика крестьянина. Впрочем, он быстро пришел в себя и принялся

помогать Клаве запрятывать мотоцикл и тело убитого полицая.

Подвода была остановлена недалеко от мостика через небольшую речку, густо поросшую кустарником, в него и перетащили труп и мотоцикл, завалили их снегом.

— До седых волос дожил, а никогда не думал, что девчонка может так ловко справиться с таким мужчиной,— сказал крестьянин, когда они снова тронулись в путь.

— Ничего, дед,— ответила ему партизанка,— зато ты теперь видел, как надо с фашистами расправляться.

До хутора доехали благополучно.

Сгрузив мешки и уже садясь в сани, старик еще раз посмотрел на партизанку и произнес:

— Молодец, дочка! Так и воюй дальше. А если что понадобится, скажем, опять отвезти, всегда помогу. И лошадь найдем.

Ночью мешки уже были в лагере.

10

Шла осень 1943 года.

Уже первые месяцы ознаменовались победой под Сталинградом. Миф о непобедимости гитлеровских войск был опровергнут окончательно и бесповоротно. Фашисты еще огрызались, даже переходили в наступление, но уже приближался день расплаты. На многих фронтах советские войска все чаще переходили в решительное наступление.

Радио приносило радостные вести. Прорвана блокада Ленинграда. Освобождены Воронеж, Курск, Вязьма. Пятого августа в Москве прогремел первый салют — в честь освобождения Орла и Белгорода. Освобождены Харьков, Сумы, Сталино, Новороссийск, Брянск...

С восторгом принимали эти вести партизанские радисты. И спешили обрадовать жителей окрестных деревень. Сколько листовок Советского информбюро расклеила Клава и другие партизаны в хуторах и местечках! Правда, которую гитлеровцы всеми мерами хотели бы скрыть от населения оккупированных ими районов, проходила через все препятствия.

Не меньше, чем известия о победах на фронтах, радовали Клаву и сообщения из Москвы о мерах, направ-

ленных на восстановление мирной жизни. Великая страна, ее Родина не только боролась с фашистскими захватчиками, но и с уверенным спокойствием думала о завтрашнем дне, когда враг будет разгромлен. И Клаве хотелось делать еще больше, чтобы скорее пришла победа.

Близился час освобождения ее родной Белоруссии. И молодая партизанка не жалела ни сил, ни здоровья, ни самой жизни, чтобы приблизить этот час. Она участвовала в рейдах диверсионных групп, взрывавших железнодорожные и шоссейные мосты, поезда, автомашины, средства связи.

А время делало свое дело, и все меньше походила Клава на девочку. Собственно, это была уже девушка, и немало боевых партизанских парней заглядывалось на шестнадцатилетнюю разведчицу, когда шла она по лагерю. Даже неуклюжий ватник не мог скрыть ее женственности, легкости движений, а грубые, не по размеру сапоги словно подчеркивали трогательную точеность ног. Гадкий утенок становился лебедем. И уже не один Бресский отмечал, что эта девчонка кого хочешь с ума сведет.

И только сама Клава не видела и не понимала происходивших с нею перемен. Также по-дружески была ровна со всеми, не желая понимать причин озорной храбрости парней, попадавших в одну с нею боевую группу. Если же иной герой пытался искать пути к ее сердцу — в черных глазах разведчицы загорались такие насмешливые огоньки, что в них сгорала всякая надежда добиться взаимности.

15 сентября очередное задание привело разведчицу на хутор Спокойное, что в восемнадцати километрах от Браслава.

Походив по хутору и убедившись, что здесь ничего не изменилось со времени ее прежнего посещения, разведчица решила было отправиться в Браслав, но случайно услышанная фраза заставила изменить план.

По единственной улице хутора шла пожилая женщина с пустым мешком в руках. Ее окликнула из калитки другая, спросив, почему же она возвращается без покупки.

— Ой, милая,— воскликнула первая, всплескивая руками.— Не дошла я до Иказни, воротилась. И хорошо, что не успела дойти...

Оглянувшись вокруг, она понизила голос и что-то еще сказала приятельнице. Клава не расслышала всей фразы, но услыхала слово «немцы».

В деревне Иказнь находилась небольшая немецкая комендатура. Вряд ли об этих немцах говорила старуха: собираясь идти в деревню, она не могла не знать о комендатуре. Значит, речь идет о каких-то других немцах. О каких же?

Не раздумывая больше, Клава подошла к беседующим женщинам и спросила безразличным тоном:

— Тетеньки, как мне ближе пройти до Иказни?

Старухи прекратили разговор и посмотрели на незнакомую девушку. Видимо, осмотр был в ее пользу.

— А зачем тебе в Иказнь-то? — поинтересовалась женщина с мешком.

— Я из Браслава, а в Иказни сейчас живет моя тетка, мамина сестра,— сказала Клава.— Там-то я ее найду, а вот как дойти — не знаю.

— Не ходи ты туда, дочка,— вмешалась вторая женщина.— Соседка, вишь, говорит,— она кивнула на женщину с мешком,— немцы туда направились, отряд целый.

— И обоз при отряде,— добавила первая.— Не ходи, милая, от греха подальше. Я старуха — и то вернулась. А молоденькую эти басурманы всегда обидеть могут.

Поблагодарив женщин, Клава отошла.

Конечно, следовало узнать, что за отряд немцев и зачем пошел в Иказнь. Она посмотрела на клонящееся к закату солнце, прикидывая время. До Иказни — три километра. Вполне можно засветло прийти. Может быть, уже что-то знает Эмма Барановская — связная явочной квартиры.

Первое, что увидела партизанка, войдя в деревню, был немецкий обоз, расположившийся на ночевку. Решила пройти мимо. И тут же услышала за собой шаги. Сердце замерло. Все же продолжала быстро идти. Сзади послышалось:

— Сестренка, погоди!

Действительно идут за нею. Но если бы хотели арестовать, обращались бы не с такими словами. Оглянувшись, остановилась. Догонял молодой солдат.

Подошел и сказал укоризненно:

— Зачем ты так? Надо быть осторожной, с карате-

лями шутки плохи. Хорошо, что двух наших холуев не было. Могли бы схватить. Идем, я тебя провожу отсюда, а то лейтенант увидит, неприятности могут быть.

Они пошли вдоль улицы.

— Чего это немцы сюда явились? — спросила Клава напрямик.

Парень помрачнел и ответил с неохотой:

— Опять людей для отправки в Германию отбирать. Целый отряд немцев прибыл. Наш обоз при них.

Молодого солдата звали Ваней. Он рассказал, что находится у немцев не по своей охоте, а мобилизован.

Что-то в этом парне было такое, что заставляло верить его словам. У Клавы мелькнула одна мысль. Но говорить на улице было опасно. Парень предложил зайти в церковь, где как раз шла служба. Народу было не очень много. Нашли укромный уголок. Ваня заговорил откровенно:

— Послушай, сестренка, я вижу, что ты не простая девушка. Помоги мне уйти от этих волков. Я не хочу, чтобы люди меня проклинали!..— Лицо парня выражало отчаянную решимость. Разведчица не сомневалась, что говорит он искренне.

— Ты один не хочешь служить фашистам или есть и другие? — спросила она.

— Есть несколько человек, о которых я знаю, что они ушли бы от фашистов, да не знают, как это сделать. Наверное, и еще есть, да сказать боятся.

— Хорошо,— сказала партизанка.— Давай сделаем так: пусть те, кто не хочет служить гитлеровцам, завтра днем вместе с тобой придут к озеру, туда, где на повороте дороги растут рядом три больших ветлы. Знаешь? Ну, увидишь, они приметные. Там и поговорим.

В назначенное время Ваня и еще шесть его товарищей пришли к озеру. Разговор был короткий и деловой. Парни понравились разведчице. Видно было, что они твердо решили перейти к партизанам. По их словам выходило, что таких, как они, в обозе еще человек двадцать, а то и больше.

Договорились, что Ваня и его друзья поговорят с ними и через три дня снова подойдут сюда же. А Клава за это время свяжется с партизанами.

Через три дня произошла вторая встреча. Желаю-

щих уйти от гитлеровцев оказалось двадцать восемь человек. Клава сказала им, что без оружия в партизанском отряде делать нечего. Перебежчики заверили, что сумеют захватить не только свое оружие, а еще и сверх того.

Разведчица через связную уже получила указание от отряда. Она назначила перебежчикам место, где их встретят партизаны.

В ночь с 19 на 20 сентября солдаты, вместе с которыми был и начальник по снабжению отряда, выехали на двух грузовиках якобы за продовольствием в соседнюю деревню. Из деревни можно было выехать только в сопровождении немецких офицеров. Два офицера сели в переднюю машину.

После выезда из деревни офицеры были уничтожены, после чего обе машины, одна из которых тайно от немцев была нагружена оружием и боеприпасами, направилась к указанному Клавой месту встречи. Здесь их уже ждали.

Партизаны вначале внимательно присматривались к новому пополнению, проверяли их. Но в первом же бою убедились, что перебежчики действительно искренне порвали со своим позорным прошлым. Партизаны приняли их в свою семью. А те в свою очередь старались достойно показать себя в боях.

11

Отправив перебежчиков в отряд, Клава осталась в Иказни для дальнейшей работы.

Дня три гитлеровцы напрасно ожидали возвращения машин, затем послали еще одну машину на поиски. Безрезультатно. Решив, что грузовики захвачены партизанами, фашисты, не имея возможности добраться до них, стали вымещать злобу на мирном населении. Каратели начали жечь окрестные деревни, а население сгонять к одному из хуторов возле Иказни.

Опасаясь попасть в облаву, Клава укрылась на чердаке пустовавшего в это время школьного здания. Отсюда была видна вся улица, и ей невольно пришлось стать свидетельницей зверств, чинимых фашистами.

Через Иказнь вели жителей многих сел. Это было горестное и непереносимое зрелище. Окруженные со всех сторон гитлеровцами, колонны испуганных, оде-

тых во что попало людей медленно шли по улице, подгоняемые криками конвоиров. Усталые матери несли маленьких детей на руках, ребятишки побольше семенили рядом. Шли старики, опираясь на соседей. Тех, кто падал от усталости, конвоиры безжалостно пристреливали. Почти каждая колонна оставляла за собою на улице трупы.

Что ждало этих людей дальше? Об этом даже страшно было подумать. Работоспособных, в основном молодежь, отправят в Германию, где им предстоит стать рабами арийских хозяев. А остальные?

Клава стояла, притаясь, возле узкого чердачного окошка, не в силах оторвать взгляд от страшного шествия внизу. По щекам ее текли слезы, она не замечала их. Нет большей кары для волевого энергичного человека, чем собственное бессилие.

Если бы можно было отдать жизнь за спасение этих людей — Клава отдала бы ее не задумываясь.

И еще толпа, окруженная фашистами... Девушка вдруг вся приникла к окошку. Из груди вырвался не то стон, не то крик. В толпе гонимых она увидела... Нет, этого не может быть! Клава вцепилась зубами в руку, чтобы не закричать от отчаяния. Там, внизу шла ее мать, прижимая к груди трехлетнюю сестренку. Рядом, низко склонив седую голову, шел отец. Мать шла не безучастно, как большинство людей в этой колонне, а оглядывала улицу, словно ища на ней кого-то. Клаве казалось, что она вот-вот поднимет голову и тогда их взгляды встретятся.

Девушка хотела и страшилась этого. Ей вдруг показалось, что в глазах матери вспыхнет упрек. Ведь это в какой-то степени из-за нее на этот раз лютовали фашисты — из-за исчезнувших солдат и машин. Сквозь застилавшую все пленку слез Клава проводила прощальным взглядом самых дорогих для нее людей и обессиленная упала, содрогаясь от рыданий. Она понимала, что больше никогда не увидит их, они погибли.

Надо сказать, что Клава ошиблась. Но спас родителей не счастливый случай, а мужество и энергия ее матери. Как и дочь, родители Клавы в свое время не остались в стороне от всенародного движения и включились в борьбу против оккупантов. Мать стала связной партизанского отряда. В день облавы она только

что возвратилась из леса, где была в партизанском штабе, как в их дом ворвались гитлеровцы.

Согнанных отовсюду жителей фашисты сразу же погрузили в эшелоны и отправили в Германию. Понимая, что мирные перепуганные люди, в большинстве своем с детьми, не смогут бежать, немцы не слишком внимательно охраняли их.

Через несколько часов, когда поезд на несколько минут остановился на каком-то полустанке, окруженном лесом, родители Клавы вместе с маленькой дочкой сумели незаметно отползти от поезда и спрятаться во рву. Они оказались в Литве. Нашлись добрые люди, что не побоялись приютить семью беженцев.

Возвращаться обратно было опасно. И они остались в Литве. Освоившись на новом месте, смелая женщина и здесь сумела связаться с партизанами и опять включилась в борьбу. Домой семья возвратилась уже после того, как фашистов выбили из Белоруссии и Прибалтики.

Только на второй день Клаве удалось уйти из Иказни. На пустынной улице там и сям лежали мертвые, валялись оброненные вещи, потерянная обувь.

Убитая горем, обессилевшая Клава добралась до штаба бригады. С трудом подбирая слова, доложила командованию о том, что сделала во время разведки, рассказала о расправе, учиненной фашистами над мирным населением. И наконец не выдержала и расплакалась.

Широков не утешал Клаву. Да и чем можно утешить в таком случае? Дав ей немного выплакаться, он вдруг строго сказал:

— Встань! Довольно слезы лить. Вытри их и послушай меня. Умойся сперва.

Командир остановился напротив девушки и молча ждал, пока она приводила себя в порядок, вытирала глаза. Наконец сел рядом и медленно заговорил:

— Я все понимаю. Но ты говорила не подумавши. В том, что каратели угоняют население, нет твоей вины. Ты забыла, что они еще до твоего прихода явились с этой целью. Вспомни тех, кого ты помогала освобождать из лагеря в Браславе. Разве партизаны виноваты, что фашисты согнали за колючую проволоку семь тысяч человек и расстреливали их? Ты и сама знаешь, что гитлеровцы явились в нашу страну с пла-

ном уничтожить большинство советских людей, а остальных превратить в рабов. Знаешь ведь?

Клава молча кивнула головой. Все это верно, она знает, но близких людей, самых дорогих, может, уже нет в живых.

— Понимаю тебя. Все понимаю, дочка. И не хочу тебя утешать. Но мы с тобой бойцы, и наша обязанность, которую мы добровольно приняли на себя перед народом,— отомстить, сторицею отплатить фашистам за их злодейства! Ты понимаешь меня?

— Понимаю. Все, что в моих силах... все... все...

— И хватит! Возьми себя в руки. Иди отдыхай.

12

За несколько дней до Октябрьских праздников Клаву срочно вызвали в штаб. Войдя в землянку, она сразу поняла, что предстоит задание особой важности. За столом рядом с командиром бригады сидел инструктор подпольных организаций Владимир Белый. Здесь же находились начальник разведки и начальник штаба.

Девушку пригласили сесть у стола, где уже была разложена карта. Эту карту разведчица хорошо знала. Сильно выцветшая, потертая на сгибах до коленкора, исчерченная цветными карандашами. Сколько раз вместе с командиром бригады и начальником разведки склонялась Клава над зеленым полем карты. Черные линии железных дорог, тонкие коричневые волоски шоссейных, голубые лужицы озер, извилистые синие нити рек, черточки мостов, точечки и квадратики населенных пунктов. И каждая линия и каждая точка много раз исхожены, ощупаны собственными ногами.

Догадка не обманула разведчицу. Задание действительно предстояло нелегкое. В местечко Слободки, что в восьми километрах от Браслава, на секретное совещание должно было приехать большое фашистское начальство. Об этом только что сообщили подпольщики. Задача Клавы — устроиться в комендатуру и подготовить взрыв ее здания, когда туда соберутся участники совещания. Сложность задания усугублялась тем, что в распоряжении Клавы было всего одиннадцать дней. Облегчало же его то обстоятельство, что она могла действовать в контакте и с помощью находившихся в местечке подпольщиков. Завтра утром ей надлежало

быть на явочной квартире, там вместе с подпольщиками все обсудить и немедленно начинать действовать.

Уточнив детали, обсудив возможные варианты действия, Клава получила письмо для передачи руководителю явки. Передавая его, командир бригады предупредил: письмо ни при каких обстоятельствах не должно попасть в руки гитлеровцев.

— По возможности давай о себе знать,— напомнил начальник разведки, завершая инструктаж.— А главное — действуй осмотрительно!

— Ну, как говорится, ни пуха ни пера,— шутливо напутствовал разведчицу Широков. И Клава явственно ощутила в его словах тревогу и желание ободрить.

— Удачи тебе, Стрелка,— сказал Кораблев, называя разведчицу ее условным именем.— Возвращайся скорее и, как всегда, с победой.

Прежде всего предстояло подумать, в каком виде появиться в Слободки. Роль нищенки не подходила уже потому, что ей предстояло в течение нескольких дней работать в комендатуре, то есть быть на виду. Стоило постовому заставы случайно запомнить ее, а затем встретить в другом виде, и провал обеспечен. С другой стороны, идти надо было только через заставу — подпольщики предупреждали, что местечко усиленно охраняется кругом.

Видимо, лучше всего было идти без всякой маскировки. Клава достала из мешка пестрое платье, то самое, в котором очаровывала незадачливого телеграфиста в Молодечно, туфли.

Примеряя платье, Клава еще раз убедилась, насколько она изменилась за этот год. Не без тайного удовольствия она осмотрела себя. И снова вспомнила восхищенный взгляд Николая, впервые увидевшего ее в таком виде там, в Молодечно.

Теперь письмо. Собственно не письмо, а записка на тоненьком листочке. Расчесала отросшие волосы, заплела в две косы. Уложила короной на голове. В косу запрятала записку. Теперь все. Оружия брать нельзя. Надела ватник, покрыла голову платком. Туфли завернула в тряпицу. Надеть придется уже в Слободках — на каблуках далеко не уйдешь.

К местечку подошла, когда солнце уже было высоко. Постовой внимательно, но быстро проверил документы и равнодушно кивнул: иди.

На улице народу мало. Шла, щурясь от яркого солнца. В конце октября такая погода редкость. Наверно, и природа радовалась, что гитлеровцам приходит капут. Наша армия все настойчивее теснила фашистов к границе. Скорее бы!

Кажется, не привлекла к себе нежелательного внимания. Можно идти на явку.

Вышла на неширокую улицу. По противоположной стороне навстречу идут двое штатских. Одного сразу узнала — начальник Браславской полиции Козырь. Чего это он здесь? Клаве уже приходилось видеть его после того неожиданного и непонятного ареста в Браславе в декабре прошлого года. А кто с ним?.. Невольно внутренне сжалась и отвела глаза. Это он тогда допрашивал! Только бы не вспомнил, только бы не вспомнил...

Но тот уже вцепился острым взглядом. Что-то быстро сказал Козырю.

«Узнал, собака»,— поняла разведчица, кинув взгляд по сторонам и ускоряя шаг. Кроме этих полицаев — никого. Через два дома переулок. Там сразу же в калитку и огородами на другую улицу.

Не оглядываясь, почувствовала, что полицаи бросились за нею. Уже совсем подойдя к повороту в переулок, услыхала:

— Стой! Стой!..

— Держи — партизанка!..

Метнулась за угол и обомлела. Навстречу двое в черной форме — офицеры СС. До калитки не успеть. Сзади кричат полицаи. Эсэсовцы с мгновенной реакцией ищеек подскочили, схватили за руки, стали выкручивать. Тут же вцепились Козырь и другой полицай.

Сразу привели к гестапо. Остановились перед дверью, обитой черной клеенкой. Оба эсэсовца и полицай остались с Клавой и по-прежнему крепко держали ее. Козырь скрылся за дверью. Через минуту он выглянул, жестом показывая, чтобы ввели схваченную.

Увидев девушку, из-за огромного стола поднялся высокий плотный офицер. Козырь почтительно величал его полковником Бушем.

— Вот эта самая,— говорил Козырь по-немецки.— Один раз, господин полковник, полиция ее арестовывала, но тогда ей удалось бежать. Почел долгом не-

медленно передать ее в ваше распоряжение,— захлебываясь от усердия, докладывал начальник полиции.

— Ясно,— сказал Буш, не дослушав. Он внимательно осмотрел арестованную, словно раздумывая, как с нею поступить. Голубые глаза его смотрели почти благожелательно.

Приказав всем выйти и оставив арестованную, немец пододвинул стул и вежливо предложил Клаве садиться. Затем обошел стол и уселся на свое место. Какое-то время молча рассматривал партизанку.

С той минуты, как эсэсовцы схватили ее, Клава поняла, что для нее все кончено. В особенности, когда услышала, что ее ведут в гестапо. Успела даже подумать: лучше, что схватили на улице, а не тогда, когда она устроилась бы в комендатуре. По крайней мере, немцы не могут догадаться о цели ее прихода. А этот тип, полицай, раз уж он здесь, конечно, узнал бы ее и в комендатуре.

Но сейчас не эта мысль была главной. В волосах находилась записка, которая ни при каких обстоятельствах не должна попасть в руки фашистов. Ее надо уничтожить. И как можно скорее. Разведчица не тешила себя надеждами, ясно представляла, что ее ожидает.

Мысль о записке не оставляла ее и сейчас, когда Буш молча сидел напротив, может быть, выдумывая для нее пытки. Почти обрадовалась, когда он заговорил.

Гестаповец спросил, говорит ли девушка по-немецки. Клава неплохо знала немецкий, но, подчиняясь какому-то внутреннему чутью, ответила, что не понимает.

— Жаль, очень жаль,— заметил полковник, переходя на русский язык, которым он владел свободно. И добавил наставительно:— Напрасно. Язык народа, с которым впредь придется жить, обязательно надо знать.

Клаве очень хотелось сразу оборвать фашиста — напомнить ему, что уже недолго ждать, когда захватчиков вышибут из Советского Союза. Но удержалась. Иначе гестаповские методы допроса начнутся немедленно. А у нее записка.

Буш повернулся и загремел замком большого сейфа, стоявшего сзади. Затем положил перед Клавой ча-

сы, золотые браслеты, кольца. Потянулся к сейфу еще и достал пачку денег. Небрежно бросил ее на стол, крупные ассигнации рассыпались веером.

— Красивой девушке к лицу такие вещи,— он кивнул на стол.— А на деньги можно купить красивую одежду, а не ватник. Я правильно говорю?— спросил он молчавшую партизанку.— Берите, не стесняйтесь.

Подчиняясь этому голосу, она взяла усыпанный разноцветными камешками браслет. Он мягко засверкал, словно засветился изнутри.

— Не правда ли, прелестные вещички? И все это за те маленькие сведения, которые девушка сообщит о партизанах.

«Где он их награбил? Целый магазин. А может быть, снял с кого-то из тех, кого угнали в Германию?— Партизанка вспомнила недавнюю сцену в Иказни.— Или с убитой?» Стало неприятно, и она поспешила положить браслет на стол. И опять настойчиво засверлила мысль о записке.

— Девушка получит эти безделушки и уйдет домой,— снова заговорил Буш.— А мне расскажет все, что ей известно о партизанах. Договорились? И никто об этом знать не будет. Это будет есть наша маленькая тайна,— почему-то перековеркав фразу, сказал он.— Ну? Видите, я даже не спрашиваю вашу фамилию.

— Меня это прельщает,— каким-то чужим голосом произнесла Клава. Она уже решила, чего будет добиваться.— Но все же мне надо подумать.

— Сколько же девушка хочет думать?— осведомился Буш. И улыбнулся насмешливо.

— Минут тридцать,— выпалила Клава. И добавила торопливо: — Или час.

Полковник нажал кнопку, а затем небрежным жестом смахнул разом в ящик стола драгоценности и деньги.

— Вы не возражаете, если мы поместим вас в общую камеру? Свободных нет.

Появился автоматчик.

— В третью камеру,— приказал Буш и добавил, обращаясь к Клаве: — Советую вам поторопиться.

В общей камере уничтожить записку незаметно было невозможно. Но Клаве уже было безразлично, увидят или нет. Она решила съесть документ.

Людей в камере было немного. Двое сидели на полу. В углу кто-то стонал. Один молодой мужчина стоял около двери. Клаве некогда было рассматривать заключенных. Она сразу пошла в свободный угол.

Вынув из волос записку, Клава торопливо засунула ее в рот и стала жевать. Надо было торопиться, каждую минуту могли прийти за ней. Подозрительный тип заметил, что, мол, не очень-то приятно есть бумагу. На что получил ответ:

— Это я пока здесь ем бумагу, а отбивные будут у Буша.

Тип как-то растерянно и ехидно улыбнулся и отошел к двери. Вскоре его вызвали на допрос, а еще через несколько минут пришли и за Клавой.

И вот она снова в том же кабинете.

— Какое письмо ты съела?— сразу же набросился на нее Буш.— Говори!

«Да, тот негодяй и вправду был провокатор, подсаженный. Но какое это теперь могло иметь значение?— обреченно подумала разведчица.— Ведь из рук гестапо живыми не выходят. Зато письмо им уже не получить».

Дальше началось то, чего она и ожидала.

На нее надели наручники, и Буш сам начал избивать девушку. Он мерзко ругался, рвал на ней волосы, бил головой о стену. Когда Клава теряла сознание, он обливал ее водой, и все начиналось сначала.

Сколько это длилось, Клава не могла бы сказать. Время для нее словно остановилось.

Пришла она в себя на цементном полу одиночной камеры. Попыталась сесть, не смогла.

Так и пролежала она до утра, то впадая в забытье, то снова приходя в себя. Только когда ей показалось, что она что-то говорит в бреду, Клава заставила себя окончательно прийти в сознание. «Что она говорила?— Она пыталась, но не могла восстановить произнесенных слов.— Не хватало еще, чтобы к ней подсадили провокатора и она в беспамятстве все высказала. Могла же она молчать на допросе. Значит, и в бессознательном состоянии должна молчать»,— приказала себе партизанка.

На следующий день повторилось то же.

Окатив девушку в очередной раз холодной водой,

фашистский полковник дал ей прийти в себя. Затем приказал сесть за стол и подписать бумагу.

Клава с трудом читала расплывающиеся перед глазами строки. Там было написано, что она не сама стала партизанкой, а ее заставили. Видимо, это им нужно, чтобы напечатать в газете, догадалась Клава. И, не подписывая, сбросила бумагу на пол.

На третий или четвертый день полковник снова изменил тактику, он опять усадил ее на стул и начал отечески журить за ненужное упрямство.

— Ты молодая, красивая, ты ведь еще не жила. Разве тебе не жаль себя? А согласилась бы сразу — тогда же отпустили бы домой. Клянусь честью германского офицера.— Увидев, как изменилось лицо девушки, он торопливо продолжал: — Я полагаю, что ты и сама почти ничего не знаешь о партизанах. Ты только связная. Но я знаю, что тебе известен, не может не быть известен, один человек, которого мы ищем. Мы уже нащупали его и не сегодня-завтра все равно схватим. Но ты можешь немножко помочь. За это мы выпустим тебя. Полечим и выпустим. И наградим. Тебе понятно? Слушай внимательно. Нам нужен партизанский разведчик по кличке Стрелок или Стрелка.

Несмотря на боль, на сознание обреченности, Клава чуть не рассмеялась фашисту в лицо. Даже боль словно бы отступила. Вот, значит, как она им насолила! Выходит, не зря прошли эти месяцы. Так, значит, вот-вот схватят! Знал бы ты, кто сидит перед тобой. Спокойно глядя в лицо фашисту, Стрелка произнесла уверенно:

— Не схватите теперь. Ума не хватит.

Буш рывком поднялся. Лицо перекосила уже знакомая гримаса злобы. Взял себя в руки, сел. Даже вроде улыбнулся.

— Ты его видела? Какой он из себя?

— Не видела я,— коротко ответила партизанка.— Возможно, видела, да не знала, что это он,— пояснила после паузы.

— А кого ты знала? Назови мне явочные квартиры здесь, в Браславе и в других местах.

— Никого я не назову, дурак ты фашистский,— медленно, растягивая слова, сказала она.— И ничего ты не добьешься, хоть лопни. Можешь меня сразу убить, все равно говорить не буду.

— Убить?— гестаповец бешеными глазами уставился на девушку.— Напрасно надеешься так просто уйти от меня. Ты еще тысячу раз будешь просить о смерти! Я обещал выпустить и наградить тебя. Теперь ты мне все расскажешь, что знаешь, только за то, чтобы я убил тебя.

И снова для Клавы огнем и кровью потекли часы непереносимых мук. Ей вводили иглы под ногти, зажимали в специальные тиски ступни ног, били шомполами, травили собаками. Словно сквозь туман перед Клавой возникало ненавистное фашистское рыло.

Ночью, приходя в себя в камере и, как блаженство, ощущая холод цементного пола, разведчица дивилась силе, заложенной в человеке. Казалось бы, сотой доли этих мук было достаточно для смерти, а она все не шла.

Есть ли вообще предел человеческим силам? Она не знала, как попадала в камеру после допроса. Только один раз в полубессознательном состоянии почувствовала, что ее волокут по коридору конвоиры, держа за руки. А на допрос она шла сама, хотя ноги подкашивались от слабости.

В камере, чтобы отвлечься от ощущения боли, наполнявшей все тело, Клава вспоминала свою короткую жизнь, товарищей по отряду, дядю Васю.

...Вот она провожает дядю Васю в лес после выздоровления. Они идут по дороге. Девочка держит в руках палку, другой конец ее у дяди Васи. Он изображает слепого. Дядя Вася сам придумал такой способ. Иначе и не пробраться бы через населенные пункты. Ловко он слепого играл. Даже немцы и полицаи не сомневались, пропускали свободно. Оказывается, дядя Вася в молодости актером был и в одной пьесе слепого играл. Его режиссер учил, как слепой должен вести себя. Теперь пригодилось.

Пока шли по деревне, молчали. А вышли в поле — разговорились.

— Вот переберусь через линию фронта,— мечтал дядя Вася, найду свою часть. Меня, наверное, все погибшим считают. А я — вот он!— и он весело смеялся, представляя себе удивленные и обрадованные лица друзей.— Еще повоюем с фашистами!

Прощаясь, дядя Вася снял со своего пояса небольшой ладный финский нож и подал его Клаве.

Комиссар партизанской бригады «Неуловимых» Б. Л. Глезин.

Партизаны проводят митинг в одном из сел Западной Белоруссии.

Секретарь Полоцкого подпольного райкома партии Н. А. Новиков.

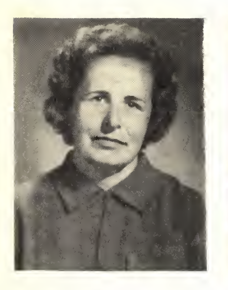

Второй секретарь Полоцкого подпольного райкома партии Г. С. Петров.

★

Переправа партизан. ➤

Начальник разведки одного из отрядов «Неуловимых» Анна Смирнова (снимок 1968 года).

Разведчица-подпольщица Лилия Костецкая.

Разведчица Клава Скотникова (снимок 1969 года).

Медсестра Е. Ф. Яковлева (Семченок) (снимок 1965 года).

★ Герой Советского Союза подпольщица Татьяна Мариненко.

Начальники разведки отрядов «Неуловимых» К. Е. Антипенко (снимок 1960 года) и П. Е. Гуков.

Разведчики-подрывники П. С. Лисицын (слева) и Е. А. Телегуев.

Юный партизан Степан Горбатенко.

★

Встреча партизан бригады «Неуловимых» в окрестностях города Полоцка в 1959 году. В центре — Герой Советского Союза М. С. Прудников.

Партизанский тайиик.

★

В походе.

Радист Владимир Пиняев на связи с Москвой.

★

Партизанский отряд направляется к месту боевой операции.

Партизанская клятва. 1942 год.
1959 год. Бывшие партизаны бригады «Неуловимых» возлагают венки на могиле погибших в годы войны товарищей.

Взрывают железнодорожное полотно. ➤

В освобожденном селе. Долой поганую фашистскую надпись!

Группа разведчиков «Неуловимых» (слева направо): Г. С. Савватеев, А. Ф. Шмойлов, Я. А. Ермилов, А. П. Белов.

Партизаны бригады на встрече с бывшим секретарем Полоцкого подпольного райкома партии (шестой слева). 1959 год.

На празднике 20-й годовщины со дня освобождения Белоруссии. Слева направо стоят: начальник разведки бригады П. А. Корабельников, командир 3-й белорусской бригады Марченко. Сидят: секретарь Полоцкого горкома партии П. Г. Яковлевич, бывший начальник штаба стрелковой дивизии, участвовавшей в освобождении Полоцка, Н. П. Андриянов.

— Это тебе на память. Верю, что ты пойдешь хорошей дорогой, станешь партизанкой. Биться с врагом до последней капли крови — это самое честное, что может сделать человек в такое время.

Она не обманула надежд дяди Васи, офицера Красной Армии. Это ему могут подтвердить и Геннадий Лысенок, и Коля Бресский, и Антипенко. И даже сам командир бригады. Знают ли в штабе, что она попала в гестапо? Удалось ли быстро заменить ее? Готовят ли взрыв комендатуры? Если бы все удалось — здание гестапо тоже пострадает. Взрыв может разрушить стену, и ей удастся бежать... Нет! Клава встряхнула головой, стараясь прогнать бессмысленную надежду. Чудес не бывает. Вот Буша при взрыве может убить, он, конечно, будет на совещании.

«Какое сегодня число? — Клава мучительно пытается вспомнить, но никак не может соединить в одну цепочку эти дни пыток. — Еще не седьмое. Да и взрыв она бы услышала».

И снова текут, сменяя друг друга, картины пережитого.

...Взрыв рельсов на дороге между Вильно и Двинском. Мины заложили на повороте. Взорвались одновременно паровоз и два вагона. Паровоз подбросило, и он упал поперек насыпи. На него горой полезли вагоны и вдруг обрушились под откос. Из-под вагонов стали выбираться гитлеровцы — те, кто не сломал себе шеи, — и сразу попали под огонь партизан...

Или, когда взорвали мост во время прохождения эшелона. Мост обрушился точно, когда паровоз только подходил. Так весь эшелон вслед за паровозом и ушел в речку. Партизаны устроили засаду, чтобы уничтожить ехавших в эшелоне карателей. Но даже не пришлось стрелять — никто из фашистов не спасся, все в речке остались.

...Первый разговор с Геннадием Лысенком вскоре после ухода дяди Васи. Осторожный, нащупывающий. Клава не раз примечала, что появление на заборах и на стенах домов листовок со сводками Совинформбюро совпадало с появлением на этих улицах Лысенка.

И вдруг выяснилось, что и он наблюдал за Клавой, когда она ночью несла найденный автомат.

Еще ничего не сказав друг другу толком, оба страшно обрадовались. Свой! Это как встреча в пус-

тыне после долгих дней блуждания в поисках дороги.

Впрочем, Геннадий был уже не один. Почти с первых дней оккупации многие ребята и девушки нашли друг друга. Подпольная комсомольская организация даже имела свое имя: «За Родину».

Вспомнила Клава, с каким трепетом присутствовала она на своем первом комсомольском собрании. Ее приняли в организацию еще в мирные дни, в школе, когда ей только что исполнилось четырнадцать лет. Было это перед самыми каникулами. А тут война, пришли немцы.

Теперь комсомольцы собрались не в клубе или школе, как бывало до войны, а в заброшенной бане. Собирались поодиночке, под покровом ночи. Выставили часового, чтобы не быть застигнутыми врасплох. И говорили не об успеваемости в учебе или о работе кружков. Вопрос был один: как организовать борьбу с захватчиками? Где для этого взять оружие?

Вокруг находился враг, в любую минуту могли наскочить немцы или полицаи, а Клава сидела совершенно счастливая. Она не одна! Вот они — товарищи, коллектив! И как хорошо, что дядя Вася посоветовал собирать оружие. После его ухода она вынесла с чердака и закопала в разных местах два пулемета, восемь автоматов, двадцать четыре винтовки, много патронов, гранат. По второму вопросу повестки дня она смогла сказать:

— Товарищи комсомольцы! Оружие у нас для начала есть...

«Но, какое же, все-таки, сегодня число?» — Эта мысль не давала ей покоя. С ней она наконец задремала, с нею проснулась.

На допрос уводили обычно сразу после того, как после завтрака заберут кружки, в которые плескали коричневой бурды — «кофе». Но сегодня давно уже прошло время, а конвоиров нет.

Они явились только после полудня. Когда конвоиры ввели ее в кабинет, Буш был не один. Напротив него сидел высокий тощий эсэсовец. Увидев вошедших, он недовольно поморщился. Но Буш, жестом отпустив конвоиров, сказал:

— Не беспокойся, она ничего не понимает по-немецки.

И Клава осталась. Она села на стул возле стены,

хотя и думала, что фашист подскочит и сбросит ее со стула. Но стоять не было сил, уж лучше было лежать на полу. Однако Буш мельком взглянул на нее и ничего не сказал.

Прислонившись к спинке, она сидела, полузакрыв глаза, безразличная ко всему, что ее еще ожидало сегодня.

Гитлеровцы возобновили видимо прерванный разговор, и Клава невольно стала прислушиваться.

— ...Злосчастный год,— произнес тощий эсэсовец, закуривая такую же длинную, как он сам, сигарету. До Клавы донесся аромат дорогого табака.— Если подтвердится, что наши оставили Киев, это поставит под угрозу всю украинскую группировку.

— Не сегодня, так завтра придется оставить Гомель,— мрачно отозвался гестаповец.— А впереди зима. Нашей армии трудней всего приходится зимой. Эти проклятые русские морозы сводят с ума.

Взят Киев, вот-вот освободят Гомель! Сердце разведчицы трепетало от восторга. Значит, не так долго ждать Красную Армию и сюда. Где-то в подсознании мелькнула мысль, что ей уже не дождаться, но Клава решительно отмахнулась от этой мысли.

— Сейчас плохо складываются наши дела в Керчи,— снова заговорил эсэсовец,— большевики развивают десантные операции...

Раздался телефонный звонок и перебил разговор.

— Полковник Буш слушает... Так точно!.. Есть!— Буш посмотрел на часы и встал, кладя трубку.— Вызывает сам,— пояснил он собеседнику.— Опять пойдет речь, как обеспечена охрана на завтра.

— Да, если этот твой Стрелка пронюхает о совещании...— эсэсовец не закончил фразы и многозначительно покачал головой.

— Ты вечером свободен?— спросил Буш, прощаясь с гостем.— Приходи. Посидим, вспомним Париж, Ганса, царство ему небесное.

«Совещание завтра. Значит, сегодня шестое. Если наши успеют, завтра и тебе придется последовать за своим Гансом»,— злорадно подумала Клава.

Проводив приятеля, Буш подошел к ней.

— Сегодня вас расстреляют,— сообщил он, глядя

Клаве в лицо.— Еще не поздно спастись, хотя вы могли сделать это и раньше, не доводя до худого,— он скользнул по ней взглядом.

Клава молчала. Что ж, она сразу знала, что так кончится.

Не дожидаясь ответа, Буш нажал кнопку.

— В камеру!— бросил он конвойным и отошел к столу.

Итак, в ее распоряжении осталось несколько часов. Впервые за десять дней пребывания в гестапо она сама зашла в камеру. Щелкнул замок. Клава осторожно опустилась на пол.

Несколько часов. А там... Обидно умирать, быть может, почти накануне освобождения. Хотя, кажется, с момента ареста она не обманывала себя, хорошо понимала, что из гестапо живыми не выходят. Но... каждый умирает один раз. Нет, у нее это уже вторая смерть. Полицейские в Браславе считали, что убили ее.

Перед глазами снова прошла вся жизнь. Мало было в ней светлого, еще меньше спокойного.

Когда воспоминания довели до школы, улыбнулась им, как добрым друзьям. Было и у нее счастье. Припомнилось доброе лицо учительницы. Как ей хотелось, чтоб ученики лучше понимали все, о чем она рассказывает. А как она читала «Песню о Соколе»! В памяти опять возникли гордые, волнующие строки:

«Безумству храбрых поем мы песню!..»

Клава медленно про себя читала поэму, и слезы текли по ее почерневшим щекам. Она видела гордого, смертельно раненного Сокола и Ужа, свернувшегося рядом. У Ужа были глаза не то Козыря, не то того типа, провокатора в камере.

«Подполз он ближе к разбитой птице и прошипел ей прямо в очи:

— Что, умираешь?

— Да, умираю!— ответил Сокол, вздохнув глубоко.— Я славно пожил!.. Я знаю счастье!.. Я храбро бился!.. Я видел небо... Ты не увидишь его так близко!.. Эх, ты, бедняга!»

Стены узкой темной камеры словно растаяли. Вокруг было безбрежное голубое небо и парящий в нем храбрый Сокол. И надо всем звучали гордые огневые слова.

«Пускай ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету.

Безумству храбрых поем мы песню!..»

13

Клаву вывел из забытья резкий голос конвоира:

— Выходи!

Видя, что она не может подняться, он подошел и рывком поставил ее на ноги. Цепляясь за стены, Клава пошла к двери.

Расстрелы всегда производят ночью. Сейчас еще день. Опять к Бушу? А она надеялась, что допросов больше не будет. Звери! Даже решив расстрелять, хотят еще поиздеваться. Особенно остро почувствовала, как мало осталось сил...

Переступила порог камеры и поняла: не допрос, а смерть. За конвоирами несколько автоматчиков. Между ними — двое. Рубахи растерзанные, лица в синяках и кровоподтеках, на руках — наручники. У того, что повыше,— пронзительно суровые черные глаза. Красивый рот. У второго — крупное, наверное, очень доброе лицо, светлые курчавые волосы.

Клаву втолкнули в середину круга автоматчиков. Еле удержалась на ногах. Высокий, бешено сверкнув глазами, подхватил девушку, не дал упасть.

Вероятно, и парни перенесли немало. Но, идя между ними, Стрелка чувствовала добрые крепкие руки, не дававшие ей упасть.

Наверное, было часа четыре. Их повели через все местечко, самыми людными улицами. Видимо, и этим надеялись запугать жителей. Встречные либо опускали головы, либо сочувственно смотрели на обреченных. И от этих сочувственных взглядов гитлеровцы с автоматами нервничали и кричали:

— Проходи, проходи!

Их вели посередине мостовой. Впереди и сзади шли по три автоматчика, по бокам — по два с каждой стороны. Офицер шел чуть позади. Между осужденными и конвоирами дистанция метра два — видимо, чтобы партизаны были виднее.

Воспользовавшись этим, Клава и парни потихоньку говорили. Черноглазого звали Николаем, курчавого —

Лешей. «Партизаны»,— коротко сообщили они о себе, не уточняя, за что арестованы.

Скоро стало понятным, куда их ведут. На окраине Слободок начинается обширный пустырь, за ним песчаный карьер.

Кончились последние дома, вышли на пустырь. Конвоиры по команде офицера придвинулись вплотную к осужденным. Офицер пошел рядом.

— Трусит, сука,— насмешливо сказал Николай, кивнув на офицера.

— Молчать!— рявкнул конвойный. Но не ударил, словно тоже боялся.

Немного спустились по откосу. Около первой же ямы фашисты остановились. Яма неглубокая. На дне — поломанное колесо. Подумалось: не упасть бы на него. Точно это имеет какое-то значение.

Всех поставили на краю лицом к яме. Николай и Леша, едва немцы отошли, повернулись к яме спиной. Клава торопливо последовала их примеру. Правильно, не нам смерти бояться! Автоматчики уже выстраивались шеренгой.

А небо такое голубое, с легкими, как пух, облаками...

Хлестнула резкая автоматная очередь. «Слева!» — механически отметила Клава, еще не поняв, что произошло. Успела заметить, как пошатнулся и упал немецкий офицер и два автоматчика, услышала слова:

— Товарищи, ложитесь!.. В яму прыгайте!..

Коля резко толкнул ее вниз. Удар обо что-то твердое. И потеряла сознание...

...Нестерпимо, прямо в глаза светило летнее солнце, и выли волки:

— У-у-у! Вь-ю-ю-у-у!.. Гу-у-у-у!..

Хотела закрыть глаза рукой — боль пронзила тело. От этого окончательно пришла в себя. С усилием открыла глаза. Солнца нет, только полоска света в щели. «Не закрыли... Гроб,— лениво прошла мысль. Пошевелила головой. Щель высоко, наверное, метра два, какой же гроб? Где я? В гестапо? Нет. Расстреливали... в карьере. В ушах прозвучал голос: «Товарищи, ложитесь!» Упала в яму. Под головой мягкое. Хотела громко спросить: «Где я?» Не надо. Раньше понять, где нахожусь...»

Сознание постепенно крепло: «Лежу на правом бо-

ку». Попробовала поднять левую руку. Больно. Пошевелила пальцами, кажется, двигаются. Правая рука прижата телом. А ноги? Распрямила одну, вторую. Больно, но терпимо. Ясно увидела — двигаются. Перед глазами забор. Или стена? Догадалась — сарай.

Теперь повернуться на спину. Осторожно! Так. Правая рука не двигается, тяжелая. Ранена? Колющие мурашки побежали от плеча до кончиков пальцев. Горячие. Отлежала? Руку можно поднять. И боли особой нет.

Справа стена. Слева? Медленно повернула голову. Тоже стена. Светлая. Дрова! Целая стена наколотых дров. За ними проход. «Значит, лежу в сарае... Не в лагере, там положили бы в госпиталь. Где я?» Прислушалась. Тишина. Уловила тоненькое:

— У-у-у!.. Вью-у-у-у!!.

Не волки — ветер в щелях.

Скрипнула и мягко стукнула дверь. Легкие шаги. Прикрыла глаза. Сквозь сумерки ресниц увидела женскую фигуру, что появилась в проходе. Женщина подошла, осторожно коснулась теплой ладонью. От руки легкий запах капусты... Широко открыла глаза:

— Анна Васильевна!..

— Тихо, тихо, голубка! Проснулась?.. Вот и хорошо. Нет, ты не поднимайся, нельзя. Лежи, сейчас покормлю.

— Где я?

— У нас, на хуторе. На Укле.

Анна Васильевна присела рядом, взяла ложку, поставила на колени кастрюльку.

— Вот так. Ты ешь, а я тебе буду рассказывать, что знаю. На молочке варила, мягкая, ешь...

Из рассказов Анны Васильевны узнала, что три дня тому назад ее привезли Лысенок и Гринюк и попросили укрыть у себя временно. В отряд брать не стали, побоялись — слаба очень, чуть жива. Положили в сарае, потому что в доме нельзя, дочка пятилетняя, не понимает, сказать может.

— Думала, и не выхожу тебя. Все тело в крови, в синяках, в ранах. Стонешь тихонько, будто чувствуешь, что нельзя громко.

— А Коля и Леша живы?

— Не скажу, милая, не знаю. А ребята ничего не сказали. Объяснили только, что отбили тебя у фаши-

стов. Ты лежи, не тревожься. А товарищи обещали за тобой прийти через несколько дней. Лежи, сил набирайся.

Анну Васильевну Клава знала еще по тому счастливому времени, когда училась в школе. Муж ее, Антон Филиппович Борисенко, был директором школы. После прихода гитлеровцев они уехали на хутор Укля, к родственникам. Здесь и живут на берегу озера. Антон Филиппович ловит рыбу, иногда ходит в Браслав продавать кое-что из вещей. Тем и живут.

Две недели провела Клава на хуторе. Неустанные заботы доброй женщины отвели смерть. Постепенно становилось лучше, хотя сил не было.

Однажды ночью приехали Геннадий Лысенок, Владимир Болот и Иосиф Гринюк и увезли ее в лагерь. Оказывается, кто-то из соседей узнал о партизанке и грозил донести.

Уже значительно позже Клава узнала, что вскоре после ее отъезда нагрянула полиция. Сделали обыск. Никого не найдя, сильно избили Антона Филипповича. Болел он недолго и вскоре умер.

В лагере узнала и о судьбе своих товарищей по расстрелу. Николай, столкнув Клаву в яму, бросился на гитлеровцев, был тяжело ранен и умер по дороге в лагерь. Алеша стал партизаном в одном из отрядов бригады.

Долечивалась Клава уже в лагерном госпитале. Прошло больше двух месяцев, прежде чем она смогла вернуться в строй. Да и то против воли начальника госпиталя.

Но столь яростным было ее стремление бить фашистов, что врач уступил.

Да и партизанский доктор на многочисленных примерах давно убедился, что для таких людей, как эта девушка, возвращение к активному действию — лучший способ лечения.

И оказался прав.

14

Конец мая был трудным. Все отряды партизанской бригады «Неуловимых» почти не выходили из боев. С востока к истерзанной Белоруссии с нарастающей силой пробивались войска Прибалтийского и Бе-

лорусского фронтов. Ночью, если не было близкой перестрелки, Клава подолгу стояла и слушала пока еще еле различимый гул далеких орудий. Там был фронт, там проходила передняя линия огня. Там Красная Армия перемалывала фашистские силы.

А здесь, в тылу у немцев, тем же занимались партизаны. Только методы были другие.

Прошло время, когда фашисты чувствовали себя в своем тылу хозяевами. Теперь, если они рисковали выйти за пределы своих гарнизонов, то только не меньше чем в составе взвода. По ночам на окраинах занятых ими населенных пунктов гитлеровцы старались обезопасить себя пушками, минометами. Уже и речи не было о том, чтобы вести планомерную борьбу с партизанами.

Правда, временами гитлеровцы бросали крупные силы против бригады. Но, наскочив на засаду или встретив сильное сопротивление, они не стремились, как прежде, проникнуть в глубь леса, а ограничивались яростной стрельбой из всех видов оружия.

— Ничего,— говорили партизаны, выходя из-под огня,— пусть постреляют, глядишь, все меньше патронов и снарядов у фрицев останется.

В районах действия партизанские отряды выполняли свою долю воинского труда: они не давали фашистам ни единого спокойного часа. Внезапное нападение на гарнизоны, подрыв мостов и железнодорожных линий, взрывы на шоссе — все это основательно дезорганизовывало снабжение гитлеровских войск оружием и боеприпасами, в которых так нуждался их передний край.

Партизаны вели и широкую разведку, сообщая наступающим частям Красной Армии о силах немцев, о расположении их укреплений. Партизанским разведчикам приходилось работать особенно настойчиво.

Клава старалась успеть везде. То с диверсионной группой уходила на подрыв железнодорожного полотна и телефонной связи. То устанавливала мины на дорогах или вместе с другими партизанами сидела в засадах.

Но по-прежнему больше всего ей приходилось бывать в разведке. Вездесущая Стрелка появлялась на улицах и на окраинах местечек, высматривая огневые точки немцев, дерзко нападала на зазевавшихся фа-

шистских вояк, добывая «языков», расклеивала листовки с последними сообщениями Совинформбюро.

Раны, полученные в гестапо, затянулись, срослась сломанная рука. Но изуродованные пальцы, глубокие шрамы на спине и на ногах все время напоминали о себе. Впрочем, об этом знала только Клава. Никто не догадывался, каких усилий подчас стоили Стрелке ее лихие налеты, смелые до безрассудства выходы на разведку.

Однажды, когда она возвращалась с очередного задания в штаб бригады, ей особенно повезло.

Идя по лесной дороге, Клава вдруг услышала позади цоканье копыт. Прислушалась. Ехали два всадника. Не очень торопясь, сошла с дороги и залегла близ нее в густом кустарнике. На всякий случай приготовила пистолет, хотя и не думала ввязываться в бой. Не следовало рисковать, так как несла только что добытые разведывательные данные о стоящем в Иказни гарнизоне.

Вот показались два всадника. Полицаи. Едут не спеша, разговаривают. День, деревня уже близко. Партизанке даже жалко стало упускать такой случай — уничтожить двух предателей. Все же решила: черт с ними, Антипенко приказал не рисковать.

Но когда всадники были уже в двадцати метрах от нее, она мгновенно изменила свое решение. Стрелка никогда бы себе не простила, если бы дала уйти этим мерзавцам. В высоком плотном всаднике она узнала полицая с синей бородавкой, того, что избивал ее в полиции в Браславе. А второй... Нет, она не могла ошибиться! Это он допрашивал ее в полиции, а потом узнал на улице в Слободках.

План родился тут же.

Дав полицаям приблизиться к себе еще метров на десять, она громко выкрикнула:

— Стой! Бросай оружие! Отряд, без моей команды не стрелять!

Застигнутые врасплох полицаи испуганно натянули поводья. Первым опомнился тот, что с бородавкой. Он огрел коня плетью и пригнулся в седле. Но партизанка ожидала этого, грохнул выстрел, полицай рухнул на землю, а лошадь умчалась без седока.

Поняв, что сопротивление бесполезно, второй покорно поднял руки.

— Бросай оружие! — приказала партизанка, все еще не показываясь.

Полицай опустил было руку к кобуре, но Клава скомандовала:

— Пистолет не трогать! Снимай пояс!

Когда пояс с пистолетом упал возле кустов, партизанка приказала полицаю спешиться. Косясь на кусты, он медленно слез с лошади и остановился с поднятыми руками.

Только теперь она вышла из своего укрытия. План был такой: спешить полицая, сесть на его лошадь, а самого доставить в штаб. Пусть пошагает, решила Клава.

Но партизанка недооценила своего противника. Увидев выходящую из-за кустов девушку и, видимо, поняв, что никакого отряда нет, он шагнул было обратно, к лошади. И остановился, с ужасом глядя на партизанку.

— Узнал? — усмехнулась она. — Не рад встрече? А?

Полицай стоял, не отрывая взгляда от ее лица. И вдруг отпрыгнул в сторону. В руках блеснул пистолет, мгновенно выхваченный из кармана.

Если бы не присущая Стрелке молниеносная реакция — неизвестно, чем кончилась бы эта встреча. Ее выстрел раздался раньше, и предатель, выронив оружие, с пробитой головой ткнулся в траву.

Прежде всего разведчица подошла к лошади и взяла повод. Затем, обыскав обоих убитых, она забрала их документы, оружие и вскочила в седло.

Последующие несколько дней Клава чувствовала себя, как говорится, на седьмом небе. Не часто удается так удачно разделаться с врагами.

День четвертого июня начался обычно. Разведчица получила задание проникнуть в местечко Шарковщину и установить расположение подразделений и огневых точек врага. Это было прямое задание из штаба одной из частей Белорусского фронта.

Прежде чем войти в местечко, партизанка решила обойти его кругом. Она уже почти завершала свое кольцо, когда услышала тихие голоса и хруст веток под ногами. Несколько человек пробирались лесом.

Держа наготове оружие, она притаилась за толстым пнем, скрытым зарослями дикой смородины. Шаги приближались. Немцы?

На дальний край поляны осторожно вышел солдат в пилотке, в обмундировании защитного цвета, держа автомат и внимательно оглядывая кусты на противоположной стороне.

Еще не веря себе, боясь обмануться, Стрелка широко раскрытыми глазами смотрела на солдата. Вот он махнул рукой, и на поляну вышел второй. Что-то сказав друг другу, солдаты разошлись — один направо, другой налево, а на полянку вышел офицер. На плечах погоны. Но звезда на околыше фуражки не оставляла сомнения. Наши!

Она медленно поднялась на ноги, не чувствуя вдруг хлынувших из глаз слез. Чтобы не мешали смотреть, непроизвольно смахнула их рукой с зажатым в ней пистолетом.

Ее уже заметили. И так красноречив был весь ее вид, крупные градины слез, которые она безуспешно пыталась смахивать, что у солдат в улыбках расплылись лица, а у некоторых запершило в горле.

— Товарищи... Родные!..

Уже не сомневаясь больше, она кинулась к ним. Кто-то подхватил ее, кого-то она обнимала...

Только несколько успокоившись, она представилась:

— Разведчица партизанской бригады «Неуловимых» Стрелка! — И добавила: — Клавой меня зовут.

В свою очередь счел нужным представиться и офицер:

— Начальник полковой разведки капитан Буланов.

Передав капитану интересующие его сведения, Клава с сожалением распростилась с разведчиками. По старому обычаю воинской дружбы капитан и разведчица обменялись оружием. На счастье.

Для Клавы счастье было вот в этих людях, в родной советской военной форме. Белоруссия вновь становилась свободной.

1

— Какие новости, Павел Алексеевич?— спросил комбриг начальника разведки.

— Кое-что есть, — ответил Кораблев.— Сейчас разберем сегодняшний «улов»,— улыбнулся он, вынимая из планшета треугольнички из тетрадей в клетку, обрывки оберточной бумаги, картонки от папиросных коробок, на которых, у кого что было под рукой, написали свои донесения разведчики, проникшие в логово фашистов.

— Я вижу, наши «почтовые ящики» работают неплохо,— сказал комбриг, раскладывая записки на столе.

— Да, связные доставили сегодня солидную корреспонденцию от наших невидимок,— согласно кивнул Кораблев.

Разведчики-невидимки...

Так называли в бригаде тех многочисленных помощников «Неуловимых», которые в зоне действия бригады были почти во всех селах и городах, на железнодорожных станциях. Они жили опасной, тревожной жизнью — эти неприметные, с виду простые, скромные люди: дежурные по станции, стрелочники, студенты, школьники, счетоводы, домохозяйки, медицинские сестры, санитарки. Они

работали в немецких гарнизонах, гестапо, служили в управах, больницах, школах, а то и просто бродили по округе якобы в поисках куска хлеба. Их имена не числились даже в списках партизан. По призыву сердца, по долгу совести они бескорыстно и бесстрашно выполняли поручения, порой очень трудные, связанные с риском для жизни, добывая для партизан ценные сведения о противнике, о его намерениях и планах, о передвижении войск, карательных отрядов. Эти сведения они сами или их доверенные лица доставляли в условные места — «почтовые ящики». Такими «ящиками» служили и дупло дерева, и камень у могильной ограды, и щель в уцелевшей печи сожженной хаты. Связные отрядов под покровом ночи собирали эту информацию и передавали ее в штаб бригады. Здесь все анализировали, сопоставляли, и в результате получалась более или менее ясная картина обстановки, в которой приходилось действовать. На картах боевых действий появлялись новые точки для налетов, каратели подвергались огню партизанских засад. Пользуясь сведениями, полученными по рациям от штабов народных мстителей, эскадрильи бомбардировщиков уничтожали военные склады, нефтехранилища.

Бесценна помощь разведчиков в боевой обстановке. Нет или почти нет таких оперативных задач, которые можно было бы успешно решать исключительно силой оружия. Идет ли речь о разгроме вражеского гарнизона, взрыве моста, склада, железной дороги — всегда нужно многое знать, прежде чем приступить к подобным операциям. Малейшая ошибка — и провал, кровь, жертвы.

Узнать же все необходимое о противнике совсем не так легко и просто.

Разведчики отрядов «Неуловимых» пользовались доброй славой не только в своей бригаде, но и в соседних партизанских соединениях. И все же круг их действий был сравнительно ограничен.

Не везде они могли постоянно бывать и узнавать то, что интересовало командование. Даже самым опытным и бесстрашным не всегда удавалось проникнуть, скажем, в немецкий гарнизон, установить его численность, огневые средства или с предельной точностью разведать, как охраняются железнодорожные

пути, мост, склады, определить наиболее удобные и безопасные подходы к коммуникациям врага. И сотни, тысячи патриотов, живших в оккупированных городах и селениях, помогали «Неуловимым» решать очень сложные разведывательные и боевые задачи. Эти прежде сугубо мирные, штатские люди не только добывали ценные сведения о расположении противника и его намерениях. Они распространяли партизанские листовки и газеты, вели пропагандистскую работу среди местного населения, организовывали побеги военнопленных из лагерей смерти, указывая им пути-дороги к партизанам, взрывали склады с вооружением, закладывали мины в немецкие эшелоны, направлявшиеся к линии фронта.

— Невеселые вести, Василий Михайлович,— многозначительно сказал Кораблев.

— От кого?— спросил комбриг.

— От Платоновой.

— Что она сообщает?

— Каратели готовят удар по нашей бригаде. В Полоцке состоялось по этому поводу специальное совещание старших офицеров нескольких крупных гарнизонов, полевой жандармерии и гестапо.

— Ах, вот как! Серьезное дело.

— Провести эту операцию поручено крупному гитлеровскому военачальнику генерал-лейтенанту фон Готбергу.

— Надобно уточнить эти сведения у Платоновой,— в раздумье сказал комбриг.— Она, видимо, очень толковая женщина. Не первый раз присылает нам ценные данные. Пора бы нам лично познакомиться с ней. Ты как думаешь, Павел Алексеевич?

— Вполне разделяю твои соображения, Василий Михайлович,— согласно кивнул Кораблев.

Свидания руководителей «Неуловимых» с подпольщиками и разведчиками проходили обычно в дремучих уголках леса. В обусловленные через «почтовые ящики» дни и часы комбриг, начальник разведки, командиры отрядов, связные встречались со своими добрыми друзьями и помощниками, получали от них информацию, давали поручения, советы, что и как делать дальше.

В один из ближайших дней комбриг и начальник разведки вызвали на свидание Платонову.

И вот на небольшой полянке, окруженной густыми деревьями и колючим кустарником, комбриг и Кораблев ждут разведчицу, успевшую уже проявить свои незаурядные способности. Связной Иван Демченко послан на опушку леса встретить ее.

Зашуршали шаги, зашелестели ветки, и послышался характерный говорок Демченко:

— Ось сюды, дивчина, ось сюды!

Через минуту-две Демченко галантно раздвинул руками тесно переплетенные ветви, пропустил впереди себя небольшого роста худенькую молодую женщину и отрапортовал:

— Дозвольте, товарищ комбриг! Задание выполнено. Объект доставлен в полной неприкосновенности. Можно идтить?

— Идите, Демченко. Только далеко не уходите. Надо будет проводить этот «объект» обратно,— улыбнулся комбриг.

— С такой барышней хочь на край света.

Демченко удалился.

— Ну, вот и я,— сказала Платонова как-то совсем буднично, словно пришла не на опасную подпольную встречу, а встретилась с друзьями по пути.

— Очень приятно, давайте знакомиться,— комбриг крепко пожал ей руку.

— А мне кажется, что мы знакомы с вами давно-давно,— улыбнулась Платонова.

— Тем приятнее. Ну, а с Павлом Алексеевичем вы тоже давно знакомы?— комбриг кивнул в сторону стоявшего рядом Кораблева.

— Вероятно. Догадываюсь. Очень рада вас видеть.— И протянула начальнику разведки руку.

Кораблев смахнул плащом листья с широкого пня:

— Садитесь, отдыхайте, дорога не ближняя, отдыхайте и рассказывайте: как живете, как работаете?

— Как живу? Как работаю?— повторила она.— Ну как живу и работаю? Обыкновенно.

Из-под косынки выглядывает челка. Большие серые глаза, платье в цветочках, синий жакет, парусиновые туфли, в руках сумочка. По внешнему виду — воспитательница детского сада, вожатая. Так и кажется, что сейчас она заговорит о пионерских сборах или

о том, как нехорошо потакать детским капризам. А она, сидя на пеньке, неторопливо ведет рассказ о том, как переодевали бежавших из лагеря пленных командиров в квартире лесничего, как на лодке вывозили из фашистского ада десятки людей; рассказывает о других очень сложных и опасных делах так просто и непринужденно, будто речь идет о самом обыкновенном. И, быть может, потому что в облике этой истинно героической женщины не было решительно ничего героического, у Кораблева невольно вырвалось:

— И не трудно? Не страшно?

— Как вам сказать?..— она опустила глаза, подумала немного, чтобы ответить поточнее, и сказала, резко вскинув голову: — Надо. А раз надо — ничего не страшно. Ведь вы это знаете лучше меня.

Наступило короткое молчание. Казалось, что все трое — комбриг, начальник разведки и эта молодая женщина — сверяют свои чувства, свое отношение к тому делу, которое всем им до того дорого, что они не замечают опасности, которая подстерегает их на каждом шагу.

2

Платонова была совсем не Платоновой. Платонова — ее подпольная кличка. А на самом деле она Анна Смирнова.

Родилась она перед революцией в деревне Боровуха Полоцкого района. Маленькая Аня очень завидовала ребятам, когда они с ранцами за плечами бежали по широкой улице из дома в школу, из школы домой. Она мечтала стать учительницей. Но мечта эта казалась ей неосуществимой, потому что с самых ранних лет она вместо грамоты узнала иную школу — школу нужды, батрачества — бедность семьи вынудила ее пасти гусей местных кулаков.

Советская власть вырвала ее из кулацкой неволи, послала в школу, а затем помогла ей осуществить свою мечту. За несколько лет до начала войны она окончила Полоцкое педагогическое училище и целиком отдалась любимому делу — обучала ребятишек грамоте.

После присоединения Западной Белоруссии ЦК комсомола республики, где она работала инструктором, направил ее на учительскую работу в город Ба-

рановичи. Активная комсомолка не ограничивала свою деятельность учебной программой. Она создавала в школе самодеятельные кружки, готовила к вступлению в комсомол учащихся старших классов, рассказывала местным жителям, только что освободившимся от капиталистических порядков, какие преимущества дает трудовому человеку Советская власть.

...Но вот на город посыпались первые фугаски и зажигательные бомбы. Жизнь молодой учительницы, как и всех советских людей, приобрела совсем иной смысл, заполнилась иным содержанием. Книгу пришлось сменить на пожарный шланг и тушить объятые пламенем дома, глобус — на лопату и рыть щели для убежищ и противотанковые рвы. Фашисты наступали быстро, стремительно, прошли считанные дни, и вот они — уже у стен города, надо уходить, уходить как можно скорее.

С последним эшелоном раненых Анна Смирнова покинула Барановичи. Несмотря на опознавательные знаки Красного Креста, гитлеровские стервятники, рыскавшие в небе в поисках очередной жертвы, зверски разбомбили санитарный поезд. В живых остались всего лишь 12 человек. И среди них учительница Анна Смирнова. На поврежденном паровозе машинист Кухаренко умудрился каким-то чудом вывезти уцелевших из-под огня, доставил их в Витебск, а затем в Полоцк. Казалось, что в Полоцке можно будет, по крайней мере, передохнуть, подумать о том, что делать дальше. Но противник продвигался в глубь страны очень стремительно; пока Анна Наумовна добралась до Полоцка — городом уже овладели оккупанты.

Сперва Смирнова не теряла надежды перейти линию фронта. Но эта надежда оказалась нереальной. Друзей, знакомых, с которыми можно было бы поделиться своим желанием — уйти с захваченной фашистами территории,— в Полоцке не было, спутников не нашлось, пускаться одной в такое опасное путешествие она не решалась. А по городу рыскали эсэсовцы, буквально на улицах они ловили парней, девушек и отправляли их в Германию. Бежать отсюда как можно скорее!

С большим трудом глухими тропками пробралась она в Боровуху, за десять километров от Полоцка, к своей матери.

— Доченька!.. Жива!..— бросилась ей навстречу мать.— А мы-то думали все — нет у нас больше Аннушки...

— Жива, мамочка, жива, умирать теперь никак невозможно, мамуся...

Жизнь в Боровухе не сулила никаких отрадных перспектив. Что делать? К чему приложить руки? И, чего греха таить, было очень страшно жить в селе, где хозяйничали гитлеровцы и полицаи.

Однажды ранним утром она увидела на околице человека — обросшего, оборванного. Он шел, настороженно озираясь. Заметив девушку, незнакомец пытался скрыться в ближних кустах.

— А зачем же прятаться? Я вас уже вижу,— улыбчиво, даже с некоторым оттенком кокетства, сказала Анна.

— Да нет, знаете ли, я просто так,— смущенно ответил человек.— Заблудился немножко, вот и...

— Что вам здесь нужно? Вы ищете кого-нибудь?

— Как вам сказать...— неопределенно пожал плечами незнакомец.— В общем, людей ищу.

И Анна обратила внимание, что слово «людей» он произнес как-то особенно проникновенно.

— Кто вы?— спросила учительница.

— Зовут меня Миша.

— А дальше?

— Об этом не надо,— ответил незнакомец.— По крайней мере сейчас не надо. Придет время — узнаете. А теперь не спрашивайте, кто я, где живу, чем занимаюсь. Все это потом, когда-нибудь.

— Вы, видно, издалека идете, устали очень?— сказала она.— Зайдемте к нам, отдохнете немного.

— Я, пожалуй. Только боюсь доставить вам неприятности. У меня, знаете ли, с документами нелады.

— Догадываюсь,— кивнула она.— И все-таки идемте.

Они вошли в дом. Мать Анны поставила самовар, напоила гостя чаем.

В первое время они оба избегали откровенных разговоров. Известная настороженность и недоверие были вполне объяснимы. И Смирнова, и Миша понимали, что в такое грозное время сразу открываться незнакомым людям вряд ли следует. Но партизанский разведчик Миша стал частенько бывать в Боровухе, они

встречались, беседовали и, почувствовав в этих беседах взаимное доверие, решили, что можно быть друг с другом более откровенными.

Когда Анна высказала как-то мысль о том, что хорошо бы выбраться отсюда на Большую землю, Миша довольно прозрачно намекнул, что бежать в советский тыл — не так уж велика доблесть.

— В тылу оккупантов можно послужить Родине еще лучше и значительнее,— заметил он. И, подумав немного, добавил: — Хорошо бы вам в Полоцк перебраться.

— А что там делать?

— Найдутся дела, и дела добрые,— сказал Миша.— Ну хотя бы... пленных там очень много — и в лагерях, и в лазаретах. Погибают люди. Спасать надо. Сам был, видел, знаю.

Идея попытать счастья, чтобы стать полезной людям, обреченным на мучения и смерть, захватила Анну. Но как перебраться в Полоцк? Ведь нужно устраиваться на какую-то работу, а паспорт у нее со штампом ЦК комсомола Белоруссии. Попадется такой паспорт в руки фашистам — беда, не сносить головы. А без паспорта ни на какую работу не устроиться. Если были бы в Полоцке знакомые, друзья, было бы легче... «Лиля!— вспомнила Смирнова.— Лиля Костецкая. Когда-то вместе учились в педагогическом техникуме. Но кто знает, где теперь Лиля? Быть может, она успела эвакуироваться, а может быть, ее угнали в Германию вместе с тысячами других девушек?»

Анна поделилась своими раздумьями со старшей сестрой Ксенией и ее мужем инвалидом Григорием Захаровичем Рыльковым. Они тоже искали путей-дорог к тому, чтобы как-то помогать попавшим в беду советским людям. Рыльков разыскал в Полоцке своего давнишнего приятеля, и тот устроил его счетоводом в городскую больницу, превращенную немцами в лазарет для раненых военнопленных. Григорий Захарович поселился с женой рядом с больницей на Замковой улице. Анна переехала вместе с ними и жила у них в качестве прислуги. Прислуге легче обойтись без прописки, при условии, конечно, что она все время будет начеку и в случае облавы, проверки документов скроется и не попадется полиции на глаза.

Миша говорил правду. Страшной была доля воен-

нопленных в фашистском лазарете. Этот «лазарет» ничем не отличался от тюрьмы. Никакой врачебной помощи. Никаких медикаментов и перевязочных средств. Больные и раненые валялись в переполненных палатах, точнее сказать, камерах, на голом полу. Кормили один раз в сутки знаменитой в гитлеровских лагерях смерти баландой. Десятки бойцов и командиров ежедневно умирали в тяжких мучениях от голода, заражения крови, наконец, от спертого душного воздуха.

Первое время немцы разрешали местным жителям посещать больницу, разыскивать в ней своих родственников. Под этим предлогом началось паломничество добрых людей в лазарет. Они отрывали от своего скудного рациона что могли — кусок хлеба, горсточку крупы, яичко, стакан молока — и передавали раненым. Скоро гитлеровцы стали замечать, что подозрительно много народа обеспокоено судьбой своих близких. Немцы категорически запретили посторонним не только входить в больницу, но и появляться на ее территории, а тех раненых, которые мало-мальски держались на ногах и могли передвигаться, переводили в лагеря за колючую ограду.

Прислуге счетовода Рылькова вход в лазарет был открыт — она приносила своему хозяину завтрак. Анна видела, в каких невыносимых условиях живут, да и не живут вовсе, а доживают свои последние дни попавшие в плен раненые. Она читала в каждом потухшем взоре одно неистребимое желание: бежать! Но как бежать людям, предельно истощенным,— ведь они едва способны ходить. Смирнова присматривалась к пленным, стараясь определить, с кем из них можно заговорить о своем замысле.

Ее внимание привлек молодой капитан медицинской службы — военврач Воробьев. Она часто встречала его в коридоре. Он стоял, опершись о палочку, и задумчиво смотрел в окно. Анну поражало то, что этот капитан не снял даже своих знаков различия. Обычно военнопленные старались скрыть от гитлеровцев свои командирские звания, во всяком случае никто не стремился выставлять их напоказ. Почему же он?..

Это рождало в Смирновой двойственное чувство. С одной стороны, ей нравилось, что Воробьев человек смелый, принципиальный и не считает нужным скры-

вать от врагов свое звание военврача Красной Армии. А с другой... В голову приходили и тревожные мысли. А что если он изменник, предатель? А что если он оставил командирские петлицы нарочно, чтобы блеснуть перед своими товарищами храбростью, а на самом деле исподтишка творит черное дело?..

И сколько раз, бывало, когда Анна видела капитана в коридоре, в канцелярии, у нее возникало желание поговорить с ним. Но она не решалась, одолевали сомнения: тот ли это человек, с которым можно повести прямой, откровенный разговор?

— Послушай, Гриша,— обратилась она однажды к своему «хозяину»,— ты знаешь Воробьева?

— Это который Воробьев, что с капитанскими петлицами?— поинтересовался Рыльков.

— Да, да, он самый.

— Ну как же, очень хорошо знаю,— ответил Рыльков.— По всему видно, славный человек.

Анна поделилась с ним своими сомнениями.

— Что ты, Аня,— сказал Рыльков.— В предательстве его обвинить никак невозможно. Среди пленных очень много коммунистов, ни одного не выдал. А знаки свои носит, видимо, из принципа.

Смирнова познакомилась с Воробьевым и, убедившись в его искренности и непогрешимости, осторожно намекнула о своем желании помочь ему бежать из лазарета.

— У вас, девушка, видно, доброе сердце,— сказал он, посмотрев на нее теплым, благодарным взглядом.— Но пока ничего мы с вами не сделаем. Цепные собаки стерегут каждый шаг наш.

Мысль об организации побега все же не оставляла Анну. Через Воробьева она установила связь еще с двумя военнопленными — комиссаром полка Гурским и подполковником Шивардиновым — и задумала помочь бежать всем троим. Точного плана действий у нее на первых порах не было. Лишь одно она знала твердо: малейшая оплошность грозит гибелью четверым — и ей в том числе. Но желание вызволить из фашистской неволи советских людей было сильнее чувства боязни и страха. Одной не справиться — это было ясно, нужно искать помощников, единомышленников. И она находила их среди сестер, санитаров, уборщиц. Воробьева, Гурского и Шивардинова под благовидным

предлогом обещали вывести из лазарета в город. Но это лишь маленькая частичка дела. Военнопленные носили свою форму — другой одежды у них не было. Появиться на улице в красноармейском обмундировании, без документов — верный расстрел за попытку к бегству.

Переодеть беглецов в гражданское платье! Но, во-первых, нет такого платья, а во-вторых, где переодеться? В-третьих, и это, пожалуй, самое трудное — нужны документы, чтобы выбраться из города. Без документов и человеку в штатском невозможно пройти многочисленные контрольно-пропускные пункты, патрули, заслоны, расставленные немцами на каждом перекрестке, на всех выходах и выездах из города, буквально на каждом шагу. Осложняло подготовку ко всей этой операции и то, что сама Анна жила в постоянной тревоге за свою судьбу. Ведь ей все время приходилось быть настороже, чтобы не попасть со своим паспортом в руки фашистов, совершавших часто ночные облавы, обходы, проверки в квартирах горожан.

Отважная молодая женщина не сложила оружия. Она начала искать одежду для своих подопечных. Учительница Бронислава Бубнова, работавшая в заготовительном ларьке у немцев, раздобыла для нее несколько рабочих спецовок. Отлично! Ну, а где переодеться? Где найти людей, которые под страхом смерти согласились бы предоставить для этого свой дом, сарай, погреб?.. И дом-то этот должен быть где-то совсем рядом, чтобы можно было незаметно проскользнуть туда из лазарета.

Смирнова нашла таких людей. Это был лесничий Корольков и его жена, жившие в небольшом домике неподалеку от больницы.

Но документы, документы...

Как быть?

Без документов вывести военнопленных из города невозможно. Значит, надо постараться вывезти их на машине, причем на немецкой, не подлежащей осмотру и контролю.

С каждым днем возникали все новые и все более, казалось, непреодолимые трудности.

И тут Смирнова узнала, что сын Корольковых работает на немецкой автобазе шофером. По указанию властей он часто возил мобилизованных горожан на

лесозаготовки, строительство дорог, доставлял различные грузы для автобазы. Обращаться к сыну Корольковых с такой деликатной просьбой, связанной для него с большим риском для жизни, Анна сама не решалась. Она попросила отца и мать поговорить с ним. Он пообещал при удобном случае помочь.

В один из ближайших дней ему предстоял рейс в Освейский район за смазочными материалами. Превосходно! В этом районе начали уже действовать партизаны, и военнопленные легко могли найти к ним дорогу. Так и случилось. Переодетые в рабочие спецовки Воробьев, Гурский и Шивардинов были благополучно вывезены из Полоцка и вскоре пробрались к партизанам.

Первая удача окрылила Смирнову. После этого десятки людей вырвала она из фашистских застенков. И не только из лазарета, но и из лагеря, где военнопленные были обречены на гибель от голода, побоев, болезней.

Среди обслуживающих лагерь русских людей, пользовавшихся доверием гитлеровцев, Смирнова нашла верных помощников. Через них она всячески помогала готовящимся к побегу.

Как выйти из лагеря, если со всех сторон на вышках сидят часовые и бдительно наблюдают за территорией, обнесенной высоким забором, обтянутым сверху тремя рядами колючей проволоки? И возникла такая идея: оторвать несколько досок внизу забора (благо забор был деревянный), но оторвать не совсем — это сразу бросилось бы охране в глаза,— а так, чтобы доски держались на гвоздях и в нужный момент их можно было бы сдвинуть и через образовавшуюся щель выбраться за пределы лагеря. Удобнее всего сделать это было в глубоких сумерках или на рассвете — днем такая операция вообще невозможна, а ночью очень уж усилена охрана. Но выйти с территории лагеря — еще далеко не все. Сразу же за лагерной оградой река Полота. Река, правда, не очень могучая и широкая, но обессиленный, измученный человек, даже хороший пловец, не сможет ее переплыть, у него просто не хватит сил. Требовалась лодка, причем лодку эту надо было незаметно подвести и искусно замаскировать в кустах, недалеко от щели в заборе.

Где же взять лодку, а главное, человека, который

согласился бы рисковать своею жизнью для спасения других людей?

Одна из помощниц Смирновой вспомнила, что ее двоюродный брат Захар Степанович Полещук до войны любил кататься по Полоте и ловить рыбу как раз близ того места, где теперь находится лагерь. Он отлично знает каждый кустик на берегу, каждую извилину реки. Есть у него и своя лодка.

— Ну что ж,— сказал Захар Степанович, выслушав просьбу своей двоюродной сестры.— Дело, конечно, тяжелое, но доброе дело, как не помочь!

Не раз вечерами шуршал, раздаваясь перед осторожно плывущей лодкой, камыш на небольшой речушке, едва отмеченной тоненькой витиеватой змейкой на карте Белоруссии. Захар Степанович осторожно пробирался к лагерю военнопленных и вывозил беглецов. Делал это он до тех пор, пока лодка не прохудилась и плавать на ней уже не стало никакой возможности.

...Первая беседа руководителей «Неуловимых» с Анной Смирновой продолжалась недолго — часа два, но за это небольшое время они успели понравиться друг другу и закрепить возникшую дружбу новыми взаимными обязательствами.

Партизанам нужно было как можно больше знать о том, что делается в тылу врага, о его намерениях и планах. И Москва ждала сообщений и о движении войск противника, и об его военных базах — складах с горючим, боеприпасами. Известно было, что фашисты создали широкую шпионскую сеть, что у них много различных карательных органов, но точных данных обо всем этом ни у командования Красной Армии, ни у партизан на первых порах не было, и очень важно было их получить.

— Все что смогу, все что удастся — обязательно буду делать,— заверила Смирнова комбрига и начальника разведки.

Прощались они как боевые товарищи и старые друзья.

3

Крупные города и все интересующие «Неуловимых» населенные пункты были распределены между начальниками разведок отрядов на зоны. В каждой зо-

не, помимо легальных, так сказать, штатных, профессиональных разведчиков, были добровольцы-подпольщики, вроде Анны Смирновой, поддерживавшие постоянную связь с отрядами, бригадой. Создать этим «нелегалам» максимально возможные легальные условия для их жизни и деятельности представляло громадные трудности. Во-первых, нужны были паспорта, справки, удостоверения, чтобы они могли устроиться на работу, причем не на работу вообще, а желательно к самим немцам или по крайней мере поближе к ним.

Справки, паспорта, удостоверения. Но как их достать?..

Домработница счетовода Рылькова тщательно вытирала мокрой тряпкой деревянные ступеньки крылечка маленького домика и напевала:

Отчепись плохая жисть,
Причепись хорошая...

Не впервые соседи слышали эту монотонную песенку из пяти слов.

— Опять убогенькая завела свою волынку,— сочувственно вздохнула, осенив себя крестным знамением, старенькая богобоязненная Анфиса Кондратьевна, выйдя из калитки.

— Это вы про кого, бабуся?— спросила проходившая мимо крыльца Рыльковых круглолицая девушка с длинными косами.

— Да все про ее... про эту,— она кивнула в сторону молодой женщины в глубоких калошах на босу ногу, выжимавшей в ведре тряпку.— Уж который день заладила: все отчепись да причепись, отчепись да причепись... Не в себе, видать,— она постучала себя пальцами по лбу.— Спаси Христос!..— и ушла.

Девушка остановилась, молча вслушиваясь в немудреную песенку и пытаясь разглядеть лицо певшей. Ей почудились знакомые черты. Как будто Аня Смирнова, соученица по педагогическому училищу. Как будто... Но как-то трудно поверить, что Аня стала такой. Но, может быть, и в самом деле она «не в себе», как сказала бабуся?.. Чего только не случалось с людьми, испытавшими произвол оккупантов.

— Аня, ты?— несмело спросила девушка, тронув ее за плечо.

— Лиля?— подняла голову Смирнова.— Боже

мой, какая встреча! Давно мы с тобой не виделись. Ну как ты живешь? Что делаешь?

Смирнова давно знала Лилю Костецкую, дочь многодетного рабочего, в семье которого она была самой младшей. Жили они трудно — детей пятеро, мал мала меньше, а работник один. Но все же Лилю, как говорится, вывели в люди, выучили. Она поступила в Полоцкий педагогический техникум. Здесь-то она и познакомилась с Аней. Учились они, правда, на разных курсах: Смирнова — на последнем, а Лиля — на первом, но они часто встречались на комсомольских собраниях, в кружках художественной самодеятельности и очень подружились. Аня помогала своей младшей подруге готовиться к занятиям, экзаменам, рассказывала ей, как интересно обучать детей грамоте — она уже проходила тогда педагогическую практику в начальной школе.

После окончания техникума Смирнова уехала на работу в Боровуху. Незадолго до войны и Лиля стала учительницей в Сиротинском районе Витебской области. Несколько лет подруги не встречались.

Началась война. Школу, в которой преподавала Лиля, немцы сожгли, и молодая учительница едва спаслась от фашистов, угонявших девушек в Германию. Скитаясь по деревням и селам оккупированной Белоруссии в поисках приюта, она забрела в Полоцк. Может быть, здесь найдет старых друзей, знакомых, которые помогут, посоветуют, что делать, как жить?..

И вот случайная встреча со Смирновой.

— Почему — полы? Почему глубокие калоши на босу ногу? Почему такая песня? — с недоумением спросила Лиля.

— Длинная история. Потом все объясню. Заходи ко мне завтра... сейчас скажу, в какое время...— Анна задумалась на минутку.— Гриша уходит в девять, Ксения — в десять, приходи пол-одиннадцатого. Идет? Обо всем поговорим.

Состоявшийся на следующий день большой душевный разговор с подругой открыл перед Лилей совершенно новый мир. Так вот, оказывается, как нужно жить теперь, когда Родина в опасности, когда она переживает такие трагические дни своей истории. Лиля знала, слышала, что тысячи людей укрылись в лесах и ни днем, ни ночью не дают покоя врагу, уничтожа-

ют его, помогают Красной Армии скорее выгнать фашистов с родной земли. Думалось и ей, что надо бы и самой стать вровень со временем, не отгораживать и себя от всенародной борьбы с фашизмом, пытающимся закабалить советских людей. Откровенная беседа с Анной — старшей по годам и по жизненному опыту — открыла перед ней дорогу в жизнь новую, тревожную, опасную, но исполненную высокого гражданского мужества и общественного долга.

— Знаешь, Аня, что я придумала?— сказала Лиля.

— Ну что?

— Пойду работать в полицию.

— В полицию?— удивилась Смирнова.— Впрочем,— добавила она, поразмыслив немного,— это идея. Но кто тебя туда возьмет?

— А почему не взять?— довольно уверенно объяснила Лиля.— Я знаю немецкий язык. Им требуются «культурные силы». Читала сегодня в газете?

— Читать-то читала, только... Ладно, пробуй, желаю тебе успеха. Только смотри, будь осторожна... Желаю удачи,— напутствовала Смирнова свою подругу.

Начальник городской полиции предатель Обухович встретил новую «культурную силу», пожелавшую служить «великой Германии», предупредительно и радушно.

— Ну что ж, милая девушка, если вы осознали необходимость внести и свою скромную лепту в установление «нового порядка» в Европе — милости просим. Определим вас в паспортный отдел. Заведует этим отделом чудесный парень, Карл Миллер. Будете ему помогать. Он вас научит работать и любить фюрера и новую Германию.

Так начала свою службу в полиции Лиля Костецкая. Освоившись с обстановкой, она вскоре стала одной из самых деятельных и верных помощниц «Неуловимых».

С первых же дней работы в полиции Лилю заинтересовал ее непосредственный начальник, капитан Карл Миллер, ведавший в городе пропиской. Ей, сотруднице паспортного стола, ежедневно приходилось видеться с ним по служебным делам. Наблюдательная и тонкая натура, Лиля не могла не заметить странной

черточки в характере Миллера. В присутствии других офицеров капитан ведет себя с нею как и подобает фашисту: грубо и высокомерно. Но стоит ему остаться с нею наедине, он мгновенно преображается. Его большие серые глаза теплеют; в нем пробуждается какая-то человеческая заинтересованность к тому, что она говорит, он внимательно выслушивает ее, терпеливо объясняет, как в том или ином случае следует поступить.

О странном капитане Лиля рассказала однажды Анне Смирновой. Подруги задумались: как быть? Можно ли, хотя бы очень осторожно, намеком попытаться выяснить его настроение, взгляды?

На очередном свидании с начальником разведки Кораблевым Смирнова поделилась наблюдениями Лили и попросила совета. Командование «Неуловимых» заинтересовалось капитаном. Его необычное поведение не могло не обратить на себя внимание.

— Провокатор!— сказал комиссар.— Что-то я не верю в благородство фашиста.

— А что ты думаешь, Павел Алексеевич?— спросил комбриг.

— Видишь ли, Василий Михайлович,— ответил Кораблев.— В принципе комиссар, конечно, прав. Но все-таки следовало бы все это хорошенько проверить, уточнить, выяснить... Не исключено ведь, что и среди гитлеровских офицеров могут оказаться антифашисты.

Все прекрасно понимали сложность такой проверки. С одной стороны, могло быть, что своим поведением наедине с Лилей капитан хотел выяснить ее преданность фюреру — ведь гитлеровцы показали себя изощреннейшими мастерами всевозможных провокаций. Ну, а с другой... Если этот капитан и действительно антифашист, ему не так просто открыться в этом русской девушке — ведь он, естественно, может опасаться, что девушка, пошедшая добровольно на службу к фашистам, выдаст его. Ведь и он должен быть очень осторожен, чтобы не стать жертвой своей неосмотрительности. Нужно все взвесить и учесть.

После долгих и обстоятельных размышлений партизанские вожаки пришли к выводу, что нужно все же, соблюдая, разумеется, строгую конспирацию, попытаться разгадать, что за человек этот капитан. Че-

рез Анну Смирнову Лиле передали подробнейшие наставления, как действовать, чтобы в случае возможной ошибки не рисковать своей жизнью.

4

В приемной капитана Миллера у подоконника стояла девушка с толстым гроссбухом, из которого торчали кончики паспортных книжек, временных удостоверений и справок. За стеной шел шумный, веселый разговор, оттуда доносился громкий смех. Вскоре дверь распахнулась. Из кабинета вышли два оберштурмфюрера СС со скрещенными костями на рукавах, а за ними капитан Миллер. Один из эсэсовцев сказал на прощание:

— Так приходи, Карл, вечером в клуб. Там будут прехорошенькие девочки, можно будет недурно размять свои кости.

— Н-не знаю, господа...— как-то неопределенно ответил капитан.— Голова трещит, устал очень.

— Брось свою меланхолию. Один поцелуй симпатичной брюнетки сразу приведет тебя в чувство. Хо-хо! Хайль Гитлер!

Когда эсэсовцы ушли, Миллер поднял руку, приветствуя девушку:

— Добрый день, фрейлейн, вы ко мне?

— Как всегда, герр капитан.

— Входите.

Он пропустил Лилю вперед.

— Давайте, что у вас там?

— Все то же, прописка.

Она положила книгу на стол и почтительно отступила в сторону.

— Садитесь, фрейлейн. Как это поговорка есть у русских: ногам правда не к лицу. Верно я говорю?

— Не совсем так, но почти.— Лиля присела на кончик стула.— У русских говорят: в ногах правды нет, герр капитан.

— О, хорошо!— усмехнулся Миллер.— А где есть правда: в голове, в сердце, да?

— Вероятно,— неуверенно пожала плечами Лиля.— Но теперь, герр капитан, надо говорить уже не о том, как по-русски, а как по-немецки,— сказала она,

скромно опустив голову и пытливо глядя на собеседника.

— Да-да, конечно,— машинально согласился он, перелистывая страницы паспортов и ставя на них печать. Через минуту-две, когда слова Лили, очевидно, дошли до его сознания, он положил печать на стол и, посмотрев на паспортистку, сказал: — Впрочем, фрейлейн, это не совсем точно. Нация всегда остается нацией.

Лиля насторожилась. Как это понимать? Что он — испытывает ее или на самом деле хочет подчеркнуть свое уважение к другим нациям? Но она решила, что сейчас не стоит развивать эту тему, промолчала и после длинной паузы как бы невзначай заметила:

— А война все идет и идет... Сколько крови — ужас! Бывало, раньше война — это фронт, а теперь и в тылу фронт. И всюду кровь, кровь...

Лиле показалось, что капитан жадно ловит каждое ее слово, она ждала ответа на свои раздумья. Но он не проронил ни звука. Лишь по сдвинутым к переносице бровям и более быстрым движениям руки, штемпелющей документы, можно было предположить, что размышления девушки затронули какую-то струнку в его душе.

— А тут еще эти, как их, партизаны,— продолжала Лиля.— Наши теряют столько людей, что...

— Какие наши?— перебил капитан, и Лиле на мгновение почудилось, что ее поймали с поличным. Больно застучало в висках.

— Ваши теперь и наши, герр капитан,— смело и решительно сказала она.— И когда все это кончится? Скорее бы наши взяли Москву.

Лиле показалось... нет, не показалось: при последней фразе капитан на самом деле вздрогнул, но быстро овладел собой и углубился в какую-то бумажку.

— Кто есть этот гражданин Петров Николай?— с необыкновенной заинтересованностью спросил он, хотя Петров не представлял никакого особого интереса для полиции. Он работал слесарем на немецкой автобазе, потерял паспорт, и вместо паспорта ему выписали временное удостоверение.

«Не хочет говорить на эту тему,— мелькнуло в голове Лили.— Избегает политических разговоров». Но вместе с тем от внимательных глаз девушки не ускољ-

знуло то, что капитан нет-нет да и бросал на нее испытующий взгляд, словно желая проверить искренность ее слов. И, чтобы еще более подчеркнуть свою приверженность «новому порядку», она собрала всю волю и, глядя на него прямо в упор, сказала:

— Если бы все добросовестно служили рейху, герр капитан, войне был бы уже скоро конец, правда?

— Добросовестно? Как вы? — уточнил он.

— Хотя бы, герр капитан.

Лиля решила, что такое признание в любом случае не грозит ей никакими неприятностями.

Но здесь произошло совершенно неожиданное. Капитан окинул ее суровым взглядом и сухо и довольно резко сказал:

— Добросовестность в хорошем деле — есть хорошее дело, фрейлейн. Действуйте по своим убеждениям. У каждого человека свои убеждения...

На этом разговор был прерван телефонным звонком. Капитана срочно вызывал комендант города. Он спешно собрался, вернул Лиле непросмотренные документы и попросил зайти на другой день.

Вечером Лиля встретилась со Смирновой. Подруги принялись обсуждать вопрос: что же на душе у капитана Миллера?

— Что означают его слова, Аня, как ты думаешь?

— Постой-постой, как он сказал? Повтори еще разочек, — попросила Смирнова.

Лиля повторила весь короткий монолог Миллера о добросовестности и убеждениях.

— Он сомневается в том, что они делают хорошее дело? — вслух размышляла Анна. — Возможно, это и так. Иначе зачем ему подчеркивать это. С другой стороны...

До глубокой ночи подруги пытались разгадать истинный смысл слов капитана. Важно было понять, были произнесены эти слова всерьез, иронически или еще как-нибудь.

— Нет, не иронически, а вполне серьезно, даже как-то грубовато, сердито, — убеждала Лиля.

Фашист, допускающий у разных людей разные убеждения, — это неправдоподобно. По гитлеровской теории все обязаны мыслить только по-фашистски. Может быть, и в самом деле этот капитан не совсем фашист? Анализируя его поведение, которое, как уверя-

ла Лиля, отличалось во многом от поведения других офицеров, подруги пришли к выводу, что Миллера нельзя все же признать законченным фашистом.

Девушки не рискнули действовать дальше самостоятельно, не посоветовавшись с командованием «Неуловимых», и пригласили комбрига и начальника разведки встретиться с ними на тщательно замаскированной конспиративной квартире.

В одну из осенних ночей к маленькому домику на окраине небольшой деревушки близ Полоцка подошли худощавый человек с окладистой бородой и коренастый широкоплечий крепыш. Их сопровождала группа вооруженных молодых людей. Это были комбриг и начальник разведки «Неуловимых». Они прибыли для встречи со своими разведчицами. Расставив охрану, партизанские вожаки направились к входу в домик. Условный стук в дверь — два длинных и три коротких удара,— и на пороге долгожданных гостей встретила Анна Смирнова.

— Входите, Василий Михайлович, здравствуйте, Павел Алексеевич, ждем не дождемся,— приветливо сказала она.— Весь чайник уже выкипел, придется новый ставить.

— Здравствуйте, Анна Наумовна, шикарно живете,— бросил комбриг, пожав руку Смирновой и окинув комнату оценивающим взглядом. После землянки и нар с постелью из еловых веток комната, в которой была настоящая кровать с подушками, стол и четыре стула, казалась царской палатой.— А вот это, видимо, и есть Лиля,— он увидел поднявшуюся навстречу круглолицую девушку с длинными косами.— Будем знакомы, товарищ Костецкая.— И протянул руку.— А это Павел Алексеевич — ваш непосредственный начальник, прошу любить и жаловать.

Лиля крепко пожала гостям руки.

— Очень, очень рада вас видеть. Аня столько мне рассказывала о вас!

— Больше всего, вероятно, про мою бороду,— пошутил комбриг.

— Не больше, но и про бороду тоже,— Лиля улыбнулась. И, внимательно присмотревшись к комбригу, с искренней непосредственностью воскликнула: — Ну и чудеса в решете! Да вы же, оказывается, совсем моло-

дой человек, а похожи на старого дядьку. Вот бы мне такую бороду!— мечтательно вздохнула она.

— Это зачем же? Что вы с ней делать будете?

— Как зачем? Для конспирации,— деловито ответила Лиля.

Все дружно рассмеялись.

— Ну-с, дорогие товарищи, делу — время, а потехе — час. Давайте, девчата, поговорим о вашем таинственном капитане. Выкладывайте очень подробно все, что вы о нем знаете.

— Хорошо, постараюсь.

Лиля довольно обстоятельно нарисовала внешность Карла Миллера, цвет волос, глаз, улыбку, описала его манеру говорить, слушать, оттенки голоса. Но главное, конечно, что больше всего интересовало руководителей «Неуловимых»,— это взгляды Миллера, его отношение к людям. Лиля старалась передать почти дословно все их разговоры, чтобы старшие товарищи могли как можно лучше представить себе немецкого капитана и сделать из этого необходимые выводы.

— Все это очень, очень интересно,— сказал Кораблев, выслушав подробный рассказ Лили и подумав немного.— Но не играет ли он с вами в кошки-мышки?

— Не знаю, не думаю...— неуверенно ответила Лиля.— Надо еще, конечно, присмотреться, понаблюдать...

Кораблев посоветовал не торопиться, очень внимательно и осторожно проверить свои впечатления.

— Каким образом это лучше всего сделать?— спросила Лиля.

— Скажите, Лиля, как у вас организована работа?— вместо ответа спросил комбриг.

— Ничего особенного,— ответила она.— Регистрационная книга, штампы в паспортах... Я получаю от него бланки удостоверений, заполняю их по списку, заверенному гестапо...

— Бланки удостоверений?— переспросил Кораблев.

— Да, бланки.

— И паспорта тоже?

— Конечно.

— Это совсем неплохо,— как бы про себя заметил комбриг.

— Не дурно, Василий Михайлович,— кивнул Ко-

раблев.— Что же, Лиля,— продолжал он,— вы получаете эти бланки по счету, по номерам, расписываетесь в их получении?

— По счету. Расписываюсь. У него есть такая книга.

— Ну вот что, дорогая,— резюмировал комбриг.— Попробуйте сделать такой эксперимент...

На очередном приеме у капитана Лиля попросила двадцать бланков временных удостоверений, выдаваемых гражданам вместо паспортов. Это была обычная служебная процедура. Миллер отсчитал двадцать бумажек и предложил расписаться в их получении — так делали всегда при выдаче документов. Лиля как бы по ошибке поставила в графе «количество» цифру 15 вместо 20-ти. Капитан не мог не заметить эту «ошибку». И Лиля с большой тревогой ждала, чем закончится этот рискованный эксперимент.

Миллер спокойно смотрел на мгновенно вспыхнувшее лицо Лили, когда она прикоснулась самопиской к бумаге; по его губам скользнула даже улыбка, когда он увидел, как дрогнула ее рука. Но почему он сделал вид, что ничего не заметил? Эксперимент удался? Как будто. Может быть, капитан этот и в самом деле свой человек и с ним можно быть откровенным? Но все же, когда командованию «Неуловимых» стало известно, что «опыт» с бланками прошел удачно, начальник разведки рекомендовал Лиле ни в коем случае не расходовать лишние бланки (хотя они нужны были партизанам до зарезу).

— Пока не будет полного контакта с капитаном, берегите документы,— говорил Кораблев.— В крайнем случае можно будет сослаться на ошибку.

Через два дня Миллер срочно вызвал Лилю к себе.

— Очень интересно, фрейлейн, куда девались пять бланков временных удостоверений?

— Какие бланки?.. Вы разве дали мне какие-то лишние бланки?— побледнела Лиля.

— Я ничего вам не давал, вы сами взяли.

— Не знаю, не помню...— растерянно проговорила она.— Сейчас побегу проверю.

Она бросилась к выходу, но капитан опередил ее, запер дверь и ключ положил в карман.

— Садитесь, фрейлейн,— предложил он, указав на стул.

Лиля почувствовала, как ее охватил озноб и потемнело в глазах. Сквозь туманную дымку она видела, как со стены ехидно улыбался ей из рамок портрета Гитлер, будто хотел сказать: «Теперь все, мы знаем, почему ты пошла служить в полицию...»

«Сейчас начнется,— думала она.— О, она знает, слышала, что значит, когда немецкий офицер остается с русской девушкой наедине и запирает дверь на ключ. Лучше смерть!.. И как можно было предположить, что этот капитан не такой как все... Но он же и в самом деле не такой как все... да-да... не такой. У него совсем другие глаза. Он совсем иначе смотрит на нее, чем другие. «У разных людей — разные убеждения». «Каждая нация достойна уважения...» Не может быть, чтобы он был такой как все. Не может? Почему же он запер дверь?.. Зачем?.. Запер и стоит, курит, прислонившись к спинке кресла. Он даже улыбается. Конечно, ему можно улыбаться. Он хозяин, завоеватель. И все-таки он не похож на других. Не похож? А что, если он сейчас подойдет и... Закричать? Глупо. Смешно и глупо... Кругом все такие. Нет, лучше уж...»

Она быстрым взглядом окинула комнату, и глаза ее остановились на секунду в открытом окне. Третий этаж. Этого вполне хватит, чтобы...

Капитан уловил ее взгляд и улыбнулся:

— Не надо думать о глупостях, фрейлейн.

Он взял ее за руку и, усадив в кресло, сел напротив в другое и сказал:

— Какая это есть у русских пословица: черт страшнее намалеван, чем то есть на самом деле?

«Что это значит? Смеется? Издевается?»

Лиля посмотрела ему в глаза. Почему они такие теплые, ласковые? Разве у фашиста могут быть такие глаза?

— Мы кажется поняли друг друга, фрейлейн. Все будет очень хорошо и очень чудесно. Надо только все тихо. У вас нервы немножко... Не надо, фрейлейн.

Капитан открылся ей во всем. Он давно искал встреч с советскими людьми. Он ненавидит фашизм, но вынужден ему служить, чтобы не подвергать опасности свою мать, младших братьев и сестер. Его отец социал-демократ, владелец маленькой пивнушки в небольшом городке на Майне, замучен гитлеровцами в

тюрьме. Под страхом смерти Миллер присягнул на верность Гитлеру. Он пошел в полицию потому, что здесь, как нигде больше, он может проявить свои добрые чувства к советским людям и помогать им.

Лиля глубоко вздохнула. Стало легче дышать.

— Значит, герр капитан, мы делаем с вами одно дело?

— Да, фрейлейн,— ответил он, вскинув в раздумье глаза.— Выходит, так. Это очень хорошо, фрейлейн, очень хорошо.

— А вам не страшно помогать русским, партизанам?

— Немножко... Но вы же меня не выдадите, фрейлейн, правда? А если захотите это сделать — вам же будет плохо. Гестапо скорее поверит немецкому капитану, чем русской девушке.

— Но кто вы? Кем же вас считать? Коммунистом? Антифашистом?

— Кем?— он задумался ненадолго.— Я не коммунист, фрейлейн. Считайте меня просто честным немцем...

Карл Миллер всем своим поведением, всеми своими делами доказал, что он не кривил душой. Он говорил правду и честно и добросовестно в меру своих возможностей помогал партизанам. Не один разведчик и подпольщик имел теперь удостоверение, справку, паспорт, выданные капитаном Миллером за подписью и печатями. В случае необходимости капитан передавал через Лилю удостоверения личности — аусвайсы. Это были очень ценные и важные документы. Гитлеровские патрули относились к ним с особой почтительностью. Предъявит партизан свой магический аусвайс, фашист щелкнет каблуками, вскинет руку под козырек и извинится за беспокойство.

5

— Сегодня у нас будет большой разговор,— сказала Смирнова, когда Лиля пришла к ней после работы за новостями. Лиля знала, что ее подруга вернулась накануне с очередного свидания с начальником разведки «Неуловимых» Кораблевым.

— Ты расстроена, Аня, что-нибудь случилось?— взволнованно спросила Лиля.

— Ничего особенного, просто озабочена,— ответила Смирнова.— Нам с тобой, вернее, тебе дали довольно сложное поручение, и я все думаю, как лучше его выполнить.

Поручение это было действительно сложным и трудным. Из докладов центру партизанской бригады «Неуловимых» Москва узнала, что в полоцкой полиции работает надежная разведчица, которая установила хорошие контакты с немецким капитаном. «Нельзя ли,— запрашивала Москва,— с помощью этих товарищей раздобыть несколько десятков чистых бланков паспортов, справок, аусвайсов?» И вот Кораблев посоветовал девушкам подумать, каким образом можно такую операцию осуществить.

— Что будем делать, Лиля?— Смирнова выжидательно посмотрела на паспортистку, познакомив ее с поручением командования партизанской бригады.

— Да,— задумалась Лиля.— Поговорить с Карлом? Попросить его помочь? Но это ведь может поставить его под удар. За ним тоже следят, его контролируют, проверяют. Каждый бланк на учете.

— Карла не стоит подвергать опасности,— согласилась Анна.— Лучше было бы обойтись без него.

Подруги стали перебирать различные варианты, которые могли бы помочь выполнить задание центра, и не находили путей к его осуществлению.

— А что если...— вдруг вспыхнула Лиля и заговорила быстро-быстро, словно боялась забыть возникшую у нее идею.— А что если устроить какую-нибудь суматоху, шурум-бурумчик какой-нибудь?

— Что именно ты имеешь в виду?— заинтересовалась Смирнова.

— Как ты думаешь, можно сделать в помещении паспортного стола малюсенький взрывчик?

— То есть какой малюсенький?

— Ну, чтобы без людей, понимаешь? Столы, шкафы... И под шумок взять что нужно, понимаешь?

— Фантазерка ты, Лиля,— сказала Смирнова.— Как же это — столы, шкафы? Не представляю. Впрочем, хочешь, я поговорю с Кораблевым, расскажу ему о твоей идее.

На очередном свидании с начальником разведки Анна рассказала ему о Лилином предложении.

— А знаете, Анна Наумовна, это не такая уж

фантазия,— сказал Кораблев.— Вполне толковая идея. Только проводить ее надо с большой осторожностью и после тщательной подготовки. Ни в коем случае не следует вмешивать в это дело капитана Миллера. Это вы правильно решили. Не надо подвергать его излишнему риску. Положение у него и так достаточно сложное. Я посоветуюсь с комбригом и сообщу, как и что можно предпринять.

...Через несколько дней на конспиративную квартиру связные доставили две гранаты с капсюлями, бикфордов шнур, толовую шашку и... немецкие сапоги. Обыкновенные солдатские сапоги с железными подковами.

— А это зачем же? При чем тут сапоги?— спросила Лиля.

— Я тебе потом все-все объясню,— сказала Смирнова.— Кораблев прислал вместе с посылкой очень подробную инструкцию.

...Тихо было в этот теплый летний вечер. На улице ни души. Наступил комендантский час, и никто из жителей города не смел выйти из дома подышать свежим воздухом — нарушителей расстреливали на месте. Специальной охраны возле здания городской полиции, где помещался и паспортный стол, не было. Ночной патруль изредка появлялся возле этого особняка, освещая его фонариками, проверяя, все ли в порядке, и снова нырял в темноту.

Лиля могла спокойно ходить по городу в любое время, у нее был ночной пропуск. Так шла она по улицам и в ту памятную ночь. Встречавшиеся на пути патрули, проверив документы, отпускали с миром сотрудницу полиции, не обращая внимания на узелок, который она держала в руках.

Черным ходом (у нее был запасной ключ) она пробралась в знакомую комнату. «Ну куда ты бежишь, сердце? Мне совсем не нужно, чтобы ты так быстро стучало. У меня столько работы. И руки дрожат. Нельзя, чтобы они дрожали. И голова какая-то чудная. И в ушах стоит звон. Спокойнее, Лиля, спокойнее...» Она бродит в кромешной темноте, скользит руками по столам, стульям. Только бы не задеть ногой, чтобы не получилось стука, скрипа. Где же шкафы с бумагами? Они же были у этой стены? Куда же они девались?.. Ах, вот он — самый большой! Здесь лежат пачки пас-

портов, удостоверений. Она нащупала пальцами замочное отверстие, вставила ключик и тихонько раскрыла дверцы шкафа. Вот на этой полке. Да-да... Взять бы сразу несколько пачек. Нет, так нельзя. Лучше из каждой понемногу. Тридцать, сорок, пятьдесят... Хватит, довольно. Не надо долго испытывать судьбу. А вдруг она обидится и подведет? Лиля хотела закрыть шкаф, запереть его на ключ и тут вспомнила, что это, вероятно, ни к чему.

Осталось самое важное: подложить под шкаф толовую шашку, гранаты и вставить запалы. Лиля почувствовала, что всю ее охватил ледяной озноб и она не может двинуть ни рукой, ни ногой. А вдруг взорвется сразу? Ведь она никогда в жизни даже не видела этих орудий уничтожения. «Какая глупая! Не взорвется, не бойся. Ведь нужно прежде заложить бикфордов шнур и его поджечь». Она развернула шнур. Но что это?.. Почему шорох? Кто-то идет?.. Да нет же, показалось... Зашелестела газета, в которую завернуты солдатские сапоги. Что же дальше?.. Ах да, надо же надежно спрятать свои трофеи, а потом уж...

Она бережно завернула в тряпочку документы и положила их за пазуху. Самое надежное место — не зря деревенские женщины прячут деньги именно здесь... Надела сапоги, сунув свои туфли под мышку. Кажется, все. Можно идти...

Сделав два-три шага, она решительно остановилась: «Куда же ты? Шнур-то надо поджечь».

Она припала на колени, нащупала руками лежавший на полу шнур, заслонила собой зажженную спичку — ведь в окне мог блеснуть свет.

Зеленый огонек на кончике шнура медленно стал продвигаться к цели. «Успеть бы... Только бы успеть выбраться»,— стучало в висках.

Она спустилась по лестнице тем же черным ходом, что и вошла, заперла дверь на ключ и вышла на асфальтовую дорожку, ведущую по направлению к немецким казармам. Так вот почему ей велели надеть солдатские сапоги с железными подковками и идти по этой дорожке! Немного не дойдя до казарм она сняла сапоги и снова надела свои туфли. Хорошо, что совсем рядом знакомые проходные дворы. Она часто ходила этими дворами на работу.

Едва только Лиля переступила порог дома, в ноч-

ной тишине раздался взрыв, за ним другой, третий...

— Все!— невольно вырвалось у нее из груди.

— Что «все»? — спросила мать.

— Не знаю, мама,— вздрогнула Лиля.— Наверное, опять шалят партизаны.

Взрыв в здании городской полиции вызвал в лагере оккупантов смятение.

— Что?— кричал в телефонную трубку комендант города полковник фон Никиш, когда ему сообщили о взрыве.— Сейчас же все оцепить, обыскать!..

Не прошло и получаса, как все улицы и переулки вокруг здания полиции были оцеплены. Собаки-ищейки вели своих проводников по следу в казармы. Местные фюреры были разъярены до предела:

— Как? Предатели и бандиты среди наших военных! Поймать!.. Расстрелять! Повесить!

К месту происшествия срочно вызвали капитана Миллера.

— Как вы думаете, капитан, что здесь могло произойти?— спрашивал его начальник гестапо оберштурмфюрер Фибих.

Миллер беспомощно разводил руками:

— Знаете, господин оберштурмфюрер, я так потрясен, что ничего даже не могу предположить...

Несколько немецких солдат было арестовано, но они решительно ничем не сумели помочь следственным органам найти диверсантов.

В ту же ночь Лиля успела передать документы Смирновой, и та доставила их в штаб «Неуловимых».

На другой день после взрыва Лиля, как обычно, пришла на работу, чтобы продолжать свою «верную службу» рейху. Увидев обугленные доски шкафов и разбросанные по изувеченному полу обломки столов и стульев, она с неподдельным ужасом воскликнула:

— О боже мой, как же это случилось, герр капитан?

— Да, большая неприятность, фрейлейн,— сказал Миллер.— Сегодня нам с вами работать не придется. До составления акта никаких документов никому выдавать не будем.

— Хорошо, герр капитан,— покорно ответила Лиля.— Мне можно идти домой?

— Нет, нет. Для вас найдется очень много дела.

Придут рабочие, чтобы привести в порядок помещение, так что вам придется за этим проследить.

— Да-да, конечно,— согласно кивнула Лиля.— И кто бы это мог сделать, герр капитан?— настороженно спросила она, желая уточнить для себя, догадывается ли Миллер о том, кто повинен в событиях минувшей ночи.

Миллер поднял голову, в упор посмотрел в глаза Лили, хотел улыбнуться, но мгновенно погасил улыбку и сказал:

— Об этом не надо, фрейлейн, не надо. Так лучше для всех. Ну, я пойду к себе, мой кабинет, кажется, не пострадал.

Этот коротенький диалог лишний раз убедил Лилю, что капитан действительно свой человек, разделяет ее убеждения и с ним можно вести себя вполне откровенно, как с единомышленником.

...В дверь постучались. Не дождавшись разрешения, в изуродованную взрывом комнату паспортного отдела вошел неприметный с виду худощавый парень в галифе с обмотками и куцом клетчатом пиджачке. В руках у него был маленький чемоданчик.

— Разрешите, барышня?

— Входите,— сказала Лиля.— Только документов мы сегодня не выдаем — видите, что у нас делается. Отремонтируем — приходите.

— Я, извиняюсь, по данному поводу и пришел, точнее сказать, командирован. Позвольте представиться: по мирному времени механик по тракторам, а ныне волею, так сказать, рока или, проще говоря, судьбы, попавши в плен, электромонтер при комендатуре. Судьба, как известно, играет человеком. И не только человеком. И помещениями даже,— он окинул своими бесцветными глазами помещение паспортного отдела.— Интересно, кто же это так разукрасил вашу резиденцию? Вот уж верно говорят, судьба играет человеком и вообще всем на свете.

— На то она и судьба,— ответила Лиля.

Этот доморощенный философ не вызывал у девушки никаких положительных эмоций. Ей не хотелось с ним говорить. Но он назойливо стремился продолжать беседу.

— Придется, барышня, всю проводочку менять,— размышлял он вслух, сгребая со стены вместе с почер-

невшими клочками обоев куски обгоревшего провода.— А вы что же, здесь недавно?

— Не так чтобы очень, но все-таки,— неопределенно и нехотя ответила Лиля.

— Вполне понятно,— буркнул монтер, вынимая из чемоданчика клубок нового провода, выключатели, шурупы, кусачки, розетки и раскладывая все это на уцелевшем каменном подоконнике.— То-то, гляжу, в данном учреждении встречаюсь с вами впервые.

— А вы часто здесь бываете?— спросила Лиля.

— Не так чтобы очень, но случается. По мере надобности. А вы сами, барышня, издалека?

— Очень.

— Ясно,— понимающе кивнул монтер, растягивая по стене новый провод.— По нужде здесь работаете или по идейной части?

— Я вас плохо понимаю,— насторожилась Лиля.

— Ну, как бы это сказать...— стал подбирать слова собеседник, почесав за ухом плоскогубцами, которыми он вытягивал из обгоревшей стены гвозди.— Имею в соображении направление мысли... По какой линии она протекает.

Лиля догадалась, конечно, о чем ведет речь косноязычный монтер, и почуяла в его рассуждениях «по идейной части» не простое любопытство. Самое правильное, решила она, разыграть перед ним невинную жертву красных, нашедшую свое истинное призвание на службе у немецких властей.

— Ну какое направление мысли...— повторила она его слова.— Теперь у всех должно быть одно направление. Натерпелись при Советской власти.

— Что уж говорить!— охотно подхватил он.— Вот смотрю я на вас и думаю,— продолжал он свой психологический эксперимент.— Такая барышня, безусловно, имеет высокие мечты.

— До очень высоких мне далеко,— сказала Лиля.— Но, конечно, по силе возможности...

— И у меня, знаете, есть мечта поширше развернуться,— признался он.— У самого ведь отец скобяным товаром торговал на главном рынке в городе на Волге,— не без некоторой гордости разоткровенничался монтер.— Слыхали может: Самара-город, теперь Куйбышевым называют. Лабаз был у моего родителя,

как сейчас помню, на первой линии. Громадный лабазище!

Он даже застыл с кусачками в руке, оставив на время работу, чтобы разъяснить собеседнице, какой великолепный лабаз со скобяным товаром украшал некогда самарский рынок.

— И можете себе представить такой пассаж,— с горечью добавил он: — Нынче в лабазе моего кровного папаши стеклотару принимают.

— Это, наверное, очень обидно,— сокрушенно вздохнула Лиля.

— Еще бы не обидно,— согласно вздохнул монтер.— Душа в слезах изнывает. Злая насмешка судьбы.

— Да, конечно.

— Но ничего, барышня. Если у человека крылья — полный порядок.

— А у вас они есть?

— Наращиваем потихоньку,— многозначительно подмигнул он.

— Вам хорошо, у вас уже есть крылья, а у меня пока нет, все подрезаны,— притворно огорчилась Лиля, стараясь вызвать сочувствие к своим переживаниям.

— Можно наладить, барышня. Вполне можно наладить,— повторил он.— С такой личностью, как у вас, крылышками вполне можно обзавестись, любую операцию провернуть можно.

— Вы думаете?

— Беспременно,— заявил он, устанавливая новый выключатель.

— А вас как зовут?

— Семеном. По фамилии Крутиков. Не слыхали?

«Крутиков?» Лиля почувствовала, как кровь хлынула к лицу, и, чтобы не выдать себя, прикрыла щеки ладонями. Она не раз слышала это имя. Смирнова часто говорила о нем. Этот военнопленный сержант, попавший в окружение, выслуживался у фашистов, был агентом гестапо и причинял партизанам и мирным советским людям немало зла.

— Очень приятно,— сказала она.— Очень интересно с вами познакомиться.

И протянула ему руку.

На другой день утром, как только комендант Полоцка фон Никиш пришел на работу, его адъютант обер-лейтенант Крайс вручил своему шефу голубой конверт:

— Весьма срочно, господин полковник.

— Что там такое?

— Не могу знать, господин полковник,— пожал плечами адъютант,— написано «весьма срочно», «лично».

— Давайте, вы свободны.

Комендант вынул из конверта исписанный четким женским почерком лист почтовой бумаги и стал читать. С каждой строчкой лицо его становилось все суровее, мохнатые брови все круче сбегались к переносице, и он нервно, почти до крови покусывал губы.

— Не может быть! Крутиков?.. Этот добропорядочный малый?

Если все это правда, висеть ему на фонарном столбе, возле рынка, чтобы все видели.

Его рука потянулась к звонку. Вошел адъютант:

— Слушаю, господин полковник.

— Читайте, обер-лейтенант,— фон Никиш протянул ему письмо.

И обер-лейтенант прочел:

«Его превосходительству господину коменданту города Полоцка барону фон Никишу.

Как вам известно, у вас в комендатуре работает монтером военнопленный Семен Крутиков. Он сумел втереться в доверие к немецким властям и делает вид, что честно служит великой Германии.

Но, как выяснилось, этот Крутиков предает ваших людей красным и партизанам. Это он показал партизанам дорогу, как лучше взорвать полоцкую нефтебазу и склад боеприпасов. Сердце обливается кровью, когда я вижу, как этот проходимец и предатель день за днем обманывает своих покровителей и на всех перекрестках говорит кощунственные слова в адрес любимого фюрера.

Проверив все факты и убедившись, что Семен Крутиков действительно является заклятым врагом Германии, я не могу молчать и хочу открыть вам глаза на

этого низкого человека, мечтающего на костях немецкой нации построить свою подлую жизнь.

Всей душой преданная новому порядку в Европе Лилия Костецкая, сотрудница полиции».

— М-да,— покачал головой адъютант, прочитав письмо.

— Ну что вы скажете, обер-лейтенант?

— Ничего не понимаю, господин полковник.

— Вы хорошо знаете этого Крутикова?

— Не очень. Но слышал о нем много хорошего.

— Какого черта «хорошего», если он ходит по городу, чернит фюрера последними словами и помогает этим бандитам — партизанам совершать чудовищные диверсии?

— Но, может быть, это провокация, господин полковник?— не очень уверенно заметил обер-лейтенант.— Чего только не бывает в наше сложное время.

— Соедините меня с капитаном Миллером,— приказал комендант.— Он должен знать эту девушку... как ее, Костецкую.

Обер-лейтенант снял телефонную трубку.

— Капитан Миллер у аппарата, господин полковник.

Фон Никиш присел к столу, взял трубку:

— Добрый день, капитан... Скажите, дорогой, как ваша русская... Костецкая, да. Тут я получил от нее письмо, да. Что?.. Ей вполне можно верить? Ах, так... очень преданная девушка? Ну что ж, благодарю вас, капитан.

Комендант положил трубку и задумался.

— Ну что?— спросил обер-лейтенант.

— Позвоните в гестапо и передайте им это письмо,— распорядился полковник.

— Слушаюсь!

...Прошел слух, что Крутикова расстреляли.

Говорили также, что его угнали в Германию. Кто знает!

Во всяком случае в городе его больше не видели.

7

В один из февральских дней сорок третьего года в паспортном отделе полиции появилась новая машинистка. Худенькая, невзрачная на вид девушка с серыми

невыразительными глазами, держала себя скромно, стараясь не привлекать внимания. Она тихо сидела в своей крохотной комнатушке рядом с кабинетом капитана Миллера, добросовестно отстукивала на машинке все, что ей поручали, ни с кем не разговаривала и не вмешивалась ни в какие дела.

Лиля тоже избегала с ней близкого знакомства. Кто знает, что это за девушка, чем она дышит, что привело ее в полицию. Желание избавиться от угона в Германию? Возможно. Ведь почти всех юношей и девушек целыми составами отправляют в гитлеровский рейх. А может быть...

Нет! Об этом не хотелось думать. И все же вдруг и в самом деле эту девицу подослали сюда, чтобы она выслеживала, вынюхивала?

...Однажды, недели через две, Лиля пришла домой расстроенная.

— Ты что, дочка?— спросила мать.

— Так... ничего...— Лиля пыталась скрыть свое волнение.

— На тебе же лица нет, погляди в зеркало,— настаивала мать.— Заболела, что ли? Проверь температуру.

— Ничего у меня, мама, не болит. Просто устала очень, работы много было сегодня.

Сказала и подумала: а зачем врать? Мать ведь — не чужой человек. Сказать ей просто все, как есть: кто-то вынул из кармана пальто бумажку со стихами, которую она по глупой забывчивости вовремя не сожгла. Стихи не очень-то приятные для оккупантов... Но нет! Все-таки лучше не рассказывать матери — ей, бедной, и так достается: семья большая, всех накорми, за всеми прибери...

Но недолго пришлось скрывать от родных правду. Через два дня Лиля не вернулась с работы домой.

Начальник гестапо оберштурмбанфюрер Фибих, лет тридцати, с нафабренными усиками а-ля Гитлер и приглаженной бриолином прической с пробором посередине, мило улыбался и, пуская колечками дым ароматной сигареты, говорил:

— Вы же отлично знаете, фрейлейн, мою симпатию к вам. Можете быть уверены, дорогая, что мы же-

лаем вам только добра. Все зависит теперь только от вас самих. Ваша судьба, ваше будущее в ваших руках.

— Я не понимаю, что вы ждете от меня, господин оберштурмбанфюрер?— пожимала плечами Лиля.— В чем я должна сознаться?

— Это уже нехорошо, фрейлейн,— с укором, но мягко, тактично, не повышая голоса, продолжал Фибих.— Мы беседуем с вами,— он посмотрел на часы,— час сорок восемь минут и никак не можем договориться. Откуда все-таки у вас в кармане такие ужасные стихи.

— Не знаю. Я никогда никаких стихов не писала и в карманах их не носила.

— Я готов поверить вашей искренности,— вкрадчиво сказал Фибих, подсаживаясь к ней поближе.— Но факты говорят о другом, фрейлейн.

— Я верю вам, что эти отвратительные стихи действительно нашли в кармане моего пальто,— согласилась Лиля.— А раз их нашли — значит, они там были. Но как они туда попали — понять не могу. Давайте вместе искать автора этого пасквиля. Подумать только, какая дерзость:

> ...Школы новые откроем,
> Все почистим и помоем,
> Гитлера сорвем портрет!

— Какой ужас!— возмущалась Лиля.— «Гитлера сорвем портрет».

— Не будем повторять, фрейлейн, не будем,— поморщился гестаповец.— Так вы продолжаете утверждать, что никакого отношения к этой «поэзии», к этому «чистому искусству» не имеете?

— Решительно утверждаю,— настаивала Лиля.— Неужели вы могли поверить, что я осмелюсь когда-нибудь так неучтиво относиться к нашему фюреру?

— Тогда, фрейлейн, может быть, вы ответите мне на другой вопрос, более близкий к характеру вашей деятельности в полиции.

Лиля вздрогнула.

— Что с вами, фрейлейн, вы нездоровы?— сочувственно спросил Фибих.

— Ничего-ничего,— как можно спокойнее ответила Лиля.— Я слушаю вас, герр оберштурмбанфюрер.

— Я попросил ответить мне на более близкий к характеру вашей деятельности в полиции вопрос,— по-

вторил гестаповец.— Не знаете ли вы случайно,— он многозначительно подчеркнул это слово,— почему в последнее время в нашем районе появилось столько партизанских разведчиков, имеющих отличные документы со штампом полоцкой полиции? Странно, не правда ли? Кстати, это наблюдается особенно часто после взрыва в паспортном столе.

Лиля почувствовала, как ее щеки вспыхнули румянцем, и, чтобы скрыть это, в то же мгновение так сильно закашлялась, что прикрыла лицо руками, и, едва отдышавшись, ответила:

— Я ничего не знаю, герр Фибих. Я никогда никому не давала никаких документов. Да их и нет у меня, я ими не ведаю, я только регистрирую, кому и когда выдается тот или иной документ.

— М-да,— протянул Фибих.— С вами очень трудно вести сейчас деловой разговор. Вы, видно, устали. Ну что ж, подождем. Отдохните, подумайте. Мы еще увидимся. До скорой встречи, фрейлейн. Фред!— окликнул он конвоира, ожидавшего арестованную в приемной.— Отведи эту фрейлейн и скажи начальнику тюрьмы, что я приказал поместить ее в отдельную камеру и получше кормить. Максимум комфорта!

— Слушаюсь, господин оберштурмбанфюрер. Прошу, фрейлейн,— и, козырнув, конвоир пропустил Лилю вперед и почтительно последовал за ней.

Лиля была совершенно потрясена обстановкой, которая окружала ее в тюремной камере. Мрачная одиночка выглядела действительно комфортабельной. Вместо деревянного топчана — удобная кровать с сеткой, матрасом, одеялом, подушкой. Стол со стулом, свежие газеты, графин с водой. Параша в углу и та стыдливо была прикрыта не то подушечкой, не то каким-то подобием пуфика. Одним словом, оберштурмбанфюрер слов на ветер не бросал.

На обед ей принесли котелок отличных щей с мясом, тарелку пшенной каши со сливочным маслом.

Несколько дней ее никто не трогал, никто никуда не вызывал, и она жила спокойно, хорошо питалась, спала на мягкой постели.

Но не очень-то спалось. Она отлично понимала, что гестаповцы неспроста так усердно ухаживают за ней.

Еще более она была поражена, когда однажды утром звякнул железный запор и надзирательница ввела в камеру ее мать.

— Поговорите, побеседуйте,— сказала она добродушно,— через часочек я за вами приду.

— Мамочка!— бросилась к ней на шею Лиля.— Как я рада тебя видеть. Что там у нас дома? Все ли здоровы? Приходила ли Аня Смирнова? Знает ли она, что со мной?

— Дома все ничего, доченька,— вытирая слезы, сказала мать, обнимая Лилю и пристально осматривая ее.— Цела, милая, ну и слава богу, слава богу,— запричитала она, осеняя себя крестным знамением.— Я вот тебе гостинчика принесла.

И положила на стол краюху хлеба и несколько яиц.

— А больше у нас теперь ничего и нету, сама знаешь.

— Знаю, мамочка, знаю. И это все зря. Живу я здесь видишь как. Посмотри, какой у меня кабинет. Не камера, а царские палаты.

— Уж и то смотрю: совсем вроде и не тюрьма. Будь умницей, доченька, не очень-то задирайся с этими иродами, может, и выпустят.

Через неделю Лилю снова привели к Фибиху на допрос.

Оберштурмбанфюрер был так же чисто выбрит, усы и волосы, как и всегда, блистали от бриолина, но улыбки, которой он раньше встречал Лилю, не видно было на его лице. Он был хмур, суховат, и хотя говорил спокойно, но в тоне его голоса были заметны угрожающие нотки.

— Так вы уверяете, фрейлейн, что найденные в кармане вашего пальто стихи не имеют к вам никакого отношения?— спросил он.

— Уверяю,— решительно ответила она.

— Отпираться бесполезно. Нам все известно, фрейлейн. Вчера нам доставили из Берлина точные результаты исследования вашего почерка и отпечатков ваших пальцев на бумажке со стихами. Установлено совершенно точно, что эти стихи писали вы.

— Я никаких стихов никогда в жизни не писала,— утверждала Лиля.

— Доннер-веттер!— вскипел гестаповец.— Будьте

благоразумны. Ваше глупое упрямство может слишком дорого обойтись вам. Вы еще слишком молоды, перед вами вся жизнь. Мне жаль вас, фрейлейн. Давайте договоримся: услуга за услугу. Вы нам расскажете все о партизанах, о связях с ними, а я обещаю вам выезд в Берлин и хорошую жизнь.

Лиля упорно отводила все обвинения. Она не знает никаких партизан, никогда в жизни их не видела. Она охотно поедет в Берлин — давно мечтала увидеть столицу рейха, но, к сожалению, она ничем не может помочь господину оберштурмбанфюреру найти пути к партизанам, к подпольщикам, которые доставляют немецким властям столько огорчений.

И в то время, когда она объясняла все это Фибиху, перед ее глазами стояла новая машинистка-пигалица с утиным носом и тонкой шеей. Как глупо все получилось! Зачем она так неосторожно сунула в карман пальто этот не бог весть какой стишок, который может послужить толчком к тому, чтобы раскрыть всю ее «преданность» новой Германии.

— Вы признаете, что стихи написаны вашей рукой?— настаивал Фибих.

— Я не могу этого не признать,— ответила Лиля.— Почерк действительно мой, но стихи не мои.

— Не понимаю.

— Чтобы вы все поняли, господин оберштурмбанфюрер, я вынуждена сказать всю правду.

— Чьи же это стихи?— Фибих испытующе посмотрел ей в глаза.— Может быть, их продиктовал вам кто-нибудь из ваших друзей?

— Не из моих, а из ваших, из наших с вами общих друзей.

— Мне надоели эти загадки!— закричал начальник гестапо.— Что вы этим хотите сказать?

— Сейчас вы все поймете, господин оберштурмбанфюрер. Я все по порядку, можно?

— Извольте, фрейлейн.

— Однажды к нам пришел получать новый паспорт некий Свистунов.

— Свистунов?— перебил Фибих, услышав знакомую фамилию.— Рудольф Свистунов?

— Да. Рудольф. Вы его знаете?

— Слышал, но это не важно,— раздраженно буркнул гестаповец.— Продолжайте.

— Нам было известно, что этот человек честно и добросовестно служит нашему общему делу.

— Какому нашему?

— Великому фюреру, господин оберштурмбанфюрер,— объяснила Лиля.

— Так, дальше.

— И когда он стал предъявлять документы для получения нового паспорта, то вынул из кармана ученическую тетрадь в клетку. В этой тетради лежали разные справки. Он дал ее мне вместе со справками, чтобы они не растерялись. Я сказала ему, чтобы он зашел позже, когда я все оформлю. Просматривая справки, я к своему ужасу обнаружила на одной из страниц тетради эти стихи, списала их и положила в карман, чтобы показать своему начальнику капитану Миллеру. Но не успела этого сделать. Как раз в тот день господин Миллер уехал куда-то, а через несколько часов меня арестовали.

— Ах, вот как!— сказал Фибих.— Интересно. Очень интересно. А почему же вы сразу не заявили об этом?

— Я думала... Я думала,— смело и решительно сказала она после небольшой паузы,— что это может помешать разоблачить Свистунова. Если он узнает, что вам стали известны его ужасные стихи, он может убежать.

— Не очень логично, фрейлейн, но доля истины в ваших словах есть, хотя убежать от нас не очень просто,— сказал Фибих.— Вы умная девушка, фрейлейн, и я не жалею, что предложил вам хорошую жизнь в Берлине, если вы будете благоразумны. Ну, а скажите, фрейлейн: вот этот документ вам знаком? Вы знаете человека на чье имя он выдан?

И Фибих, не выпуская документа из рук, предложил Лиле его прочесть. Это было удостоверение на имя Матвея Кулябко.

«Кулябко»... Да это же разведчик «Неуловимых»! Неужели его задержали? Она отлично знала этого бесстрашного парня. Аня Смирнова не раз приводила его на конспиративную квартиру. С выданным ею за подписью капитана Миллера удостоверением Кулябко ходил и ездил по фашистским гарнизонам, ставил мины, взрывал мосты и склады с боеприпасами, пускал под откос поезда.

— Нет, не знаю, герр оберштурмбанфюрер,— решительно ответила Лиля.— Никаких документов Кулябко я никогда не выдавала.

— Но на этой бумажке ваши пальцы, фрейлейн. Нам все известно. Идите и подумайте еще раз о своем будущем. Фред! — окликнул он конвоира.— Холодный душ — и в общую камеру.

— Слушаюсь, господин оберштурмбанфюрер.

Матери разрешили еще одно свидание с дочерью. На этот раз оно проходило не в комфортабельно обставленной одиночке. После последнего допроса, убедившись в бесплодности попыток выведать что-либо о партизанах и подпольщиках, Лилю зверски избили и бросили в общую камеру с двухэтажными нарами на грязный, с прогнившей вонючей соломой и густо населенный вшами матрас.

— Ой, дочка, что они с тобой сделали?— с отчаянием вырвалось из материнской груди, когда Лилю привели в комнату для свиданий, избитую, растерзанную, с кровоподтеками на лице и рассеченными губами.

— Ничего, мамочка... не обращай внимания,— успокаивала дочь.— Надо терпеть, надо,— подчеркнула она.— Я сильная, мама. Я все снесу, все стерплю. А если что будет и похуже,— у нее перехватило дыхание, она на секунду замолчала и, собравшись с силами, сказала: — не плачь, мамочка. Эти изверги не стоят ни одной твоей слезинки. Лучше ведь отдать жизнь, чем отдавать свою совесть, правда, мамочка?..

Лилю пытали долго. Она стойко и мужественно переносила все издевательства, на какие только способны были гитлеровские палачи. Но ни одним словом не обмолвилась она ни о партизанах, ни об Анне Смирновой, ни о капитане Миллере — об этом немецком офицере, который, презирая опасность, честно и самоотверженно служил делу борьбы с фашизмом.

Гестапо все же не теряло надежды добиться от Лили Костецкой признания и решило перевести ее в другую тюрьму, находившуюся на противоположном берегу Западной Двины. В той тюрьме применялись такие изощренные пытки, которыми, по убеждению фашистов, можно было сломить любого человека.

Это было 8 марта сорок третьего года, когда женщины всего мира отмечали свой праздник. В этот день

обессиленную чудовищными истязаниями девушку переводили в еще более страшный фашистский застенок. Группа солдат вела ее к Западной Двине, через которую предстояло перейти по льду. Лиля едва передвигала ноги.

— Бистро, бистро! — подталкивали ее автоматами конвоиры.

Ступив на лед, она приняла отчаянное решение: не дать палачам возможности больше глумиться над собой!

Такие мысли не раз возникали у нее после последнего свидания с матерью. Но в переполненной тюремной камере она не могла найти никаких средств, чтобы разом покончить все счеты со страшной жизнью, которая осталась на ее долю, когда фашисты убедились в ее непреклонной воле — умереть, но молчать.

А тут неподалеку от протоптанной по льду дорожки, по которой Лилю вели, она заметила черное пятно.

«Прорубь!» — мелькнуло в голове.

Она собрала остаток сил и ринулась к проруби.

— Назад! Стрелять будем! Назад! — закричали конвойные.

Но стрелять они не решились, ибо имели строгое указание доставить арестованную в тюрьму за рекой.

Лиля подбежала к воде и бросилась в прорубь. Растерявшиеся гитлеровцы сгрудились вокруг, пытались вытащить Лилю. Они хватали ее за руки, протягивали приклады автоматов в надежде, что девушка примет помощь. Но она упорно отбивалась от своих спасителей, отталкивала приклады, а когда один из конвойных, здоровенный детина, бросившись на лед, ухватился обеими руками за воротник пальто Лили, она, извиваясь, напрягая последние силы, сбросила с себя пальто и нырнула под лед, унося с собой тайну разведчицы «Неуловимых».

Карл Миллер вернулся в Полоцк на другой день после трагической гибели Лили. Его пригласили в гестапо.

— Что вы можете сказать, герр капитан, по поводу всей этой истории с вашей паспортисткой?

— Я потрясен, возмущен! — пылко и с неподдельной горечью заявил Миллер. — Это была честнейшая

девушка, преданная нашему делу до последнего дыхания. Благодаря чрезмерному усердию ваших людей, мы лишились умной, талантливой сотрудницы, которую можно было использовать на гораздо более ответственной работе. Подозревать ее в связях с партизанами по меньшей мере было величайшей глупостью, господа.

— Но все-таки, капитан, как вы думаете, откуда у нее в кармане могли быть такие стихи?

— Стихи? Вот эти стишки? Чепуха! — ответил Миллер.

— Но почерк-то ее!

— Ну что ж,— на минуту задумался капитан.— Возможно, она нашла эти стихи у кого-нибудь, переписала, собиралась доложить мне. Но меня в тот день не было. Как вы знаете, накануне ее ареста меня направили сопровождать карательный отряд.

— И эта операция окончилась, кажется, не очень удачно?— спросил кто-то из гестаповских офицеров.

— Да. Мы попали в засаду «Неуловимых». Что делать? Партизаны — страшное бедствие, с ними очень трудно бороться. Нас предали. И известно даже кто.

— Вот как! Кто же предал вас, капитан?

— Вы знаете Свистунова? Он-то и подстроил нам эту засаду. Страшный тип!

— Вы думаете, капитан?

— Убежден! — решительно ответил Миллер.— Он пытался получить у меня документы для неизвестных лиц.

— Свистунов?.. Позвольте, позвольте,— стал припоминать начальник гестапо.— Очень знакомое имя. О нем говорила и эта... как ее... Костецкая. Фред! — окликнул он конвоира.— Достаньте из-под земли Свистунова и немедленно ко мне. Да! И виселицу подготовьте на рынке.

— Слушаюсь, господин оберштурмбанфюрер.

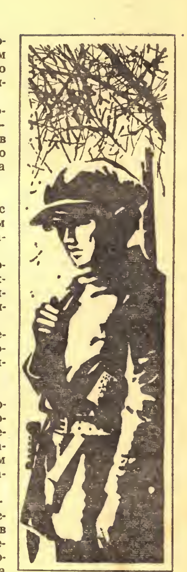
Прошло более четверти века. Дом Костецких на Ветринском шоссе стоит и поныне. Там живут сестры, брат незабвенной Лили. Старожилы помнят героическую девушку. Проходя и проезжая мимо ее дома, люди останавливаются на минуту, снимают шапку, отда-

вая дань глубокой любви и уважения отважной разведчице.

И бывшие партизаны «Неуловимых», собираясь иногда в Полоцке, вспоминая далекие боевые дни, обязательно приходят к дому Костецких и подолгу молча стоят у его ветхого крылечка в память своего боевого товарища, верного помощника и друга, который в логове врага отважно помогал победе над фашизмом.

И, быть может, не за горами тот день, когда в Полоцке воздвигнут памятник Лилии Павловне Костецкой. Своим мужеством и бесстрашием она заслужила вечную память современников и потомков.

1

— Ну, кто там еще?— спросил Суховей, окинув суровым взглядом робко заглянувшую в кабинет худощавую фигуру.
— К вам просится некая монашка, Степан Васильевич,— ответил чиновник, вытянув руки по швам и почтительно склонив слегка голову на бок.
— А что ей надо?
— Не могу знать. Говорит, с весьма важным поручением от игуменьи женского монастыря.
— Раз такое дело — проси,— кивнул Суховей, ухмыльнувшись в усы, и, вынув из ящика стола пачку сигарет, закурил.
Через минуту в сопровождении чиновника вошла молодая женщина в черном одеянии.
— Благослови господь!— прошептала она, осенив Суховея крестным знамением. Монашка и сама хотела перекреститься, но, пробежав глазами по всем четырем углам и не найдя иконы, так и замерла в удивлении.
— Сколько раз я говорил — повесить богоматерь!— рассердился Суховей, метнув взглядом на стоявшего у дверей чиновника.— Приличному человеку и войти сюда

невозможно, поклониться некому, перекреститься не на что. Да и сам ведь христианин. Если завтра с утра не будет иконы с лампадами — вы все загремите у меня к чертовой матери, понятно?

— Так точно.

— Разбаловали вас тут большевики!

— Будет исполнено, Степан Васильевич, не извольте гневаться,— заикаясь, пролепетал побледневший чиновник и попятился задом к двери.

Он знал, что с заместителем бургомистра шутки плохи. Не далее как на той неделе он приказал вдруг сменить охрану, и полицейские, беззаботно и спокойно дежурившие в приемной, были отправлены сопровождать ассенизационные бочки, которые военнопленные вывозили из города на поля орошения.

Когда дверь за чиновником плотно захлопнулась, грозный начальник сразу подобрел, его словно подменили.

— Ну, как, Василек, ничего?— спросил он монашку шепотом.

— Здорово это у вас, Степан Васильевич, получается,— также тихо ответила она.— Никогда бы и не подумала, что заведующий районо способен так блестяще играть роль гитлеровского сатрапа.

— Беда всему научит, Танюша,— вздохнул Суховей.— Не думаю, что роль заместителя бургомистра по вопросам образования, здравоохранения и культуры труднее роли святоши. Так что там у нас слышно?

— Вот...— монашка раскрыла евангелие и извлекла из переплета несколько листков папиросной бумаги.— Почитайте — узнаете.

— Сводка?

— Да. А вот это от «Неуловимых».— Она вытянула из корешка евангелия свернутую в трубочку листовку.

— Отлично, молодец! Надо бы собраться, кое-что обсудить.

— Где?

— Есть тут такая тетя Настя — женщина надежная, проверенная. Торгует на рынке, кормит полицаев бесплатно жареными пирожками, и за ней не очень-то следят.

— Когда?

— Послезавтра.

— Благослови господь! — громко произнесла связная; ей почудился за спиной скрип двери. — И ныне, и присно, и во веки веков...

— Это кресло у меня такое скрипучее, — тихо рассмеялся Суховей. — Так послезавтра у тети Насти. Возле базара, рядом с лабазом Курочкина двухэтажный дом с мезонином, ход со двора.

И нажал кнопку.

Вошел чиновник и, как всегда, почтительно склонился:

— Слушаюсь!

— Посади святую деву на мой кабриолет и — куда прикажет. Передайте матери игуменье, что ремонт келий мы берем на себя.

— Храни Христос! — осенила монашка Суховея крестным знамением.

— Да, вот что, — вспомнил Суховей. — Скажи начальнику охраны, пусть пошлет для сопровождения какого-нибудь бездельника. В городе слишком уж много бандитов развелось.

— Слушаюсь! — поклонился чиновник.

У подъезда прогуливался подозрительный тип с плоским лицом в нахлобученной на лоб кепчонке. Увидев монашку, он остановился и с любопытством повернулся к ней. Сопровождавший «дочерь божью» полицай окинул его презрительным взглядом:

— Ну, чего вылупился? Пшел вон отсюдова!

— Благослови господь! — бесстрастным голосом произнесла монашка и перекрестила незнакомца.

Неудачливый шпик нехотя снял кепку, перекрестился.

2

В кабриолете заместителя бургомистра, в сопровождении полицая, с надежным документом на имя послушницы Ксении Таня спокойно чувствовала себя на улицах города. Стоявшие на перекрестках стражи порядка вежливо брали под козырек. Девушка отлично играла свою роль. Стоило ей хотя бы вдалеке увидеть купол церкви, собора, она с упоением шептала молитвы и широким жестом прикладывала свои персты ко лбу, вызывая горячие симпатии проходивших мимо богомольных старушек.

Давно ли она ходила по этим улицам с шумной ватагой подруг по педагогическому училищу, пела комсомольские песни, вместе с ними радовалась весне, солнцу! Не по годам вдумчивая, впечатлительная, она в девятнадцать лет успела перечитать почти всех классиков мировой литературы, многие книги советских писателей. Овод! Не было, пожалуй, героя, который вызывал бы в ее душе такую любовь, такое преклонение, как этот мужественный юноша из далекой Италии.

Кроме книг, была у Тани еще одна страсть — сцена. Таня была одной из самых активных в самодеятельных концертах и спектаклях. Где-то в глубине сердца жила надежда стать когда-нибудь актрисой. Почему не помечтать? Говорят, что она очень здорово изображала Агафью Тихоновну в «Женитьбе» Гоголя. Публика смеялась, аплодировала, много раз вызывала: «Таня, браво! Таня, бис!» И еще — она любила ребятишек, ей нравилась работа в школе. Ведь это большое счастье видеть, как восьмилетний несмышленыш с твоей помощью постигает азы науки.

Но летом сорок первого все рухнуло. Только два года ей довелось учительствовать в деревне Зеленки Полоцкого района. Приход оккупантов, творивших на родной земле разбой и произвол, властно поставил перед Таней вопрос: как быть? Что делать? Как найти свое место в этой страшной подневольной жизни?

Она стала упорно искать это место. И вскоре нашла. Встреча с таким же, как и она, сельским учителем из деревни Сухой Бор Павлом Гуковым решила ее дальнейшую судьбу.

Павел Гуков был одним из первых подпольщиков в захваченном гитлеровцами Полоцке. Таня хорошо знала этого скромного человека, коммуниста и не сомневалась в его искренности. И когда ему, обосновавшему разведывательный штаб в окрестностях Полоцка, понадобились связные для поддержки контактов между подпольщиками, он в первую очередь предложил Тане эту почетную и опасную работу.

Так учительница Татьяна Мариненко стала ближайшим помощником Павла Гукова. И он не ошибся в своем выборе. Бесстрашная, выдержанная, предусмотрительная девушка, обладавшая к тому же несомненными, поистине актерскими способностями к пе-

ревоплощению, очень помогала ему выполнять сложные и ответственные поручения. По мере надобности она с успехом изображала то торговку, то нищенку, странствующую по деревням в поисках куска хлеба, то монашку, то сборщицу грибов, то легкомысленную красавицу, ищущую интимных знакомств с фашистскими офицерами.

Все было подвластно неутомимому Васильку — отважной разведчице Тане Мариненко.

3

Однажды вечером у тети Насти собралось сравнительно много народу — человек двенадцать. Каждый из них спешил поделиться своими успехами. Бывший летчик Некрашевич, совершивший вынужденную посадку на оккупированной территории, устроился с помощью Суховея составителем поездов. Он рассказал, что ему удалось по «ошибке» направить эшелон с кроватями на фронт, а вагоны с боеприпасами в глубокий тыл — в Варшаву. И еще одну значительную операцию он осуществил. На станции стояла в тупике цистерна с винным спиртом. При всяком удобном случае гитлеровцы с превеликим усердием прикладывались к этой цистерне. Однажды, формируя поезд для отправки, Некрашевич подцепил к нему эту цистерну, а на ее место поставил другую — с метиловым спиртом. Ничего не подозревавшие фашисты решили ночью покутить, и для многих из них эта выпивка оказалась последней.

Политрук Григорий Романов доложил товарищам, что с помощью его группы таинственным образом исчезло в городе десять гитлеровских офицеров.

— Ну, а чем порадует нас Василек? — спросил Гуков.

— Особенного ничего пока не делала,— ответила Таня.— Установила, правда, дома радиоприемник, слушаем Москву. Теперь сводки Совинформбюро будем регулярно распространять по окрестным селам и в самом Полоцке. А вместе с ними и партизанские листовки.

— А у тебя что, Павел? — поинтересовался Суховей.

— У меня такая новость,— сказал Гуков.— В Су-

хом Бору организовал небольшой партизанский отряд. Пока там только двадцать два человека, но резервы очень большие, можно рассчитывать на серьезную ударную силу.

...А через день после этого совещания случилась непоправимая беда.

— Пока ты ходил в Полоцк,— сказал вернувшемуся в Сухой Бор Гукову комиссар отряда Николай Козлов,— мы приняли еще одного парня. Говорит, что бежал из плена.

— А как его фамилия?

— Харитонов.

— А ну-ка попроси сюда этого Харитонова. Надо же и мне с ним познакомиться.

— Я сейчас. Он тут недалечко, в соседней хате устроился.

Козлов ушел, но вскоре растерянный вернулся один.

— Его нет, хозяйка говорит, что утром отправился куда-то.

Не появился Харитонов ни днем, ни вечером... А на другой день деревню Зеленки, где находилось больше половины вновь созданной партизанской группы, окружили каратели. Они схватили командира отряда — бывшего председателя Сестринского сельсовета Величко, комиссара Козлова, старшину — рабочего лесопильного завода Брандуга.

Через несколько дней попал в лапы фашистов и начальник штаба отряда Гавриленко. Гитлеровцы подвергли захваченных зверским пыткам и, ничего не добившись, всех расстреляли.

Это был жестокий урок. Ясно, что Харитонов оказался предателем, агентом гестапо.

Перед партизанскими разведчиками возникла еще одна боевая задача: во что бы то ни стало разоблачить тайную агентуру врага, действующую на территории Полоцкого района и в самом Полоцке.

— Ну-с, Василек, нам с тобой предстоит большая работа,— сказал Гуков.— Очень уж много шпионов вокруг развелось, сволочей всяких. Надо бы уточнить, узнать. Хорошо бы раздобыть список предателей, работающих на немцев.

— Хорошо-то хорошо,— ответила Таня.— Но как это сделать?

— Ты знаешь Володю?— спросил Гуков.

— Это который переводчиком в гестапо?

— Да.

— Не очень хорошо, но знаю, видела. А можно ли на него положиться в таком деликатном деле?

— Судя по имеющимся у меня данным, можно,— уверенно сказал Гуков.— Он из военнопленных, лейтенант. Я с ним очень долго говорил. Думаю, не подведет.

4

В ясный солнечный день конца августа, когда листья деревьев стали уже покрываться блеклым румянцем наступающей осени, близ здания полоцкого гестапо появилась молодая торговка. Она тащила за собой на тележке железный ящик с пирожками и бойким фальцетом выкрикивала:

— А ну, кому жареных с рисом, с яйцами, а ну кому — навались! Давайте, почтенные, давайте, миленькие,— широко улыбалась она солдатам, офицерам и полицаям.— Кушайте, спасители, дай вам бог здоровья!

— О, то ест ошен красиво жареный пирок,— сказал, остановившись возле нее, офицер СС.— Зер гут!— обратился он к своему спутнику в штатском. И, ощупывая циничным взглядом черноглазую торговку, добавил:— Лучший пирок ест сам хозяйка пирок... Почем хозяйка?— И звонко расхохотался, довольный своей остротой.

Таня подняла глаза.

Рядом с офицером стоял Володя. Их взгляды встретились. Она замерла на секунду, но быстро овладела собой и продолжала с заискивающей любезностью:

— Покушайте, миленькие, пальчики оближете!

Офицер бросил Володе несколько фраз по-немецки, и тот сказал:

— Господин говорит, что у него нет с собой денег. Может ли прелестная фрейлейн поверить ему в долг два пирожка?

— Такому красавцу хоть десять,— нашлась Таня. И все весело рассмеялись.

— Только мне вы, мои хорошие, вместо денег мы-

ла бы кусочек,— попросила торговка.— Советская власть, сами знаете, до чего довела — помыться нечем.

— Вас ист дас — «мило»? — спросил офицер.— То есть красивый?

— Найн, найн,— объяснил Володя разницу между «милым» и «мылом».

— Рихтиг, рихтиг,— кивнул гестаповец.— То есть умывал... Умывал и ко мне приходил чисто, да?

— Уж как прикажете, ваше благородие.— Таня до конца играла свою смертельно рискованную роль.

— Зер гут! — оживился офицер.— Янка Купала есть улица... дом есть... фифцеен. Как то есть фифцеен? — Он посмотрел в сторону спутника.

— Пятнадцать,— сказал Володя.

— Буду ждал, ферштейн зи? А этот... мило...— продолжал гестаповец и что-то шепнул Володе.

— Гут-гут,— подтвердил тот.

Офицер и Володя ушли. Через некоторое время Володя вернулся один и передал ей завернутый в газету кусок мыла.

— Ох, миленький! Какой же у тебя герр симпатичный,— затараторила торговка, укладывая бесценный подарок на дно ящика. Передай ему поклон. Сегодня, скажи, некогда, а приду обязательно. Такого-то человека да не уважить...

Осыпая своего благодетеля каскадом славословия, Таня не упускала из виду Володю. Она изучала его взгляд. Как будто честные, добрые глаза, такие не лгут... Гуков уверял, что это безусловно честный малый, что попал он к фашистам в переводчики по принуждению. Узнав, что пленный лейтенант хорошо владеет немецким языком, его вызвали в гестапо и предложили две должности: или стать переводчиком, или распрощаться с жизнью. Он выбрал первый вариант. Но когда он встретился с подпольщиками, обещал им всемерно во всем помогать.

Итак, вот он — кусок мыла. Тот ли это кусок, который с такой надеждой ждала наша разведка?..

5

Из ворот дома, что на базарной площади, вышла элегантно одетая женщина: шелковый макинтош, модная шляпка, в руках маленький чемоданчик. Она шла

быстро, уверенно, не оглядываясь. Да и кого ей бояться! Дочь именитого некогда помещика из Западной Белоруссии, замученного большевиками, разыскивает двоюродную сестру матери, бежавшую от бомбежек.

Милая, добрая хлопотунья тетя Настя! Она всегда вовремя достанет и необходимую одежду и принесет от Лили Костецкой надежную справку со всеми подписями и печатями. Не зря тетя Настя устроилась курьером в полицию.

...Да, надежная справка в кармане. Но когда Таня подошла к железнодорожному переезду, она увидела, что немецкий патруль всех задерживает, сажает в машину и отправляет в комендатуру для выяснения личности. Даже с охранной грамотой путешествие в комендатуру не очень-то безопасно. А вдруг кто-нибудь узнает? Уйти обратно? Но ее уже заметили. Решение созревает мгновенно. Не дожидаясь, пока ее остановят, она смело и быстро сама подходит к жандармскому офицеру:

— Герр лейтенант, разрешите узнать, как ближе пройти к майору фон Гафтену. Я плохо запомнила его адрес, а он ждет меня,— кокетливо улыбнулась она.

Упоминание имени начальника, да еще в таком фамильярном тоне, произвело на лейтенанта неотразимое впечатление.

— Уважаемая фрейлейн,— заметил он.— Я сейчас вам помогу... Только извините... служба есть служба. Позвольте взглянуть на ваш документик.

— Ради бога!— Таня вынула из сумочки бумажку.

Дочь казненного большевиками помещика... Это окончательно закрепило в гитлеровском офицере дружеское к ней расположение.

— Ганс!— подозвал он одного из солдат, стоявших неподалеку.— Проводи эту прелестную пани к господину майору.

— О, зачем же, герр лейтенант,— с притворной галантностью возразила Таня.

Ей совсем не нужны провожатые. Герр лейтенант и так слишком любезен. Она не хочет беспокоить военнослужащих рейха, занятых столь серьезным делом. Ох, как трудно установить порядок на этой неблагодарной земле! Она сама найдет дом майора.

— Что вы, что вы!— улыбнулся ей офицер.— Нам

доставит большое удовольствие услужить очаровательной фрейлейн.

И солдат отправился вместе с ней.

Это была крупная и совершенно непредвиденная неприятность. Таня всегда тщательно готовилась к любой операции, продумывала всевозможные ситуации до мельчайших подробностей. Она крепко усвоила незыблемый закон разведчиков: всегда и везде прежде всего точный расчет. Она знала также, что разведчик, как и минер, может ошибиться только один раз в жизни. В этот раз она не предусмотрела, что жандарм может вызваться сопровождать ее к майору домой. Не до конца ясно также, с чем она придет к фон Гафтену. Передаст ему привет от полоцкого коменданта — это неплохо. Ну, а потом, дальше?

Тревожные мысли одолевали Таню. Но вот и дом, где живет майор. Надо войти. Иного выхода нет.

— Благодарю вас,— кивнула она провожатому. И, словно идет в родной дом, нажала кнопку звонка.

Дверь открыл верзила двухметрового роста в форме фельдфебеля. Она видела много разных людей, но такое чудовище встретилось впервые. Прямоугольный подбородок, глубоко сидящие, немигающие, свинцового цвета глаза, руки и даже пальцы покрыты густой рыжей порослью.

— Майн готт, что я вижу?!— воскликнул он.— Сам всевышний прислал нам такую прекрасную даму. Прошу, красавица, прошу.

Таня сперва растерялась, по ее телу пробежал легкий озноб. Кто знает, что может случиться с ней в этом доме. И дело ведь не только в ней. Мыло, мыло нужно сохранить, во что бы то ни стало и доставить в надежные руки. Она быстро овладела собой и властно приказала:

— Господин фельдфебель! Мне срочно нужен майор фон Гафтен. Доложите, пожалуйста, что пани Моцанюк ждет его.

Решительный голос очаровательной незнакомки, состоявшей, как ему показалось, в интимных отношениях с его всемогущим патроном, охладил разгоряченное воображение гитлеровского солдафона, и он ответил:

— К сожалению, не могу выполнить ваше прика-

зание. Майор будет не раньше, чем через час. Прошу вас подождать.

— Ждать мне некогда.— Таня деловито посмотрела на часы.— Через час буду. Ауфвидерзейн!

И, круто повернувшись, вышла из дома.

Но куда идти? Как выбраться из этой ловушки? Минут через тридцать начнется комендантский час. Тогда без специального пропуска и шага не сделаешь. Лиля далеко. Она бессильна сейчас помочь.

Задними дворами, лавируя между пристанционными постройками, Таня перебралась через железнодорожную насыпь и скрылась в лесу. Поздней ночью она благополучно пришла в деревню Сухой Бор и встретилась с Гуковым.

Занавесив окна темными шторами, при тусклом свете лучины они с замиранием сердца осматривали кусок мыла. Нигде ни шва, ни царапины. Неужели Володя подвел?

Нет-нет... Вот в углу едва заметный, словно проведенный ногтем, рубец... А ну-ка... Легкий нажим пальцем — и угол отвалился. В глубине запрятан лист тонкой папиросной бумаги. Гуков осторожно вынимает его, аккуратно разглаживает и всматривается в него воспаленными от бессонницы глазами.

Володя оказал разведчикам бесценную услугу. Стали известны имена предателей, агентов гестапо, которые спокойно расхаживали по городу, по району, делая свое черное дело.

Но вскоре они постепенно начали исчезать с лица земли.

6

Полковник приехал домой далеко за полночь. Он бросил на руки вестовому шинель и фуражку и прошел в кабинет. Военный комендант Полоцка Альфред фон Никиш был очень расстроен. Не зажигая света, он тяжело опустился в кресло; в темноте щелкнула зажигалка, осветив на секунду его отвисшую нижнюю губу, острый подбородок и вспыхнувший дымок сигареты.

— Вилли! — окликнул он после длинной паузы вестового. И когда тот вошел, приказал: — Попроси ко мне сейчас же Луизу.

— Слушаю, господин полковник.

Луиза работала экономкой у коменданта города, жила во флигеле особняка и выполняла также и другие обязанности, имевшие весьма отдаленное отношение к ее функциям домоправительницы.

Фон Никиш включил настольную лампу. Мягкий оранжевый свет разбежался по комнате и весело заиграл и на широком диване, покрытом роскошным туркменским ковром, и на горке с хрустальными графинами и бокалами, и на золоченых подсвечниках рояля. Фон Никиш сидел, сосредоточенно думая о чем-то, выколачивая пальцами на подлокотниках кресла ритм военного марша.

Стук в дверь вывел его из раздумья.

— Да-да, можно.

— Как поздно сегодня, Альфред,— сказала вошедшая женщина с густой краской на ресницах и ярко-красными губами, небрежно сбросив с плеч на стул легкое шелковое пальто.— Ну, целуй свою киску.— И подставила щеку.

— Не до поцелуев, Луиза,— отмахнулся он.— Я позвал тебя совсем не для этого, моя дорогая. В городе творится черт знает что. Эти партизаны...

— А ты их — туда, на рынок,— она прильнула к его плечу.— Разве ты не знаешь, что с ними делать, милый?

— Всех не перевешаешь,— буркнул он.— Да, черт возьми! Это тебе не Чехословакия, не Франция. Помнишь, Луиза, Париж, кабачок мадам Лесаж? Да, Луиза, завоевание Франции — легкая туристская прогулка по гладкой, ровной тропинке. А тут каждое дерево, каждый кустик таят в себе смертельную угрозу.

— Что с тобой?— взволнованно сказала Луиза и провела ладонью по его жесткому ежику на голове.

— Что со мной? Что со мной?— он вскочил с кресла и вынул из кармана несколько помятых листовок.— Смотри, читай!

— Опять какие-нибудь глупости на заборах?— Луиза лениво протянула руку к листовке.

— Совсем не глупости и совсем не на заборах. У нас. Понимаешь? В моей комендатуре.

— Ну порви, брось. Подумаешь, трагедия.

— Нет, ты решительно ничего не способна понять,— возмущался фон Никиш.— Ты понимаешь, что означает, когда партизаны пролезают со своей

дьявольской литературой ко мне в служебный кабинет?— Он расстегнул мундир и тяжело опустился на диван.— Дай мне бокал вина.

Полковник не шутил. И не допускал никаких преувеличений. В руководимом им учреждении действительно появились партизанские листовки на немецком языке. В них публиковались наиболее важные сообщения Совинформбюро и призывы к немецким солдатам понять всю безрассудность политики Гитлера.

— Я хочу, чтобы ты поняла,— неистовствовал полковник,— что мы сидим с тобой на пороховой бочке.

— Ну давай уедем отсюда,— не задумываясь, предложила Луиза.— Мне твое здоровье дороже всего. У тебя большие связи в генеральном штабе. Попроси, чтобы тебя перевели в Берлин.

— Я — солдат, Луиза,— гордо ответил полковник,— и останусь им до конца дней моих.

Если бы знал комендант, кто приносит партизанские листовки в комендатуру! Подозревая всех русских, обслуживавших его — поваров, буфетчиц, официанток, он приказал уволить их и с первым же эшелоном отправить в Германию. Была оставлена лишь уборщица Лена Павликовская. К ней привыкли, все были довольны ее чистоплотностью, аккуратностью. И какова же была ярость полковника и его приближенных, когда и после удаления всех русских из комендатуры в ней продолжали находить листовки на немецком языке!

Фашисты заподозрили Лену. Ее стали обыскивать утром, когда она приходила на работу, и вечерами, когда, закончив трудовой день, уходила домой, обшаривали карманы оставленной ею на работе спецовки, висевшей в чулане. Мало того — гестаповцы перерыли вверх дном каморку, которую она снимала у одной старушки,— никаких следов. Наконец ее повели на осмотр в гестапо. Грудастая пышноволосая дама с трубкой в зубах — фрау Ева — приказала Лене снять с себя всю одежду и обувь, распорола все швы, отодрала от туфель подошвы, стельки и, не найдя ничего, бросила ей все это в лицо, сказав:

— Одевайся, можешь идти!

И все-таки...

Все-таки партизанские листовки, напечатанные в подпольной типографии райкома партии, продолжали

появляться в комендатуре. Их приносила туда Лена.

Как ей удавалось это?

Приходя на работу, Лена надевала спецовку, брала в руки свой нехитрый «инструментарий» — веник, тряпку, ведро. Но очень часто как раз в то время, когда ей нужно было мыть полы, водопровод в комендатуре почему-то переставал действовать, и ей оставалось одно — брать воду из колонки, находившейся за углом дома, в котором помещалась комендатура. Солдаты часто потешались, когда Лена набрасывалась на водопроводчика — военнопленного Степана Юркина, обещая «причесать» его шваброй, если он не наладит как следует свое хозяйство. Пригрозив Юркину суровой расправой, Лена демонстративно звенела ведрами и, проклиная на все лады нерасторопного Степана, шла на улицу к колонке за водой. И, конечно, никому в голову не могло прийти, что Юркин добросовестно выполнял поручение самой Лены. Молчаливый, послушный водопроводчик не вызывал у гитлеровцев никаких подозрений.

Колонка и служила безмолвным свидетелем тайны Лены.

Возле колонки валялась груда камней и под одним из них, Лена знала, под каким именно, к ее приходу уже лежал непромокаемый пакетик с листовкой. В пакетике этом была для веса металлическая пластинка, и он сразу же погружался на дно ведра с водой. Приносила эти пакетики по поручению разведывательной части бригады «Неуловимых» Таня.

Моет Лена полы — ну, кто догадается заглянуть в грязную воду! А наступит удобный момент — ведь полы моются обычно, когда в комнатах никого нет,— Лена вынимает из ведра пакетик, листовку кладет в ящик письменного стола или в бумаги на нем, обертку пакетика вместе с грязной водой сливает в канализацию.

С каждым днем фон Никиш все более свирепел от своей беспомощности. Он заподозрил даже некоторых своих помощников и, видимо желая проверить, будут ли в их отсутствие появляться листовки, отправил трех офицеров комендатуры в командировку. Таня, узнав об их отъезде, сообщила об этом командованию бригады. В тот же день был дан приказ прекратить доставку пакетов с листовками.

День, два, три, неделя — ни одной листовки! Полковник был потрясен.

— Грустно, господа,— сказал он на оперативном совещании,— но я должен поведать вам страшную новость. Среди нас, господа, нашлись предатели.

— Не может быть, герр полковник!

— Недоразумение!

— Ошибка!

— Увы, господа, это печальный факт,— заключил комендант.— Ну, кто мне покажет хоть одну листовку с того дня, как выехали в командировку три наших офицера? Ну, кто?..

Сотрудники молчали.

По приказанию фон Никиша офицеры — капитан и два обер-лейтенанта — были немедленно отозваны из командировки. Через несколько дней родные этих офицеров получили извещения о том, что их сыновья, мужья и братья погибли смертью героев в боях за любимого фюрера.

А листовки вновь начали появляться в комендатуре...

7

Девушка в сарафане с лукошком бродила по лесу и собирала грибы. Прохладный ветерок шаловливо играл ее распущенными волосами, схваченными на затылке розовой лентой. Пели птицы. Легко дышалось в этот ясный июльский день сорок второго года.

Вдруг все вокруг наполнилось гулом. С недалекого немецкого аэродрома поднялся в воздух Ю-52 и вскоре исчез в голубой дали. Девушка пристально всматривалась в удалявшийся самолет. Не так-то просто установить, с какой стороны лучше подойти к аэродрому, чтобы из засады поражать вражеские машины при взлете или приземлении. После того как снайперам «Неуловимых» удалось сбить несколько фашистских стервятников, последовал приказ по немецким военно-воздушным силам, запрещающий летать над партизанскими районами ниже пятисот метров. И боевая группа Павла Гукова, которой поручено было наносить как можно более чувствительные удары по гитлеровской авиации, возвращалась с заданий, что называется, с пустыми руками. Летая на недосягаемой для

ружейно-пулеметного огня высоте, фашистские самолеты благополучно возвращались на свои базы.

Вот тогда-то и появилась на опушке леса вблизи аэродрома девушка в сарафане, собирающая грибы.

Таня успешно выполнила задание. Она установила, что если подобраться к аэродрому со стороны березовой рощицы, то можно будет перехватить стервятника в момент взлета или посадки.

На обратном пути невесть откуда вынырнул немецкий патруль.

— Ти что ест здесь? — спросил унтер-офицер на ломаном русском языке.

— Грибы собираю, — ответила Таня, вскинув на фашиста свои прозрачные, лучистые глаза. — Вот! — И показала лукошко, на дне которого лежало несколько маслят.

— Документ! — громко приказал патрульный.

Таня с готовностью достала из-за пазухи завернутую в чистую тряпочку бумажку.

— Битте шён, родненький.

Унтер развернул удостоверение за подписями и печатями. Вот оно что! Эта девушка с грибами выполняет особое поручение полоцкой политической полиции.

— О, то ест карош, — понимающе кивнул унтер, возвращая Тане бумажку. — Можно идет, можно...

Заметая следы, Таня ушла в глубь леса и, петляя по нехоженым тропкам, выбралась к своим, в партизанский отряд.

Наблюдения Василька, ее расчеты оказались верными. Обосновавшейся в березовой роще группе Гукова часто удавалось точными автоматными очередями сбивать при взлете или приземлении немецкие самолеты. Один из них, загоревшись, пытался совершить посадку на аэродроме. Но рулевое управление, видимо, было повреждено, и он камнем упал в расположении отрядов «Неуловимых».

Этот Ю-52 оказался штабным самолетом. Партизанам достались ценнейшие трофеи: 23 карты, много других секретных сведений. Эти документы давали ясное представление об оперативной обстановке и расположении немецких войск на большом участке фронта.

Командование бригады приняло решение тотчас же переправить все захваченные карты и документы в Москву, в Центр.

Весть о том, что сбит штабной самолет, вызвала смятение в лагере фашистов. Чтобы «успокоить» гитлеровцев, командование партизанской бригады послало в Москву телеграмму примерно такого содержания: самолет сбит, вспыхнул в воздухе, сгорел. Ничего, кроме двух обгорелых трупов немецких летчиков, не найдено. Кроме того, Василек, да и другие разведчики ходили из деревни в деревню и по поручению бригады «Неуловимых» распространяли среди населения слухи о том, что партизаны просчитались.

— Говорят, слышь, на сбитом самолете цельную пачку важных секретных документов огребли?— допытывались любопытствующие старики и бабы.

— Какие там секреты,— отмахивалась Таня.— Одни черепки да два железных креста. Все сгорело.

Радиограмма, как и предполагалось, перехваченная гитлеровцами, и содержание деревенских разговоров, сообщенное им их местными соглядатаями, успокоили немецкое командование: штабные секреты не достались большевикам. Поэтому никаких изменений в расположении немецких войск и в планах намечаемых операций не было сделано.

Документы гитлеровцев хорошо послужили советскому командованию. На Белорусском фронте была предпринята важная операция, позволившая разгромить крупную группировку врага.

8

Уже в который раз Василек возвращается из Полоцка в деревню Сухой Бор, где находится резиденция разведывательной службы отряда, чтобы передать ценные сведения, добытые в городе. Лиля Костецкая отлично работает: в «почтовом ящике» — щели полуразрушенного дома — Таня нашла план карательных экспедиций против партизан, намеченных военным комендантом Полоцка на ближайшее время. Капитан Миллер сумел и на этот раз помочь подпольщикам. Спасибо и тете Насте — нашла кусок мыла. Чудесная маскировка! С легкой руки Володи Таня наловчилась так искусно прятать в мыло секретные донесения, что даже самый наметанный глаз не мог бы ничего заметить.

Почти у цели. Таня благополучно миновала все жандармские посты. Вот-вот встретят уже партизанские заставы. Осталось буквально несколько сот метров. И вдруг...

Из-за поворота показались немецкие каски. «Засада!— мелькнуло в голове.— Куда же теперь?» Сразу свернула в кусты, на боковую тропинку, ведущую в деревню Гендики, но было уже поздно — ее заметили.

— Стой!— закричали немцы, и два солдата побежали к ней.

Вскоре подошел и офицер СС.

Документы были в исправности. Ей разрешался беспрепятственный проход до деревни Гендики, где расположен полицейский гарнизон.

— Пошему шел тропка, не дорога?— строго спросил гитлеровец.

— По дороге опасно,— не растерялась Таня.— Эти проклятущие партизаны по дороге мины разбрасывают, вот и...

— Что тебе Гендика?— продолжал офицер.

— У меня там дядя в полиции работает,— похвастала Василек.— У него и живу.

Она сказала правду. Ее дядя действительно служил полицаем, поступив на эту должность по заданию партизанской разведки.

Заметив, что немец бросил испытующий взгляд на узелок, Таня решительно развернула его и показала лежавший в нем кусок мыла и связку баранок.

— Тетке подарок. Едва достала. Выменяла на блузку. С мылом, сами знаете, как теперь плохо...

— О, мило, да,— согласился гестаповец.

Но все-таки эта разговорчивая дивчина вызвала у него желание проверить достоверность ее объяснений, и, приказав своему помощнику командовать заставой, он вместе с несколькими солдатами решил проводить Таню в Гендики, домой.

Когда они вошли в село, Танино сердце вдруг перестало биться от охватившего ее ужаса. У дяди она была всего два раза и забыла, как выглядит дом, в котором он живет. Малейшее замешательство — и всему конец. Но в момент предельного отчаяния перед ее мысленным взором возникли покосившиеся ворота, торчавший на плетне уже не первый год глиняный кувшин, и, подойдя к избе, она весело закричала:

— Здравствуйте, дядя Гриша, здравствуйте, тетя Прасковья, встречайте дорогих гостей.

Вышедший из дома плотный усатый мужчина в полицейском мундире расцеловал племянницу и учтиво пригласил гостей в хату:

— Милости просим, хайль Гитлер,— заученным тоном сказал он.— Хорошим людям всегда рады.

— Вот, дядечка, какие любезные кавалеры встретились на дороге. Сами вызвались проводить, чтобы не попала в лапы партизан.

— Благодарствую,— поклонился офицеру дядя Гриша.— Прасковья!— распорядился он.— Накрывай стол. Усаживайтесь, дорогие. Не грех по такому случаю лишнюю чарку за фюрера раздавить.

— То есть карош!— ухмыльнулся офицер, глядя как хозяйка тащит на стол бутыль самогона, кусок сала, вареные яйца...

Однако изрядно выпив, гестаповец все же помнил, что необходимо проверить, действительно ли эта девушка — племянница полицая и проживает постоянно в этом селе.

— Где ест начальник, дядя?— допытывался он.

— Сей минут, господин хороший!— ответил хозяин, выпил еще чарку и вскоре возвратился со старшим полицаем.

— Здравия желаю, господа офицеры!— торжественно отрапортовал тот, вытянувшись в струнку.— Чем могу служить?

— Этот девушка живет тут, дядя?— спросил офицер.

— Так точно, от рождения!— взял под козырек старший полицай, уже предупрежденный Таниным дядей, который пообещал ему чем-нибудь удружить.— Родная племянница, господин офицер. Вся деревня знает эту девчонку.

— То есть карош!

Офицер был вполне удовлетворен. Выпив еще чарку самогона на дорогу, он покинул гостеприимный дом дяди Гриши, предупредив его на прощанье, чтобы он больше не пускал свою племянницу в дальние путешествия.

— Такой девушка может попасть партизан. И капут, понимаешь?

На рассвете Таня отправилась в лес к своим. Ее до-

несение о планах карателей сыграло важную роль в судьбе бригады. Отряды «Неуловимых» быстро передислоцировались, и расчеты фашистов застать их врасплох потерпели полный провал.

9

Столько изведать и пережить, сколько довелось Тане Мариненко, славному Васильку, не всегда выпадет на долю разведчика, даже куда более опытного, с многолетним стажем. Благодаря ее смелости, энергии, находчивости было уничтожено немало гитлеровских головорезов, бежало из лагерей много военнопленных. Благодаря ее стараниям, бесстрашию и мужеству в логово фашистского зверя проникали листовки, партизаны узнавали важные секретные замыслы карателей и срывали их.

Но Таню подстерегала беда.

Отряду предстоял бой с немцами. Таня просила разрешить ей принять участие в нем. Командир отряда не захотел рисковать жизнью разведчицы и предложил ей отправиться домой в деревню Зеленки, к родным, немного отдохнуть.

И вот тут-то...

— Доброго здоровья!— приветствовал ее сидевший на завалинке сосед Марк Вечерский, закручивая цигарку.— Давненько не виделись, Татьяна Савельевна. Где пропадаете?

— Все дела, Марк Гаврилович, кормиться чем-нибудь надо — вот и торгую помаленьку, чем бог послал,— ответила она.— А вы как живете-можете?

— Вашими молитвами, Татьяна Савельевна,— настороженным взглядом окинул ее Вечерский.

Тане и в голову не пришло, что этот степенный человек, которого она знала с детства, продался палачам своего народа и выдает карателям партизан. Но все же какое-то тревожное предчувствие овладело ею. Она решила той же ночью уйти из села. Но едва собралась выйти из дому, как раздался резкий стук в дверь.

— Открывай!— кричали гитлеровцы.—Скоро открывай!..

Большой отряд карателей прибыл в эту ночь в деревню. Они ходили из хаты в хату в поисках партизан.

У карателей были адреса, фамилии, приметы лю-

дей, которых указала им агентура гестапо. Двадцать девять человек было арестовано в ту трагическую ночь. Взяли и Таню и ее четырнадцатилетнего брата Лаврентия — этот мальчик был связан со своим старшим братом Калистратом, начальником разведки одного из партизанских отрядов «Неуловимых».

Рано утром колонну арестованных повели на расправу в деревню Большие Жарцы. Позади брела жена партизана-подрывника Горовцова с трехмесячным ребенком. Перепуганная до смерти женщина крепко прижимала к груди младенца, закрывала руками его тельце, когда конвоир хлестал ее плеткой, чтобы она не отставала, не задерживала движение.

— Что ты там возишься с этой тварью?— услышала Таня окрик начальника конвоя.— Подбрось щенка овчаркам. Отличный завтрак! А наши четвероногие друзья со вчерашнего дня ничего не ели.

Замыкающий колонну гестаповец вырвал ребенка из рук матери и швырнул его собакам, следовавшим за ним по пятам. Все арестованные онемели от ужаса, когда овчарки растерзали младенца под громкий хохот конвоиров.

В Больших Жарцах почти всех арестованных сразу же расстреляли. Только Таню и ее брата поместили в разных хатах и приставили к ним охрану.

Таня очутилась в доме одной вдовы. Фашисты уже узнали, кто так дерзко орудовал под самым их носом, и приготовились вести серьезную «игру» с выдающейся советской разведчицей.

В первые дни ее никто не беспокоил. Она была потрясена корректным отношением часовых, обильной пищей, которой, по приказу гестапо, ее потчевала добродушная хозяйка.

Но вот к ней явился офицер СС в чине оберштурмбанфюрера. Это был рослый детина с холодными оловянными глазами и словно навечно впаянной улыбкой на толстых мясистых губах. Он вежливо попросил хозяйку удалиться и, усевшись за стол, положил на него изящный кожаный чемоданчик и пригласил Таню присесть поближе.

— У нас будет ест, как-то говорится, интимный разговор,— сказал он.

— Спасибо, я и постою,— ответила она, продолжая стоять у печки со скрещенными на груди руками.

— О, фрейлейн ест ошень упрямый,— оберштурмбанфюрер недовольно сморщил брови.— У меня имеется карошний предложений такой прекрасной медхен,— добавил он.

— Напрасно стараетесь!— Она подняла на фашиста наполненные неистребимой ненавистью глаза.

— Почему такой строгий девушка?— спокойно продолжал офицер.— Я желай добра... Требуется ошен мало. Где есть партизан, сколько, кто помогайт...

— Ничего не знаю, ничего не скажу,— ответила Таня на все вопросы.

— О, то есть не карашо,— гестаповец сохранял хладнокровие, улыбка не сползала с его лица.— Такой фрейлейн надо красиво жить... Можно двадцать, тридцать, сто тысяч марок, железный крест.

Таня задрожала от гнева и с таким презрением посмотрела в глаза гитлеровцу, что тот, не выдержав ее взгляда, на какое-то мгновение опустил голову. А когда поднял ее, то, проведя ладонью по гладко выбритому холеному подбородку, спросил:

— Ну как?.. Сто тысяч — есть громадный деньга...

Таня со всей силой плюнула ему в глаза.

— Вы хотите меня купить? Я не торгую Родиной,— крикнула она, сжав над головой кулаки, и, обессилев, опустилась на стул.

Гестаповец побагровел, вздрогнул, молча вынул из кармана носовой платок, вытер лицо, молча раскрыл чемоданчик и начал выкладывать из него на стол различные мелкие инструменты. Делал он это с таким невозмутимым спокойствием, словно собирался стричь ногти.

— Может, этот игрушка заставит вас говорил?.. Подумайте. Ест время... до завтра... Ауфвидерзейн.

Затем он собрал свои «игрушки», аккуратно уложил их в чемоданчик и ушел.

На другой день оберштурмбанфюрер пришел с двумя ассистентами. Допрос начался снова. Убедившись, что никакими соблазнительными обещаниями не сломить волю советской патриотки, палачи подвергли ее неслыханным пыткам. Ей выломали все пальцы рук, били до потери сознания, отливали водой и снова били. Только два слова слетали с ее посиневших губ:

— Будьте прокляты!

Трое суток издевались фашистские изверги над мужественной и гордой девушкой. Ее топтали ногами. Ей вырезали груди, отрезали уши. Но Василек была непоколебима. Она не проронила ни единого слова. Только стоны и проклятия слышали палачи, обрушившие на Таню все ужасы, которые могут только придумать взбесившиеся истязатели. Наконец, ей выкололи глаза...

Ночью истерзанная палачами девушка, чувствуя неизбежную гибель, сумела собрать последние силы и сказала хозяйке:

— Оторвите подол моей рубахи и пишите... Кровью моей пишите...

— Что ты, дочка...

— Рвите и пишите,— едва прошептала Таня.

Женщина выполнила ее последнюю просьбу. На одном куске материи она под диктовку Тани записала имя предателя и фамилии нескольких подпольщиков, которым угрожала опасность; на другом — наказ старшему брату Калистрату:

«Бей гадов до победного конца».

Еще день нечеловеческих мук и страданий — и Таню вместе с четырнадцатилетним братом Лаврентием расстреляли.

Когда каратели сожгли Большие Жарцы и ушли, партизаны с большими почестями похоронили Таню и ее младшего брата на высоком холме.

У могилы Тани Мариненко и сегодня в день ее гибели собираются боевые соратники и все, кто знал незабвенного Василька. Никогда не зарастет тропа к этому вечно живому памятнику невиданного мужества и бессмертной красоты человеческого духа.

Ленинский комсомол золотыми буквами вписал имя Тани в летопись своей славы. А в день двадцатилетия Великой Победы над фашизмом Татьяну Савельевну Мариненко Родина увенчала посмертно Золотой Звездой Героя Советского Союза.

Такие люди, как Таня, не умирают.

Они живут и будут жить вечно.

1

Вскоре после Великой Отечественной войны, будучи в Германии, комбриг «Неуловимых» встретился с одним немцем, бывшим командиром роты, охранявшей штаб дивизии гитлеровской армии. Его звали Герман Бергманн. Это был уже пожилой человек с сеткой морщин вокруг глаз и поседевшей головой. Они разговорились.

Бергманн рассказал, как однажды во время очередной экспедиции против партизан недалеко от Полоцка, возле хутора Смолавки, он услышал под землей русскую речь и постарался не обратить на это внимания.

— Русскую речь? Под землей? Возле хутора Смолавки?— переспросил комбриг.

— А почему это вас так удивляет? — поинтересовался собеседник.

— Ну как же,— ответил комбриг.— Так мы же с вами до некоторой степени близкие знакомые.

— То есть как?

— Очень просто. Когда вы со своей дивизией были около этого хутора?

— Примерно в ноябре—декабре сорок третьего года.

— Именно в то время под землей жила группа наших тяжело раненных парти-

зан,— уточнил бывший командир «Неуловимых».— Но позвольте задать вам один вопрос.

— Пожалуйста,— охотно сказал Бергманн.

— Если вы слышали русскую речь, почему вы не доложили об этом своему начальству?

— Длинная история...

— А все-таки?

— Видите ли,— начал Бергманн,— мы встречались с партизанами не первый раз. Я знал, что они в плен не сдаются, сражаются до последнего патрона. А кому хочется рисковать жизнью? К тому же кончался сорок третий год. Перспективы на победу Гитлера сводились почти к нулю. Скажу откровенно — не хотелось мне связываться с партизанами, затаившимися под землей. И я старался сделать так, чтобы мои солдаты не очень близко подходили к этому опасному месту. Совсем не исключено, что кому-либо из них захотелось бы выслужиться. И мне же поручили бы ликвидировать этих русских. Покорно благодарю за такое поручение. Честно говоря, я очень хотел выйти живым из безнадежной затеи нашего фюрера.

Голоса под землей... Хутор Смолавка...

2

Лес... Лес без конца и края. Опушенные снегом ветви сосен и елей гнутся к земле от морозного ветра и склоняются перед идущими лесом партизанами, как бы благодаря, приветствуя их за нелегкий ратный труд в глубоком тылу врага.

Родная, любимая земля! Истерзанная захватчиками, ты еще дороже сердцу советского человека. Но сейчас ничего не поделаешь. Отряд вынужден на время оставить эти места.

Гитлеровцы предприняли большой поход против партизан. По сообщениям разведки, примерно сорок тысяч фашистов — целый экспедиционный корпус — посланы для расправы с народными мстителями. Каратели приближаются и к лагерю отряда Михаила Мышко. Надо уходить на более безопасный рубеж, за железную дорогу, в западные районы Белоруссии. Путь тяжелый. Предстоит переправа через реку. Неизбежны серьезные схватки с немецкими заставами. В такой обстановке брать с собою тяжелораненых и

больных сыпняком — значит обречь их на верную гибель. Да и как брать? Лошадей нет — везти не на чем. На носилках? Но ведь для всех больных и раненых — их шестеро — понадобится по меньшей мере двенадцать носилочных звеньев. Да и как передвигаться с такой ношей по глухим лесным тропам, по незамерзшим болотам.

А враг стремительно наступает. С каждым часом гитлеровцы подходят все ближе и ближе. Они прочесывают лес широким фронтом — солдат от солдата десять метров. Размышлять некогда. Надо уходить. И как можно скорее, чтобы вырваться из железного кольца, которое грозит полным уничтожением.

Командир отряда партизанской бригады «Неуловимых» Михаил Мышко принял решение оставить всех шестерых — тяжелораненых и одного тифозного больного — в землянке на островке среди болот в надежде, что скоро удастся вернуться. Но нельзя же предоставить самим себе беспомощных, не способных даже подниматься на ноги людей. Кого оставить вместе с ними? Кто может заменить им врача и санитарку?

— Вот какое дело, товарищи,— сказал Мышко, пригласив к себе врача Анну Савкову и медицинскую сестру Елену Семченок.— В восемнадцать ноль-ноль мы отсюда уходим.— Он посмотрел на часы.— Времени остается немного. Вы знаете, что шесть наших товарищей прикованы к постели и не могут уйти вместе с нами. Мы оставляем их в подземном госпитале до нашего возвращения. Надо им помочь.

— Я остаюсь,— сказала Савкова.

— Вы?— командир задумался.— Пожалуй, вам нельзя, Анна Алексеевна. Предстоит нелегкий путь. Встреч с врагом не миновать. Без врача в бою, сами понимаете... Поручим это Лене Семченок. Конечно, и без нее нам будет трудно, но что сделаешь! Как вы, Лена, согласны?

— Надо — я готова,— твердо и уверенно ответила Лена.

«Надо»...

Сколько раз командир слышал это слово, когда приходилось давать людям самые ответственные задания. И он не помнит случая, чтобы кто-нибудь хотя бы взглядом или жестом выразил недовольство пусть даже самым трудным и опасным поручением. Он пони-

мал, конечно, что оставаться одной девушке с шестью беспомощными людьми в подземелье, куда не сегодня-завтра могут нагрянуть фашисты,— задача сверхтрудная и смертельно опасная. Но иного выхода нет.

— Удачи, Лена!— крепко пожал он ей руку.

— До свидания, Леночка!— расцеловала ее Савкова.— Скоро увидимся.

— А может, прощайте?— взволнованно прижалась Лена к Анне Алексеевне.

— Ну, что ты, что ты!— улыбнулась та.— Конечно, до свидания, слышишь?..

3

В землянке семеро.

Ваня Салошенко — некогда весельчак, балагур, добродушный и физически сильный парень. Он был подрывником, и ему часто приходилось таскать на себе ящики со взрывчаткой. Смелый, храбрый, он не терялся в самой сложной обстановке.

Как-то отправившись с группой на задание, он должен был бесшумно снять часового у склада с боеприпасами, чтобы открыть путь минерам. Цель была близка. Осталось всего лишь несколько шагов. Но, о ужас! В тот момент, когда он приготовился к последнему броску, обнаружилась пропажа: исчез нож. За поясом пистолет, но стрелять нельзя — шум привлечет внимание охраны. Это грозит гибелью и ему и идущим вслед за ним взрывникам. Что делать? Салошенко подобрался к часовому и сильным ударом своего могучего кулака сразил его наповал. Путь к складу был открыт, и через час он взлетел на воздух.

Ване Салошенко всегда сопутствовала удача. Но однажды этот всеобщий любимец не вернулся с боевого задания. Диверсионной группе, в которой был Салошенко, пришлось выдержать неравный бой с отрядом карателей, и партизаны понесли значительные потери. Считался убитым и Салошенко. Каковы же были и радость и удивление его товарищей, когда через восемь дней Ваню доставили в лагерь на носилках крестьяне соседней деревни.

Оказалось, что в бою его ранило в ногу. Он заполз в кусты и потерял сознание. Отступавшие под нати-

ском гитлеровцев товарищи не могли его найти. Когда он открыл глаза и посмотрел вокруг, никого поблизости не было. Целую неделю скитался он по лесу, передвигаясь ползком, питался кореньями и листьями.

Случайно местные жители заметили его в лесу и доставили в отряд.

Салошенко был в очень тяжелом состоянии. Рана загноилась. Выход один — ампутировать ногу. Но как? чем? Ведь в отряде не было даже минимальных условий для такой сложной операции. Обычно тяжелораненых отправляли самолетами на Большую землю, а тут... Надежд на самолет в ближайшее время не было. Как же спасти человека?

Врач Савкова была в отчаянии.

— Что будем делать, Леночка? Где взять нам хирургическую ножовку?

В этот день приехал в отряд врач соседней Дриссенской партизанской бригады Цемохов. Крупный широкоплечий осетин славился легкой рукой, смелостью и мастерством.

— Спокойно, дорогие, не волнуйтесь,— сказал он, ознакомившись с ситуацией.— Сейчас мы что-нибудь придумаем. Хирургической ножовки нет... так,— вслух размышлял он. — Ну, а, скажем, слесарную ножовку найти можно?

— Сейчас побегу, узнаю,— оживилась Лена Семченок и поспешила к хозяйственной землянке.

Через несколько минут, запыхавшись, она возвратилась.

— Вот все, что я могла достать,— виновато сказала Лена, протянув Цемохову обычную слесарную, очень заржавленную ножовку.

— М-да,— пробурчал врач, покачав головой.— Инструмент, прямо скажем, не ахти. Ну, что ж делать. Приведите эту машину в порядок.

Лена долго очищала ржавчину песком, скребла, терла этот мало пригодный для хирургической надобности инструмент, несколько раз прокипятила его.

— Начнем, пожалуй,— сказал Цемохов, убедившись в стерильности ножовки.

Нужны были нечеловеческие силы, чтобы вытерпеть такую адскую боль во время операции. Но Ваня выдержал. Чтобы не кричать, он до крови искусал

себе губы, и единственное, о чем он просил,— это скорее закончить экзекуцию.

А Саша Черный? Это был такой же взрывник, диверсант, как и Салошенко. Как и тот, он был одним из лучших стрелков в отряде. Он тоже был ранен в ногу. Но рана оказалась не такой опасной. Была надежда избежать ампутации, но пока что Саша лежал пластом, и малейшее движение доставляло ему нестерпимые страдания.

Третий — Игорь Широков — был переводчиком в отряде. До войны он преподавал в школе немецкий язык. Его свалил тиф. Он бредил, звал жену, детей, своих учеников, задавал им вопросы, как на уроке, и настойчиво громким голосом методично исправлял у воображаемых учеников произношение и грамматические ошибки. Милый Игорь Алексеевич! И в этом состоянии он был спокоен, как всегда, только вел бесконечные, часто бессвязные разговоры со своими близкими, закрыв воспаленные от высокой температуры глаза.

И двое новеньких — Алексей Сидорин и Василий Ерохин. Фашистские пули сразили их в первом же бою, и тяжелые раны не позволили им отступить вместе с отрядом.

И, наконец, Леонид Скворцов, Леня — сибиряк, как его называли в отряде. Это была единственная надежда Елены. Он способен был хоть как-то двигаться, и в случае крайней необходимости можно было рассчитывать на его помощь в предстоящей нелегкой жизни. Ему вручили автомат с диском патронов и одну гранату. На всякий случай...

— Смотри, Скворцов, — напутствовал командир отряда, прощаясь с обитателями подземного госпиталя.— Зря боеприпасы не расходовать. Только по точной цели, понятно?

— Ясно, товарищ командир.

4

Итак — семеро в тайнике.

Несколько буханок хлеба, бидон вареного без соли мяса, несколько килограммов внутреннего свиного сала, канистра воды, нож, опасная бритва, склянка с йодом, пачка бинтов и ваты — вот и все медицинские

и хозяйственные запасы. Надолго ли хватит всего этого? Отряд обещает вернуться недели через две. Пожалуй, хватит. Но кто знает — удастся ли сдержать свое слово? Ведь идет война. Самая жестокая. На жизнь и смерть.

— Ну, ребята, давайте располагаться поудобнее,— бодро сказала Лена, когда вход в землянку был закрыт и лишь слабый огонек коптилки из бараньего жира освещал это подземное пристанище.

Раненые с трудом, вплотную друг к другу разместились на нарах. Ну, а куда девать больного сыпняком? Ведь его надо хоть как-то изолировать. Не хватало еще, чтобы заразились тифом остальные. Тогда и вовсе беда.

И Лена «изолировала». Она уложила его на матрасе в узком проходе между дверью и нарами. Дверь — это, конечно, условное понятие. Никакой двери, разумеется, не было. С внешним миром землянку связывало нечто вроде щели, лаза.

— Ну, вот и порядок, — сказала Лена, заканчивая устройство своих подопечных. — Все будет хорошо,— продолжала хлопотать она. — Хлеб мы положим вот сюда, — она сунула мешок под нары.— Ну, а это...— Бидон с мясом и канистру с водой Лена поставила рядом с больным сыпняком — больше места не было.— А теперь жировичок потушим, — добавила она. — Он нам ни к чему. Свет беречь надо. Спите, родные, отдыхайте.

Но какой там отдых! Боль в ранах не давала покоя.

В первую же ночь Лена осторожно выбралась наружу, чтобы заняться маскировкой тайника. Слабый свет луны едва пробивался сквозь перистые, быстро несущиеся облака, бледные блики ее пробегали по ветвям елей и сосен, обступивших убежище семерых. Лена срезала несколько десятков веток и «посадила» их вокруг землянки. «Так лучше, — подумала она.— Если придут фашисты, они, может, и не заметят тайника, затерявшегося среди деревьев.

Ей и ее товарищам повезло. Рано утром выпало много снега и землянка стала похожа на сугроб. Вход изнутри Лена завесила ватным одеялом — все-таки теплее: ведь топить нельзя — дымок может привлечь внимание гитлеровцев, рыскающих по округе.

Семеро под землей в темном склепе, засыпанном глубоким снегом. Выход запрещен. Да если бы и нет... Кроме Лены, никто не был способен своими силами выбраться на свежий воздух.

Саша Черный метался в горячке, гнойные нарывы на простреленном колене жгли до потери сознания.

— Пить, пить! — стонал он.

И в непроницаемой темноте, нащупав канистру с водой, Лена наливала немного драгоценной влаги и подносила фляжку к воспаленному рту, чтобы хоть на время остудить раскаленные от жара губы.

В редкие минуты отдыха, когда измученные люди забывались в дреме, Лена и сама пристраивалась на краешке нар, закутывалась в свой полушубок и пыталась уснуть. Но нервы ее были так напряжены, что сон подчас подолгу не приходил. И тогда прошлое проплывало перед ней.

5

Дни безмятежной юности. Она, деревенская девчонка из села Слобода Ветринского района, учится в Полоцком медицинском училище. Как ей нравился этот древний город, весь утонувший в зелени садов и парков. Какой прекрасной казалась ей жизнь. Но едва минуло девятнадцать, наступил июнь сорок первого года. Фашистские самолеты над Полоцком. Бомбы рвутся на улицах, круша старинные стены, дым пожарищ затмил солнце.

Бежать, скорее бежать из этого ада!

Но недалеко удалось уйти. Вместе с отцом и матерью она добралась только до деревни Жихари, что в двенадцати километрах от Полоцка. Беженцев обогнали наступавшие немцы. Дальше пути не было.

Лена видела, как горластая солдатня ворвалась на мотоциклах в деревню и под угрозой расстрела на месте стала требовать от перепуганных насмерть крестьян кур, мясо, сало, яйца. Назад, в Полоцк! Все-таки родной дом... Впрочем, какой он теперь родной, если в нем хозяйничают фашисты?

...Низко опустив головы, с котомками за плечами, плетутся по пыльной дороге обездоленные люди, которым не удалось уйти от врага. Их нагоняет колонна военнопленных. Раненые, больные, усталые — они

едва передвигают ноги, понукаемые прикладами конвоиров. Вдруг выстрел, другой, третий. Что это? Неужели?.. Да, сомнений нет, палачи расстреливают пленных, обессилевших в пути и потерявших способность шагать в строю дальше.

Но вот и Полоцк. Что враги сделали с городом! Почти сплошные развалины. Груды битого стекла, щебня, кирпича. Дым, гарь, огонь пожарищ... И какой ужас! Несколько дней висит на столбе в самом центре города известный многим в Полоцке политработник Дома Красной Армии Клепиков.

Изверги, звери!

В душе Лены вскипает пламя смертельной ненависти к врагу.

А что же потом?.. Потом?.. Ах, да, ножницы... Никогда в жизни никому не лгала. А тут... И кому? Родной матери сказала неправду... Но бывает же и святая неправда...

— Сестричка, не могу,— прозвенел в темноте вырвавшийся из груди тяжкий стон. — Ой, помру, сестричка.

Это голос Саши Черного. Это он все время кричит, что умирает.

Лена мгновенно стряхивает с себя дремоту. Ей хочется подбодрить Сашу, и она шуткой старается как-то успокоить его, да и в себе самой заглушить чувство страха, который, как она ни храбрится, все же очень трудно преодолеть.

— Так уж и помрешь? — говорит она.— Ну, зачем ты постоянно говоришь глупости? Я еще на свадьбе твоей погуляю, чудак ты этакий. Ну, что там у тебя, что?

— Сил моих нету, нога горит, окаянная.

— Сейчас мы с тобой все сделаем. А смерти не жди, не придет, ей и без тебя дела хватит.

Она зажгла коптилку, поднесла ее к раненой ноге и увидела там громадный нарыв. Если его сейчас же не вскрыть, гангрена неминуема.

— Ну, и пустяки, ничего особенного, — сказала она, отлично понимая всю сложность положения.

Лена взяла бритву — единственный острорежущий инструмент, которым она располагала, — и приготовилась к операции. Эта бритва была верным помощником в ее медицинской практике в подземном госпитале,

— Давай, Саша, только чуточку терпения.

Стиснув зубы, Саша слабо стонал, когда при жалком свете коптилки Лена вскрывала нарыв. Операция закончилась удачно.

...Идут дни, ночи. Вернее, сплошные ночи. Трудно вести счет суткам в землянке, погруженной во тьму. Вначале Лена пыталась по часам определять время, вырезала ножом на стене канавки, когда один день сменялся другим. Три, пять, десять канавок... Но вот земля осыпалась, и этот своеобразный календарь был уничтожен. Вскоре испортились и часы, и вся жизнь превратилась в одну сплошную ночь, длинную, бесконечную... Тусклый огонек освещал тайник только в те минуты, когда нужно было снять пропитанные кровью и гноем старые бинты и наложить свежую повязку.

Идет время — неведомое, незнаемое. Кажется, прошли уже годы. Ну где же свои? Почему не возвращаются? Ведь они обещали вернуться через две недели. Неужели не прошло еще и двух недель? Нет, не слышно снаружи, над землянкой родных голосов. Мертвая тишина. Лишь стоны обитателей тайника непрерывно и скорбно звучат в ушах Лены и напоминают о том, что вокруг еще теплится жизнь. В ее представлении весь мир состоит теперь из одних только стонов, мук и страданий, и никто не в силах ничего изменить.

6

Ножницы...

Мать, конечно, не поверила, что они могли просто так исчезнуть. Но Лена боялась открыть ей свою тайну. А вдруг мама проговорится кому-нибудь из соседей, мало ли что! Тогда конец...

А как все это было?

Неподалеку от ее дома по улице Янки Купалы оккупанты построили лагерь для военнопленных. Собственно, никакого лагеря по сути не было. Огороженный колючей проволокой пустырь, на котором под открытым небом влачили свою мученическую жизнь сотни советских воинов, попавших в лапы фашистов. Лена часто слышала крики избиваемых людей. Она видела, как гитлеровцы заставляли пленных впрягаться в телеги с громадными бочками и конвоиры с плет-

ками гоняли их со свистом и смехом к водопроводным колонкам за водой.

Ну как помочь обреченным на муки вырваться из фашистского ада?

Одна сторона лагеря прилегала к густому кустарнику, и, соблюдая осторожность, можно было подойти к ограде вплотную, не очень-то рискуя попасть на глаза патрульным, сидевшим на вышках с автоматами в руках. Иногда Лене удавалось перебросить за колючую проволоку то кусок хлеба, то несколько вареных картошек.

Однажды в ответ прилетела записка:

«Не надо хлеба, лучше ножницы. Спасите!..»

И вот тогда-то она впервые в жизни солгала матери, сказав, что она совсем не видела ножниц и не знает, куда они девались.

Потом еще записка:

«Просим приготовить хоть какую-нибудь гражданскую одежду для восьмерых».

Она обошла всех своих добрых и верных друзей. Кто дал брюки, кто рубашку, раздобыла куртки, пиджаки, старые ботинки.

Памятное 8 августа сорок второго года. Никогда не забыть этот день. Восемь измученных голодом и побоями людей, перерезав проволоку ограды принесенными Леной ножницами, выбрались из лагеря, переоделись в сарае. Темной ночью она незаметно проводила их к речке Полоте, впадающей в Западную Двину. Тихий всплеск весел, лодка с восьмерыми спасенными ушла... Вырвавшиеся на волю воины перебрались на другой берег и ушли в лес к партизанам.

Это было первое боевое крещение Лены.

Первое ли?..

Ну, а мост?..

Ведь это было еще раньше, в марте сорок второго года.

Мост через Западную Двину был построен до войны. Он состоял из двух больших пролетов. При отступлении советские войска взорвали один пролет. Захватив Полоцк, немцы восстановили мост, но поставили вместо железной фермы деревянную. Лена вместе со своей подругой Галиной Боровицкой задумали снова вывести из строя этот мост, имевший большое страте-

гическое значение. Как это сделать — девушки не знали, но наконец решение было найдено.

Галя жила в доме по 6-му переулку имени Фрунзе, почти рядом с нефтебазой, где работали пленные красноармейцы. Некоторые из них — Толкачев, Удалов, Черносенко — своим примерным поведением сумели войти в доверие к охране, и поэтому им разрешали иногда выходить за пределы нефтебазы. Боровицкая познакомилась с ними и убедилась, что это надежные люди и на них можно положиться. Галя знала еще троих военнопленных из госпиталя, которые также имели возможность свободно выходить в город.

И вот однажды в подвале разрушенного дома собрались шесть мужчин и две девушки. Идея разрушить мост всем пришлась по душе. Но не так-то просто было ее осуществить. Опоры фермы и быки состояли из бревен, соединенных между собой стальными болтами.

— Я вот что предлагаю, товарищи, — сказал Удалов, бывший мостостроитель. — Если бы удалось ослабить болты, скрепляющие основные узлы фермы, то при первом же давлении льда во время навигации опора не выдержит и рухнет.

Этот план понравился всей группе, решили действовать. Мост охраняется? Да, но не очень старательно. Очень хорошо, значит, подойти к нему удобно. Инструмент для отвинчивания болтов предполагалось раздобыть на нефтебазе. Прикинули, что в один день всю работу не сделать — понадобится, вероятно, целая неделя. Но время есть, торопиться некуда: еще только конец марта, река вскроется примерно десятого апреля. Движение по мосту не очень большое, поэтому охрана едва ли что заметит.

Несколько дней работы — и стяжные болты были ослаблены.

Весеннее солнце припекает все сильнее и сильнее. Скоро пойдет лед. Оправдаются ли надежды?

И вот наступил долгожданный день. Лед тронулся. С огромным волнением девушки наблюдали за паводком. С шумом и треском, наползая друг на друга, с верховьев реки двинулись ледяные глыбы. Опоры скрипят, шатаются под напором льдин, но еще держатся, не сдаются. Неужели напрасны все усилия?

— Смотри, смотри, Галя! — торжествующе вос-

кликнула Лена, заметив приближающиеся к мосту две громадные льдины.

Всей своей многотонной тяжестью льдины навалились на опору. Она дрогнула. Вслед за нею дрогнула другая. Вперемешку с льдинами бревна поплыли вниз по течению.

Осенью сорок второго Лена была уже в одном из отрядов партизанской бригады «Неуловимых».

За год на долю медицинской сестры Семченок выпало немало испытаний, закаливших ее дух и волю. Она не только была верным помощником врача Анны Алексеевны Савковой во всех ее многотрудных делах, но и выполняла много других различных поручений. Она ходила в разведку, вместе с другими партизанами взрывала мосты, железные дороги, пускала под откос вражеские поезда с войсками и вооружением.

В июле сорок третьего года она проникла в Полоцк, через подругу-подпольщицу Галю Шостак познакомилась с несколькими военнопленными, выполнявшими подсобные работы на нефтяной базе гитлеровцев, и на другой день база взлетела на воздух. В то время, когда над городом висело зарево пожара, скромная медсестра Лена Семченок докладывала командиру отряда о выполнении задания и представила ему пятерку новых добровольцев.

7

Да, все это было, было...

Какой легкой, свободной, счастливой казалась теперь та полная тревог и опасностей жизнь в сравнении с тем, что приходится переживать здесь, в темном подземелье.

Вот уже и продукты на исходе. Совсем кончается вода — Лена выдает ее теперь по две-три столовые ложки в сутки. Но самое, быть может, страшное — это нехватка воздуха. Поначалу Лена умудрялась просверливать в крыше небольшие отверстия, и свежий воздух проникал в землянку, спасая от удушья ее обитателей. Но потом Лена перестала это делать, опасаясь немцев. В спертом, холодном, душном воздухе, густо насыщенном к тому же гнойными испарениями, как будто уж не осталось кислорода. Но люди все-таки живут.

— Сестричка... воды... кислого, — просит больной сыпняком Широков.

— Ну, где я вам возьму кислого, Игорь Алексеевич! — взмолилась Лена. — И воды почти нет, а вы — кислого.

— А ты ему морсу дай малинового, — шутит Иван Салошенко. Культя его заживает, и он пытается даже острить, чтобы скрасить как-то унылую, тяжкую участь и свою, и товарищей.

В горестные минуты отчаяния Лене казалось, что иссякают уже последние силы, последние мгновения жизни. Еще час-два-три — и все кончится.

И вдруг...

Могильную тишину нарушили какие-то голоса. «Свои!»

У Лены остановилось сердце.

«Сейчас же побегу встречать!»

Она рванулась к выходу, но остановилась:

«А вдруг немцы? Надо раньше выяснить, увидеть»...

Она металась от стены к стене, вскакивала на нары, стараясь прильнуть ухом к потолку. Ничего не слышно. Ни одного слова. Только шум, смех, топот ног. Бесконечный топот.

«Кто же это, кто? Выйти посмотреть, может быть все-таки свои?»

И в тот момент, когда она уже схватила лопату и приготовилась выползти из землянки, ей явно послышался гортанный немецкий говор. Лопата выпала из рук, и она в изнеможении опустилась на край нары.

— Сестренка, кто? — шепотом спросил Саша Черный.

— Подожди, не знаю... кажется, они, — с трудом проговорила Лена. И тут же попыталась успокоить: — Ничего, Саша. Видно, наши их гонят, вот они и бегут... Скоро придут наши, придут непременно.

Но немцы прошли, а свои не идут.

Прошли немцы, но, должно быть, остановились неподалеку, их голоса не утихают.

Лена не знала тогда, что на территории лагеря расположилась целая дивизия карателей и в уцелевшей баньке неподалеку от землянки разместился штаб дивизии.

Идет время, плывет бесконечная темная ночь. Сколько же их минуло — этих дней и ночей?

Вот уже съедены все продукты, до последней корочки. Наступает голод — мучительный и страшный.

В голове Лены роятся мысли:

«А что, если немцы откроют тайник? Что тогда? Тогда... Есть автомат, диск с патронами. Ненадолго хватит, но все же... Ну, а дальше, потом? Есть еще граната. Впрочем, гранату надо приберечь для себя и товарищей. На крайний случай... Чтобы не попасть живыми в руки врагов».

Нет-нет... Жизнь все-таки удивительная штука. Надежда все же не покидает предельно уставших, измученных, голодных людей. Но силы покидают. Когда сердца, казалось, отбивали свои последние удары, вокруг землянки умолкли немецкие голоса. Неужели ушли? А выходить все-таки страшно. Но надо, надо. Иначе все равно смерть. От голода, от жажды. Так уж лучше...

...Снежный сугроб зашевелился, задышал. Из него, разгребая ветки, появилась голова девушки. Рядом с ней вынырнула мужская голова, обросшая густой бородой. Это был Леня-сибиряк, громадным усилием воли заставивший себя встать на ноги.

После многодневной темноты — ничего не видно. Свет ослепляет. Надо немного подождать. С трудом поднимаются веки. Через узенькие щелочки глаз постепенно открывается громадный широкий мир. Мохнатые ветви, осыпанные пушистым снегом, кажутся исполненными чарующей красоты. А главное, главное — поблизости не видно и не слышно врагов.

Едва волоча ноги, Лена со своим спутником добралась до бывшего лагеря отряда. Где-то теплилась надежда найти там остатки хоть чего-нибудь съедобного. Ничего, кроме еловых шишек. Но что это?.. В кустах промелькнул человек. Свой или...

— Леночка! Жива? Леночка! — послышался родной, знакомый голос.

«Свои, свои!» — застучало в голове.

— Петя! — радостно воскликнула Лена. Она сразу узнала разведчика Пахомова.

— Живы, живы! — улыбался Пахомов. — Ну, и молодцы. За мной идут наши.

Только теперь, когда под ударами партизан кара-

тели вынуждены были покинуть эти места, отряд Мышко смог возвратиться на свою базу.

Так спасла Лена Семченок шестерых бойцов, прожив с ними сорок два дня под землей. Все они выжили и здравствуют поныне.

И Лена, теперь уже Елена Фоминична, и не Семченок, а Яковлева, по-прежнему живет и трудится в своем родном древнем, тысячелетнем городе Полоцке. Простая скромная женщина смущенно опускает голову, когда ей напоминают о том, какой поистине великий подвиг она совершила в свои юные годы.

— Ну что вы, какой там подвиг! — говорит она.— Так надо было — вот и все.

Женя Горбатюк

★

1

В сенях звякнула щеколда, и вместе с клубами пара в горницу вошел подрумяненный морозцем голубоглазый, курносый, худощавый паренек. На нем был стеганый ватник, видно, с чужого плеча, потому что рукава были закатаны почти до локтя, заячий треух, за спиной — холщовая сумка с немудреным ученическим скарбом.

— Пришел, сынок, ну и слава те, господи! — пошла к нему навстречу, шелестя опорками по земляному полу, немолодая женщина с густой сетью морщин вокруг выцветших глаз.— А у меня душа так и рвется наружу.

— Чего так, мамка? — мальчик окинул ее настороженным взглядом и опустил на лежанку снятую с плеч сумку.

— Сосед забегал, поди, говорит, забери своего кормильца — драку с ребятами затеял возле школы.

— Никакой драки, мамка, не было, — успокоил мальчик, повесив ватник на гвоздь рядом с рукомойником. — Мазанул там одного долговязого — только и всего. Чтоб не дразнился, — сдвинув брови, пояснил он.

— Кого-кого?—в полном расстройстве переспросила мать.

— Ну этого... Кольку... Один он у нас в классе такой долговязый.

— Так это же... пресвятая богородица! — всплеснула руками и перекрестилась Варвара Никоновна. — Да знаешь ли ты, на кого руку поднял?

— А кто ж его не знает! — ответил Женя. — Задается, что отец у него директор школы. А чего он дразнится! — с сердцем добавил мальчик. — Я ж его не трогал, а он... Он все отцом нас с тобой попрекает. Смеется еще. Сбежал, мол, бросил... А какое его дело! Ну догнал я его, даром, что долговязый бегать горазд. Я легонько, мамка, ты не бойся, шишку только набил, чтоб знал.

— Господи, боже мой! — запричитала мать. — Отцу нажалуется — не переведет он тебя в шестой класс, понаставит двоек — куда денешься!

— Не понаставит, — поспешил Женя успокоить мать. — Он у нас только математику преподает. Не мог я стерпеть, что он меня с тобой все отцом попрекает, — запальчиво добавил паренек. — А разве мы виноваты, что он у нас такой...

— Ты бы хоть у бога прощения выпросил. Может, и обойдется.

— Мне с богом толковать не о чем.

— И что ты говоришь, богохульник! — мать, повернувшись лицом к иконе в переднем углу, перед которой чадила лампадка, торопливо зашептала молитву, осеняя грудь мелкими-мелкими крестами: — Прости его, господи, несмышленыша, прости его, господи!..

— Ну кого ты просишь, мамка? — стал убеждать сын. — Нету его вовсе, а ты все просишь и просишь. Бабки все говорят, он милостивый, он все может, чего захочет. А почему он не хочет, чтобы у нас была корова, как у людей? Чтобы и отец у меня был, как у других ребят?.. Потом, знаешь, что я тебе скажу: не хочу я просить у бога милостыню. Ни у бога, ни у людей. Стыдно! Сам все хочу, своими руками. И еще, мамка, не обижайся, наперед тебе скажу. Если этот долговязый еще про отца нашего вспомнит, я... я... — и, не зная точно, какой «долговязому» вынести приговор, выпалил: — Укорочу его вершка на два, пусть знает. Вот те Христос, укорочу, — и перекрестился.

— Ох, и горяч же ты, малый! — с сожалением

покачала головой мать.— Как бы нам с тобой и вовсе по миру не пойти. Ну, садись обедать, садись, сынок.— И, выудив рогачом из печи чугун, стала наливать в деревянную миску пахнущие кислой капустой щи.

2

Тяжело сложилась жизнь этого паренька. Отец-пьяница оставил семью в 1934 году, когда Жене едва исполнилось семь лет. Мать страдала сердечной болезнью, и у нее едва хватало сил управляться с домашним хозяйством и присматривать за детьми. И с малых лет на слабые плечи Евгения Ивановича, как почтительно величали мальчика из уважения к его не по возрасту трудной роли кормильца, легла забота и о матери, и о двух младших сестренках, одной из которых — Аришке и вовсе едва только минул год от роду. Говорили люди: уехал отец на шахты в Донбасс, надо заставить его платить алименты. Но ищи ветра в поле. Донбасс велик, шахт там много. Где его, бессовестного, ловить, где его поймаешь, чтобы заставить помогать ребятам?

Мальчик не жаловался на свою долю, не унывал и с высоким достоинством принял на себя трудную ношу кормильца.

Правление колхоза определило его в подпаски к деду Макару, и он исправно гонял на прибрежные луга реки Дриссы стада коров и овец.

...Ранним утром, едва только выглянет из-за горизонта огненный гребешок солнца, по селу Бузницы разносится озорной посвист малолетнего пастуха и резкое пощелкивание кнута.

— Вставайте, бабоньки, вставайте, молодайки. Пора скотину в чисто поле выпускать.

И бабоньки и молодайки, выпроваживая со дворов своих буренок, с улыбкой приветствовали юного пастуха:

— Принимай, Евгений Иванович, и мою красавицу.

А иная сердобольная старушка из жалости к сиротинушке нет-нет да и скажет:

— Заходи вечерком, молочком угощу.

Своей коровы у Горбатюков никогда не было, и Женя не брезговал подношениями добрых людей. Только сам он никогда того молока не пил.

— Ты мне, бабуся, вот сюда лучше, в бутылочку. Я уж дома, ладно?

И отдавал молоко сестренкам.

Пригонит, бывало, стадо на пастбище, усядется на любимый камень, невесть каким образом оказавшийся в пойме реки, и смотрит на небо. А оно такое синее, будто искусный маляр выцветил его ультрамарином. Как зачарованный, провожает он взглядом изредка проплывающие по нему облака. Тихо кругом, безветренно. И забывает он в те радостные минуты, когда все его существо сливается с природой, что на нем длинный отцовский парусиновый пиджачок, испещренный разноцветными заплатами, и потертый картуз с поломанным, некогда глянцевым козырьком, и самотканые штаны, покрывающие до пят потрескавшиеся, обутые слоем пыли ноги.

И почему так? Только выйдет в поле, глотнет прохладной свежести — и сразу защемит что-то в животе — есть захочется. Снимет, бывало, котомку, а там горбушка хлеба, две-три бульбы — вот и все, чем может снабдить его мать. Проглотить все сразу — пожалуй, и наесться можно. Но ведь этих запасов должно хватить до самого вечера; и надо протерпеть до полудня, солнце еще только на четверть неба взошло. И он бережно кладет краюху обратно в котомку и ждет не дождется, когда наступит желанный час.

— Ты что же не ешь, Евгений Иванович? — спросит дед Макар.

— Не больно уж я и проголодался.

— А ну-ка попробуй этого пирожка, бабка вчера напекла. — И, бережливо раскрыв просаленный и просоленный насквозь холщовый мешочек, вынимает пирожок с картошкой и протягивает мальчику. — Самолично, говорит, Евгению Ивановичу. Ешь на здоровье.

— Спасибо, деда. И бабке спасибо.

Дед Макар был очень доволен своим помощником. Чуть отобьется от стада коровенка или овца, Женя живо водворит беглянку на место. В награду за усердие и потчует дед его иной раз каким-нибудь деликатесом из своей котомки: кусочком сала, пирожком, а когда даже и яичком. У Жени дома такие вкусные яства бывают разве только на пасху, после великого поста.

Мать Жени долго еще продолжала верить в бога. В душе этой болезненной, обойденной счастьем женщины не угасала надежда, что наступит время и всевышний воздаст ей и ее ребятишкам если не сторицей, то хотя бы как-то вознаградит их за ее страдания, за нужду и горе. Но шли годы, а господь бог не посылал ей и ее детям счастья.

Как-то однажды во время пастьбы, задумчиво глядя вверх на прозрачный голубой шатер неба, Женя спросил:

— Деда, а деда?

— Ну, чего тебе? — вздрогнул задремавший было под деревом дед Макар.

— Вот мамка моя все молится, молится богу, просит у него чего-то. И сколько ни молится, а он никогда ничего не дает. Какой же он бог, если она у него просит, а он не дает?

— Про бога, мил человек, так не разговаривают,— ответил дед Макар.— Это тебе не завхоз и даже не председатель правления: захотел — покритиковал на общем собрании, захотел — похвалил. Бог критике не подлежит, понятно?

— Понятно-то понятно,— неохотно согласился Женя. Такой ответ не вносил никакой ясности в интересующий его вопрос.— Ну, а где он живет — этот бог?

— Там и живет, — дед показал рукой на небо.

— Как же он там держится? — недоумевал мальчик. — Там же ни одной хаты не видать!

— Не твоего ума это дело, — рассердился дед. — Отца Димитрия знаешь — батюшку нашего? Вот у него и спроси, он человек образованный, все тебе и разъяснит. А я что? Пальцем расписываюсь.

Так и не удалось мальчишке выяснить точный адрес всевышнего.

Шесть лет трудолюбивый мальчик летом исправно пас скотину, а зимой ходил в школу, аккуратно готовил уроки и находил время поработать еще и на скотном дворе, чтобы добыть лишний кусок для матери и сестренок.

Работа закалила паренька. Хотя ростом он и не очень-то вышел, но силенок с каждым годом прибывало, и вырастал он хоть и не очень приметным на вид, но жилистым, крепким малым.

Соседи, бывало, завидовали матери:

— Дюжий мужик у тебя растет, Никоновна, — говорили они. — Парню еще только тринадцать, а гляди какой: что в книжках, что по хозяйству, одно слово — хозяин!..

3

Опасения матери, что у сына могут быть крупные неприятности из-за того, что он «мазанул» директорского сына, долговязого Кольку, не оправдались.

Дня через три после драки Колька неожиданно пришел к своему однокласснику с повинной:

— Ты уж того... прости меня, — сказал он смущенно. — Больше не буду, честное слово, — вот увидишь.

— Не будешь? Ладно, — с готовностью к примирению ответил Женя. — Давай пять — и все. — И протянул ему руку.

Раскаяние пришло не само по себе. Как выяснилось несколько позднее, оно было вызвано вот чем.

Колька пожаловался отцу, что Женя Горбатюк ударил его и набил ему шишку.

— За что он тебя так? — поинтересовался отец.

— Да не знаю... — уклончиво ответил мальчик.

— А все-таки, вспомни.

В конце концов Николай вынужден был признаться, что он дразнил Женю тем, что от него сбежал родитель.

— И правильно, — сказал отец. — Так тебе и надо. Я б еще не такую шишку поставил. Иди сейчас же и извинись, слышишь? И больше никогда не смей этого делать.

И вот он пришел с повинной. Ребята помирились, и между ними установились добрые дружественные отношения. Они вместе готовили уроки, читали книжки, спорили о прочитанном, стреляли из рогаток по воробьям и гоняли голубей.

Жене тогда было тринадцать лет.

А когда ему исполнилось четырнадцать...

Первые дни война шла будто где-то далеко. Она чувствовалась только в слезах женщин и детей, провожавших своих родных в военкомат. Но через две-три недели она уже входила в каждый дом грохотом артиллерийской канонады, трескотней пулеметов, диким воем рвущихся бомб, вздымавших к небу выворо-

ченную землю. Война подошла вплотную к Бузницам...
И вот наступило самое страшное.

Сидя у оконца своей хатенки, Женя видел, как по улице села под барабанный бой затопали оккупанты. Зашумела вокруг незнакомая речь. Горластые чужеземцы в зеленых мундирах, щелкая затворами, стали сновать по дворам, выводить из сараев коров, выносить птицу. Громко визжали поросята, кудахтали куры. В маленьком дворике Горбатюков, огороженном полуразрушенным плетнем, не было скота, только куры. Мальчик со страхом видел, как какой-то толстоносый гитлеровец поймал резво поющего красавца петуха, свернул ему шею и втиснул в ранец.

— Мамка, смотри, что делает, гад! — в сердцах крикнул Женя, потрясая кулаками.— Я сейчас пойду... Я ему покажу.

И ринулся к двери.

— Куда, сынок?! — крикнула ему с печи мать, уже несколько дней из-за болезни лежавшая там.— Сиди тихо, не показывайся этим иродам на глаза. На погибель хочешь? Да пропади они пропадом с петухом!

Женя отошел от двери, присел на лавку и закрыл лицо руками.

Ночью, когда немцы ушли, оставив в селе только несколько солдат, он долго-долго не мог уснуть — обдумывал план, как жить дальше? Четырнадцать лет — не так уж много, и решение пришло не сразу.

Шли недели. По деревне ходили разговоры, что где-то в лесах, на полях кто-то из местных собирает оружие, прячет его. Зачем? Женя многого еще не понимал, да и обращаться с оружием не умел — он его и близко-то никогда не видел. Но ему тоже захотелось найти хотя бы какое-нибудь ржавое ружьишко — даже место подыскал, чтобы уберечь его от полицаев, которые стали рыскать по дворам в поисках припрятанного оружия.

Своими мыслями он поделился с дружком Колькой.

— Давай и мы с тобой поищем, может, чего и найдем.

— Что ж, давай, — согласился Колька. — Только где искать?

— Говорят, в Поджарках его много, — подсказал Женя. — Бой там страшный был. Пошли?

— Пошли, — согласился приятель не очень уверенно.

Поджарки — небольшая деревушка, неподалеку от села Бузницы, где жили мальчики. Они тщательно обследовали всю местность возле Поджарок, однако ничего, кроме касок и стреляных гильз, не нашли и разочарованные вернулись домой. Наверное, все оружие уже было подобрано.

Отец Николая, бывалый солдат, участник войны с белофиннами, отлично представлял, как может пригодиться оружие в борьбе с оккупантами.

Приглядываясь к ребятам, он разгадал их тайное желание раздобыть оружие и хорошо понял их. Но он не решался вначале поощрять ребят в их поисках: малейшая неосторожность — и долго ли до греха! Полицаи и так зорко следят за его домом и школой. Малейшее подозрение — и не сносить головы.

Однажды вечером Женя прибежал к приятелю взволнованный, возбужденный:

— Пойдем скорее, я тебе что-то скажу.

Ребята забрались в курятник — обычное место их тайных совещаний после прихода гитлеровцев — и присели на давно осиротевшие кормушки.

— Во дело, Колька, во! — задыхаясь, начал Женя.— Тут у нас совсем рядом с нашими Бузницами Юровичи, понятно?

— Ну и что?

— Там был когда-то военный городок, а теперь, говорят, фрицы свой гарнизон держат. Оружия и боеприпасов, наверное, у них тьма-тьмущая, если гарнизон, верно? Вот куда бы пробраться! И натаскать.

Женя изложил ему свой план.

Колька был старше Жени на два года и не разделил его пылкой фантазии.

— Нет, так не годится, — категорически заявил он. — Запросто не натаскаешь, нас и близко не подпустят. Надо что-то другое придумать.

И у ребят родилась дерзкая мысль: познакомиться с немцами открыто, завоевать у них доверие, а потом уж...

Отец Николая, к тому времени ставший одним из местных подпольщиков, одобрил намерение мальчишек, но предупредил при этом, что необходимо соблюдать строгую выдержку и осторожность, ведь

малейшая оплошность — и прощай, жизнь! На семейном совете приняли такое решение: долговязому Кольке, которому на вид можно было дать лет восемнадцать, вообще опасно попадаться немцам на глаза — таких парней они обычно задерживают и отправляют в Германию. Жене в этом смысле повезло: маленький, нерослый мальчонка — вряд ли польстится на него рейх.

4

В яркий безоблачный день апреля сорок второго года, когда под лучами весеннего солнца торопливо таял снег и говорливые ручейки весело бежали с холмов и пригорков, на улицах местечка Юровичи появилась странная процессия. Трое мальчишек лет десяти-двенадцати с палками на плечах под водительством такого же, может быть, чуть постарше на вид сорванца бодро шагали по направлению к немецкой комендатуре. Командир этого отряда был вооружен еще и деревянной шашкой, привязанной к поясу веревочкой.

Возле двухэтажного особняка, где помещалась комендатура, процессия остановилась, и раздалась лихая команда:

— Ейн-цвей-дрей, битте-дритте, хайль Гитлер, ура!

Не трудно догадаться, что пронзительный фальцет, которым на одном дыхании был выпален весь скудный запас немецких слов, принадлежал Жене Горбатюку.

— Что там такое? — поморщился, глянув в окно, сидевший в комендатуре дежурный офицер.— Иван! — окликнул он полицая из приемной: — Пойди, узнай, чего хотят эти оборвыши?

— Слушаю, господин капитан, — ответил полицай и вышел за ограду.

У калитки возле часового «вольно» стояли трое мальчишек с палками на плечах, а вдоль «строя» не по годам сосредоточенно и серьезно расхаживал командир в чьих-то опорках на босу ногу.

— Вам чего, пацаны? — мрачно спросил полицай, окинув ребят холодным взглядом.

— Ой, дядя Ваня! — обрадовался Женя, узнав в полицае одного из местных жителей. — Вот здорово, дядя Ваня, что и вы тут! — с неподкупной искренностью воскликнул он: — Мы, дядя Ваня, пришли

служить нашим спасителям. Хайль Гитлер, понятно?

— Понятно-то понятно, — почесал за ухом полицай.

— Смотрите, сколько нас: ейн-цвей-дрей, сам четвертый, — продолжал Женя. — Сила, дядя Ваня. Ребята — во! Нам бы главного фрица повидать. Где он тут есть, главный фриц? Как к нему пройти?

— Ну чего мелешь несуразность какую-то? — хмуро буркнул полицай. — «Главный фриц», «главный фриц»... Какой тебе может быть «главный фриц»? Катился бы ты лучше отселева со своей шпаной к чертовой матери, а то за этого «главного фрица» как бы не всыпали тебе шомполов в заднее место.

— Ой, дяденька! — испуганно воскликнул Женя.— Я ведь про главного фрица так потому, что не знаю, как его звать...

— Полковник у нас фон Крайзер, понятно? И не фриц он вовсе, а, как самого Гитлера, Адольфом звать.

— А как к нему дойти, дяденька?

— Смеешься! Станут они с такой мелюзгой разговаривать. Погоди маленько. Сейчас доложу дежурному, может, кто и выйдет поговорить, ежели всурьез желаете пойти в услужение новым господам.

Через несколько минут вышел розовощекий лейтенант. Увидев его, Женя скомандовал мальчишкам «смирно», и все хором приветствовали офицера звонкоголосым «Хайль Гитлер!».

Лейтенанту понравились ребята, которые столь восторженно славят любимого фюрера, и он приказал полицаю проводить их на кухню и накормить.

Бойкий, расторопный, услужливый паренек-«командир» и его товарищи пришлись по нраву и шеф-повару и старшему унтер-офицеру, ведавшему хозяйством. Они разрешили ребятам приходить почаще — дело для них всегда найдется. И они приходили. Часто у входа на кухню звенел звонкий голос Жени и его неизменная команда: «Ейн-цвей-дрей!» Потом в его лексиконе появилось еще «вас ист дас» и «доннерветтер». Мальчишки пилили дрова, выносили помои, чистили картошку. Шеф-повар не скупился угостить своих юных помощников лишней миской супа, куском хлеба. К вечеру они возвращались домой.

Признаться, Женю угнетало то, что он и его товарищи были вынуждены изображать прислужников

оккупантов — на селе это вызывало враждебное отношение. Но ради дела надо было терпеть. Женя верил, что придет день, когда всем можно будет объяснить все.

Постепенно немцы настолько привыкли к этим ребятам, что просто перестали их замечать. Они, конечно, совершенно не подозревали, что боевой малый, который так самозабвенно кричал «ейн-цвей-дрей» и с такой страстью провозглашал «хайль» фюреру, способен не только пилить дрова и таскать помои.

После обеда, когда у немцев наступал час отдыха, Женя спокойно расхаживал по территории комендатуры, обнесенной оградой из колючей проволоки.

Особенно привлекал мальчика склад с оружием и боеприпасами. Ящики с винтовками, автоматами, гранатами, патронами, взрывчаткой находились не в помещении, а на площадке под брезентом, натянутым на колья. Женя внимательно присматривался к этому складу, изучал, как и с какой стороны лучше к нему пробраться. Вскоре он сделал ценное открытие: оказывается, часового у склада не было. Фашисты, видимо, считали, что достаточно охраны у ворот. «Можно незаметно взять оружие, — решил Женя, — но как его вынести за ограду?»

Своими наблюдениями и соображениями Женя поделился с Николаем.

— А знаешь что? — предложил тот. — Я нашел кусок провода — длиннющий, почти с полкилометра.

И ребята придумали очень остроумный способ. Склад был расположен недалеко от ограды, по соседству с глухим переулком. Однажды Женя взял с собой провод и по пути в кухню один его конец оставил в переулке, а другой просунул под ограду во двор комендатуры. Шагая с ведрами на помойку, он выбрал удобный момент и протянул провод поближе к складу под брезентом. Провод надежно скрывала густая трава. Как только солдаты ушли на отдых, мальчик быстро вытащил из ящика, лежавшего под брезентом, винтовку, привязал к ней конец провода и спрятал винтовку в траве. А вечером, когда стемнело, Женя, выйдя из комендатуры, тихонько приблизился к ограде со стороны переулка и, осторожно подтягивая конец провода, вытащил свою первую добычу. Он благополучно вынес винтовку из местечка, воспользовавшись насту-

пившей темнотой, и в укромном месте закопал ее в землю.

На другой день он снова привел в комендатуру свою команду и под дружный хохот гитлеровцев опять кричал «доннер-веттер» и неизменное «ейн-цвей-дрей».

С помощью провода Жене удалось «выудить» у фашистов еще несколько винтовок.

В начале лета в районе появились партизаны. Они взрывали мосты, железные дороги, и Жене захотелось приложить свои руки к этому делу.

— Давай и мы подорвем что-нибудь! — предложил он своему другу Николаю.

— А что?

— Ну, рельсы, что ли, от станции Полота до Юровичей? Сюда фрицы все гонят вооружение — пусть попрыгают.

Эта идея понравилась Коле. Тол они добыли быстро. «Старым» способом стащили из-под брезента несколько шашек. С капсюлями тоже все обстояло благополучно. Отлично освоившись в немецком складе под брезентом, Женя научился быстро разряжать там гранатометы; он отвинчивал у них головки, вынимал капсюли и выносил их оттуда за пазухой. Но, чтобы произвести взрыв, нужен еще и бикфордов шнур, а шнура такого не было.

— Вы вот что, ребята, сделайте, — посоветовал отец Николая. — Заложите под рельсы взрывчатку, вставьте капсюль, обсыпьте его порохом и от него тяните подальше от рельсов пороховую дорожку. Подожжете — и давай бог ноги, ясно?

— Так точно, — отвечал Женя. — Битте-дритте.

Ночью ребята вышли на линию железной дороги, выбрали удобный момент, когда немецкая охрана, патрулировавшая по линии, прошла, и сделали все, как рекомендовал Колин отец, подожгли пороховую дорожку, стремительно убежали и спрятались в отдалении. Прильнув к земле, они с волнением и восторгом наблюдали, как огненный ручеек стремится к капсюлю. Взрыв!

Урон от этого взрыва был, правда, невелик. В течение двух-трех часов немцы восстановили путь и зло потешались над комариными укусами партизан, совершивших такую ничтожную «операцию», — они ведь и не подозревали, что это дело мальчишеских рук.

Истинные же партизаны, обосновавшиеся неподалеку в густом лесу, никак не могли понять, кто так неуклюже и непродуманно взрывает полотно железной дороги. Важно ведь не просто разрушить путь, а пустить под откос поезд. И партизанский командир, желая установить, кто же эти незадачливые взрывники, решил проследить, не появятся ли они вновь на линии.

Но юные разведчики больше не приходили. Отец Николая был срочно направлен подпольным райкомом партии со специальным заданием в другой район, а Николай с матерью по указанию партизанского штаба Белоруссии был переправлен на самолете на Большую землю. Женя же занялся другими делами. Но на немецкой кухне продолжал оставаться своим человеком.

5

Тетка Анисья, пришедшая из соседней деревни в Бузницы навестить свою сестру и ее ребят, сообщила новость: вчера ночью в деревню «вихрем налетели» какие-то вооруженные мужики, перебили полицаев и вернули крестьянам отобранный у них гитлеровцами скот.

— А какие они — эти мужики, тетя Анисья? — спросил Женя, жадно вслушиваясь в каждое ее слово.

— Ну, как тебе сказать... обнакавенные: кто с бородой, а кто бритый-стриженый. А только все вежливые, душевные. Мы, говорят, хотим защитить вас от фашистов, вы нас не бойтесь, мы — свои.

— Партизаны, что ли?

— Сказывают, они.

Жене давно хотелось стать партизаном, но он не знал, где их искать. А теперь, оказывается, они совсем близко — рукой подать. Он вызвался проводить тетку домой в надежде, что ему удастся повидать партизанского командира и уговорить его взять к себе в отряд.

На улицах деревни было совсем тихо — ни души. Где же партизаны? Не станешь ходить по хатам и расспрашивать — могут ведь подумать, что мальчишку подослали фашисты.

Грустный и расстроенный возвращался Женя в Бузницы. И вдруг на выходе из деревни он встретил двух вооруженных парней. Женя догадался, что это, должно быть, партизанский патруль.

— Где ваш командир? — деловито спросил он.
— А тебе зачем?
— Дело есть.

Какое именно «дело» у этого босоногого паренька к командиру отряда, патрульным допытаться не удалось.

— Могу сообщить только лично, — с подчеркнутой таинственностью сказал Женя.

— Раз так — пойдем, — ухмыльнулся один из парней.— Проводи, Вася,— кивнул он своему напарнику.

У дверей одной из хат партизан остановился и сказал часовому:

— Доложи командиру, малый к нему пришел. Дело, говорит, очень серьезное.

Через минуту часовой вернулся и велел Жене следовать за ним.

В горнице за столом сидел высокий человек с усталым взглядом, одетый в гимнастерку, с пистолетом у пояса. Это был, как потом станет известно Жене, один из прославленных командиров «Неуловимых» Иван Васильевич Якимов.

— У тебя, говорят, дело ко мне? — мягко спросил он, с любопытством оглядывая невзрачную фигуру подростка. — Ну, садись, рассказывай, какое дело.

Оставшись один на один с этим человеком, смотревшим на него внимательно и заинтересованно, Женя тут же растерял всю свою напускную серьезность и просто, по-детски сказал:

— Дяденька, возьмите меня.
— Куда?
— В партизаны. Я, честное слово...
— Мал ты еще, парень, — покачал головой командир. — Партизанить, брат ты мой, не голубей гонять.
— Я их уже давно не гоняю, — обиделся Женя.— Я теперь знаете, что делаю?..

И рассказал про кухню, про винтовки и капсюли, которые он умудряется тащить из-под брезента у гитлеровцев, про дорожку из пороха. Причем говорил он об этих очень опасных и смелых делах так просто, словно речь шла о самых невинных детских забавах.

Якимов слушал и не верил. Неужели в этом тщедушном пареньке столько смекалки, выдержки, мужества, бесстрашия? Но, вслушиваясь в его неторопли-

вую речь, всматриваясь в его лицо и глаза, командир убеждался, что Женя говорит истинную правду.

— А кто ж это тебя надоумил устраиваться на кухне у немцев? — поинтересовался Якимов.

— Сам придумал, дяденька. Лежал на печке и все думал, думал, как бы у них оружием разжиться, вот и придумал, — ответил Женя с какой-то подкупающей искренностью.

— Ну и молодец! — похлопал командир своего юного собеседника по плечу. — Такие ребята нам очень даже могут пригодиться. Только вот о чем давай договоримся. Ты у меня не был, я тебя не видел, и ты меня тоже, понятно? Ну вот. На «железку» не ходи — не надо. Шуму много, а толку — чуть. Там и без тебя управятся. А вот кухню не бросай. Очень ты здорово придумал с этой самой кухней. Оружие из-под брезента тоже не надо больше таскать. Много не натаскаешь, а поймают — капут. Осторожность, братишка, прежде всего. Смотри. Запомнил?

— Так точно, дяденька.

— Вот и хорошо. А теперь запомни еще вот что: ты видел дерево на краю вашего села, большое такое, с громадным дуплом?

— Раскоряка такая?

— Она самая. Наведывайся к этой раскоряке почаще и заглядывай в дупло. Найдешь под листьями записочку... ты грамотный?

— Пять кончил, в шестой перешел, — не без гордости ответил Женя.

— Отлично. Прочти и уничтожь. И сделай все, что в той записке написано, ясно? И все только между нами. Никому, даже матери родной — ни гугу...

Женя возвращался домой окрыленный. Он не понимал еще всей сути того нового, что внесла в его жизнь встреча с партизанским командиром, но чувствовал, что отныне он приобщился к великой тайне и что впереди его ждут необыкновенные дела, полные опасностей, тревог и побед.

— Ну что, проводил тетю Анисью? — спросила мать, когда Женя к вечеру вернулся домой.

— Проводил, мамка. До самой избы проводил.

— Не видел ты там этих... партизан?

— Нет, мамка, никого не видал. Говорят, были и ушли.

— Ну, садись, ешь бульбу, проголодался небось с дороги.

— Спасибо, мамка. И есть чего-то сегодня совсем не хочется.

6

Иван Васильевич Якимов попал к партизанам, бежав из лагеря военнопленных. Его судьба схожа с судьбой многих других советских солдат и офицеров, которые вырвались из лагерей смерти и сражались в тылу врага.

Старший лейтенант одной из частей 33-й армии Якимов в апреле сорок второго года был ранен недалеко от Вязьмы и в тяжелом состоянии захвачен гитлеровцами. На станции Темкино фашисты производили «сортировку» военнопленных. Эта «сортировка» заключалась в том, что коммунистов и комиссаров отделили от остальных и тут же расстреляли. Якимову удалось спрятать свой партийный билет, и лишь благодаря этому он остался жив.

Трое суток битком набитые, наглухо закупоренные вагоны без нар, вагоны, в которых можно было только стоять, тесно прижавшись друг к другу, шли к месту назначения. За это время двери ни разу не открывались. Трое суток без воды и пищи! Трое суток в спертом душном воздухе, насыщенном удушливыми запахами пота, гноящихся ран; естественные надобности отправлялись тут же, в вагонах, иного выхода не было.

Когда поезд прибыл на Боровуху и объявили выгрузку — никто самостоятельно выбраться из вагонов не мог. Многие погибли от голода, жажды, заражения крови, просто от недостатка кислорода. Оставшиеся в живых были в полуобморочном состоянии и не могли двинуться с места.

И здесь снова «сортировка». Трупы выбрасывали в одну сторону платформы, а подающих признаки жизни выталкивали в другую. Лагерь был недалеко, примерно в полукилометре от станции. Но и такое небольшое расстояние истощенные, обессилевшие люди преодолевали с трудом, многие ползком на четвереньках.

— Дафай, дафай! — подталкивали конвоиры прикладами отстающих. — Скоро есть, скоро пить...

В лагере пленных угостили со всей фашистской «щедростью». Посреди двора стояло несколько бочек с прокисшей баландой. Она пенилась, как мыльная вода во время стирки. Двести пятьдесят граммов этой мутной жидкости и сто граммов хлеба-суррогата на человека — вот как потчевали людей, у которых трое суток не было во рту и маковой росинки.

Разместили пленных в бараках прямо на полу. Лежали на боку — на спину лечь не хватало места.

В лагере Якимов подружился со старшим лейтенантом Трофимом Михайловичем Шинкаревым. Они решили во что бы то ни стало бежать. Когда все, казалось, было подготовлено, Якимов внезапно заболел дизентерией. Побег пришлось отложить. Чтобы поддержать как-то силы товарища, Шинкарев отдавал ему свой крохотный паек хлеба. Молодость взяла свое, Якимов выжил, стал поправляться. Это был очень редкий случай — обычно заболевшие умирали. «Медицинская помощь» сводилась к тому, что похоронные команды выбрасывали трупы из бараков через окна, а затем на тележках отвозили их в траншеи, выкопанные рядом с лагерем.

Бежать, скорее бежать!

Но едва Якимов стал способен хоть как-то самостоятельно ходить — новая беда: Шинкарев заболел тифом. Теперь Якимов отдавал ему свой хлебный паек. И Шинкарев победил смерть. Так, помогая друг другу в самые тяжелые минуты, друзья выжили, и мысль о побеге овладела ими с новой силой.

Но внезапно возникло неодолимое препятствие. С каждым днем бегство из лагерей усиливалось. Гитлеровцы знали, что военнопленные пополняют собою ряды партизан, и стали принимать более жесткие меры. Они обнесли лагерь колючей проволокой еще в несколько рядов, по ночам к проволоке подключался электрический ток. Помимо пулеметных точек, круглые сутки по территории лагеря патрулировала усиленная охрана с собаками. Широкая полоса перед оградой на всем ее протяжении была усыпана специально привезенными из Германии «жучками» из острой проволоки и усыпана битым стеклом. У военнопленных отобрали обувь. И все же люди не расставались с мыслью вырваться из этого ада.

В начале июня прошел слух, что пленных собираются перевести в другой лагерь. Якимов и Шинкарев задумали тогда бежать в пути. К ним присоединился и майор Борзых. Они знали, что перевозить будут, конечно, в наглухо закрытых вагонах и нужно было запастись хоть каким-нибудь ножом, чтобы попытаться прорезать доски и на ходу выпрыгнуть из вагона. Шинкареву удалось соблазнить одного охранника-полицейского диагоналевыми брюками, и тот отдал ему в обмен холщовые штаны и садовый нож. Якимов хранил этот нож в левом борту своей шинели. Каждый день при перекличках, обысках он рисковал жизнью. Эсэсовцы обходили ряды, шарили в карманах, ощупывали одежду. Найдут недозволенную вещь — расстрел на месте. Якимов сумел обмануть гитлеровцев. Распахивая шинель при обыске, он брался за ее борта, прикрывая нож рукой.

В середине июня у пленных отобрали все теплые вещи, выдали им деревянные ботинки. Вскоре под усиленным конвоем их повели на станцию и погрузили в товарные вагоны. Садясь в вагон, Якимов заметил, что две доски в дверях держатся не особенно прочно. И как только двери и люки были снаружи заколочены гвоздями и поезд тронулся, он занял удобную позицию и приступил к работе.

Садовый нож полицейского действовал отлично. Как только миновали станцию Борковичи, доски были прорезаны, и Якимов ударом ноги вышиб их. Можно пролезть!

Стучат колеса. Эшелон набирает скорость. Вместе с чистым воздухом в образовавшуюся щель пахнуло свежестью темной ночи. Где-то поблизости должен быть мост через реку Дриссу. Якимов заглянул в щель. Пока реки не видно. Поезд идет по высокой насыпи. Успеть бы!..

Якимов выбросился на полном ходу поезда первым, сильно ударился о землю и сразу же потерял сознание. Майор Борзых чуть-чуть замешкался и выскочил из вагона почти у самой реки. Как потом стало известно, его заметили гитлеровцы, охранявшие мост, и тут же расстреляли.

За Дриссой из вагона выбросились почти все пленные.

Якимов пришел в сознание лишь на рассвете.

Осмотрелся. Недалеко мост, возле него немцы. Направо лесок. Неподалеку деревня, но днем идти туда опасно. Ползком добрался до леса и пролежал там до вечера. Когда стемнело, увидел вдали огоньки. Постучался в крайний дом. Дверь открыл пожилой мужчина и пригласил в хату. Встретил по-братски, накормил, уложил спать. К счастью, этот мужчина оказался подпольщиком, связанным с бригадой «Неуловимых». Утром по просьбе хозяина одна девчонка на лодке переправила Якимова на противоположный лесистый берег Дриссы и указала дорогу к партизанам.

Это была необычная девчонка. Ей было всего 16 лет. Она не числилась в списках ни одного из партизанских отрядов. Никто не направлял ее работу в тылу врага. Но сколько же добрых дел сделала она для партизан!

Ее звали Нюрой. Нюра Шерстнева. Односельчане называли ее просто «Нюшка», а бойцы в шутку величали «царицей морей», «командующим партизанским флотом».

Жила Нюра в маленькой деревушке на самом берегу Дриссы. У нее был свой неповторимый и единственный, пожалуй, в своем роде участок работы — она перевозила через реку разведчиков и подрывников, бежавших из лагерей военнопленных, мечтавших попасть к партизанам. Гитлеровцы уничтожили все лодки по всему побережью. Но одна лодка уцелела, хотя стоило больших трудов спрятать ее от фашистов. Этой лодкой и «командовала» Нюра. Лодочка была маленькая — всего на двоих. И Нюра по очереди, по одному перевозила бойцов на другой берег. Закончив дело, она уводила свой «корабль» в густые прибрежные заросли, заполняла водой и опускала на дно реки.

Лишь замаскированный телефонный провод, привязанный одним концом к колышку на берегу, а другим — к лодке, позволял ей в нужный момент вытаскивать ее на поверхность.

По самым скромным подсчетам штаба бригады, эта отважная девочка не менее ста раз совершила свои рискованные рейсы по реке.

7

Комбриг «Неуловимых» сидел в своей землянке за «письменным столом», устроенным из листа фанеры на четырех врытых в землю чурбаках, склонившись над листом бумаги в глубоком раздумье.

— М-да, задача, — сказал он как бы про себя. — Правильно, правильно нам подсказывают: шире надо разворачиваться. — И кликнул вестового: — Попросите, пожалуйста, Кораблева!

— Есть новости? — деловито спросил начальник разведки, входя в землянку комбрига.

— Не то чтобы новости, но из Ставки Верховного Главнокомандования еще раз напоминают. Садись, Павел Алексеевич, читай. — И протянул ему только что полученную шифрованную радиограмму.

— Так-так, — многозначительно сказал Кораблев, прочитав указание Ставки. — Ну что ж, надо принять к исполнению.

Ставка поздравляла «Неуловимых» с успехами, но настоятельно рекомендовала усилить нападения на гарнизоны противника и как можно интенсивнее прерывать его транспортные артерии. Сообщалось, что по полученным от надежных людей сведениям в районе Полоцка, и в частности в Юровичах, концентрируются крупные вражеские силы и создаются новые склады с вооружением и боеприпасами для более активной борьбы против партизан.

— Кто там у нас в Юровичах? — спросил комбриг.

— Был один, но, к сожалению... Теперь в самих Юровичах как будто никого пока нет. Якимов со своим отрядом произвел недавно неплохую операцию в этом районе, разгромил полицейский гарнизон недалеко от Юровичей. Возможно, ему удалось установить с кем-либо из местных жителей полезные связи.

— Есть от Якимова подробное донесение о результатах операции?

— Он передал через разведку коротенькую записку — собирается с докладом прибыть лично, как только позволят обстоятельства.

— Очень хорошо, — кивнул комбриг, — надо нам думать, как разгромить немецкий гарнизон в Юровичах. Дело это не шуточное. Прежде всего надо устано-

вить его численность и вооружение. Кто может выполнить такое важное задание? Конечно, у нас в бригаде есть опытные разведчики. Но с такими деликатными заданиями лучше справятся, пожалуй, местные подпольщики, невидимки...

Во время этих размышлений в штаб бригады прибыл Якимов.

Доложив о результатах успешно проведенной операции, он с восторгом рассказал:

— Ну и парнишка мне попался! Боевой, смышленый! Пристроился на немецкой кухне в гарнизоне и стал там вроде бы своим.

— В Юровичах? — переспросил комбриг.

— Да, там...

В тот же вечер в «почтовый ящик» — в дупло дерева за околицей — была положена записка с подробной инструкцией Жене, что ему следует разузнать.

Первое боевое задание юный разведчик воспринял с превеликой гордостью и волнением. Ему дают такое серьезное поручение! Десятки раз перечитал он записку, пока не выучил наизусть, а потом, как учил Якимов, уничтожил ее. Теперь тайна осталась только в его душе.

Всю ночь Женя не мог уснуть. Он ворочался на лежанке, все время думал, как лучше выполнить такое необыкновенное и сложное задание. Он должен узнать, сколько солдат и офицеров в гарнизоне, какое у них вооружение... Должен узнать... А как это сделать? Каким путем можно узнать все это, если, кроме немецкой кухни, он нигде не бывает. И вдруг его осенила очень дельная мысль: «А что кухня? Кухня — это очень даже хорошо. Ведь там готовят пищу для всего личного состава гарнизона. Для солдат отдельно, у офицеров другой стол... Ну и что? Как что?.. Надо решить очень простую задачу: сколько порций — столько и людей, вот и все. Ну, а как узнать, сколько порций?»

— Ты чего, сынок, не спишь? — услышал он тревожный и заботливый голос матери. — Все вертишься и вертишься...

Но еще долго Женя не мог уснуть.

Утром Женя встал раньше обычного, живо собрал свою команду и со своим неизменным «ейн-цвей-дрей» отправился в путь.

Его звонкоголосое «хайль» у ворот комендатуры прозвучало на этот раз особенно старательно.

Пытливый мальчик внимательно присматривался к шеф-повару, поварихам, бросал пронзительные взгляды в котлы, кастрюли, на сковородки, стараясь угадать, сколько же порций супа со свининой готовится здесь для солдатни и сколько котлет и компотов для господ офицеров. Хорошо бы перемерить половником каждый котел, пересчитать котлеты.

Чтобы облегчить решение своей задачи, Женя сперва начал считать, сколько термосов с первым блюдом увозят из кухни в подразделения гарнизона. Потом он пересчитал количество котлет на каждом противне и количество противней, отправляемых на плиту.

— Битте-дритте! — обратился Женя как бы между прочим к шеф-повару. — Интересно, много ли народу можно накормить из такой вот посудины? — он кивнул на термос.

— На целый взвод хватит! — бросил на ходу повар.

Ситуация начинала постепенно проясняться. Вот бы только еще узнать, по скольку котлет дают господам офицерам — по одной или по две. Спросить? Но как, чтобы ни в чем не заподозрили?!

— Небось такую котлетищу не съесть одному господину офицеру? — как бы невзначай бросил он, ловко подхватив ведро с картофельными очистками, чтобы отнести его в хлев, поросятам.

— Не съесть? — ухмыльнулся повар. — Им по две дают, и то добавки просят.

Голова Жени лихорадочно заработала. Он множил, делил, складывал. Из всей этой кухонной арифметики в его мозгу постепенно создавалось довольно правильное представление о количестве солдат и офицеров в гарнизоне. Первая часть задачи была в основном решена.

Сложнее было подсчитать вооружение. То, что хранится на территории комендатуры под брезентом, подсчитать не трудно. Но это же не все. Термосы с горячим возили еще на какой-то склад. Видимо, тот склад большой, если туда отправляют два термоса и два десятка котлет. Это примерно два взвода солдат и около десяти офицеров. Но надо как-то и проверить свои предположения.

Помог случай. Грузчик, обычно возивший обеды на

склад на ручной тележке, внезапно заболел. Женя вызвался подменить его.

— Позвольте мне, битте-дритте, мигом доставлю!

Не один раз доставлял он потом обеды складской охране.

Общительный, веселый мальчуган быстро подружился с полицаями, выполнявшими на складе подсобные работы, и исподволь разузнал, что хранится там: винтовки и пулеметы, мины и гранаты, бочки с бензином. Прикинул, сколько чего на складе. Все свои наблюдения и расчеты Женя через «почтовый ящик» передавал «Неуловимым».

В штабе бригады разработали план удара по гарнизону Юровичей. Операцию решили провести в воскресную ночь, когда, как правило, гитлеровцы щедро налиты шнапсом и легче застать их врасплох. Взрыв склада должен был служить сигналом к налету партизан на казармы, о расположении которых подробно сообщил Женя в своих записках, отвечая на вопросы Якимова.

Склад помещался на краю местечка за пригорком, в бывшем купеческом лабазе. Чтобы пустить его на воздух, снарядили группу разведчиков во главе с Семеном Яцковым, бывшим командиром батальона, бежавшим из лагеря смерти и, как многие другие военнопленные, сражавшимся в бригаде «Неуловимых». В эту группу впервые был официально включен и Женя, и на его долю выпала самая главная роль: он должен был заложить мину замедленного действия во время доставки обеда охранникам склада.

Главные посты по охране склада были у ворот и на вышках по углам ограды. Часовой же возле самого склада стоял больше для видимости и не очень внимательно нес службу, зная, что и без его недреманного ока военное снаряжение надежно охраняется наружными постами. Появится вблизи часового кто-нибудь из солдат — часовой не считает за грех закурить, поговорить.

Женя вкатил на территорию склада тележку с термосами, как всегда, веселый, жизнерадостный.

— Ейн-цвей-дрей, господа хорошие, пожалуйте к столу!..

И никто не заметил, как гулко стучит его сердце. Никто не догадывался, что среди груза тележки тщательно замаскирована мина замедленного действия, которую мальчугану поручено установить на складе.

Но как пробраться внутрь склада, если на его дверях висит громадный замок? Женя уже слышал, что в этот день должны были приехать из частей за оружием и боеприпасами. И действительно, после обеда к складу подъехали грузовые машины. Скоро явился и начальник склада — толстый фельдфебель с сигарой в зубах. Он открыл склад, и солдаты стали грузить ящики с винтовками, патронами, гранатами.

Наступали волнующие минуты.

Женя подкатил свою ручную тележку с опустевшими, громыхающими термосами к дверям склада.

— Битте-дритте! — улыбнулся он. — Могу помочь. Вы не смотрите, что я маленький. Силенок у меня — вот! — И в доказательство своих богатырских возможностей закатал рукава и продемонстрировал мускулы. — Видали?

Глядя на худые руки «богатыря», солдаты рассмеялись и разрешили Жене принять участие в погрузке.

Не помня себя от радости и страха, мальчуган перешагнул заветный порог. Мина у него уже была спрятана под рубашкой.

Выбрав удобную минуту, Женя заложил мину между ящиками с гранатами. Погрузка закончена. Брякнул замок на дверях склада.

За пригорком Женю поджидали старшие товарищи. И вот, наконец, он появился бледный, взволнованный. От страха у него пересохло в горле, и он не мог сперва вымолвить ни слова.

— Что? Вышло? — спросил Яцков.

Мальчик едва сумел только кивнуть головой. Отдышавшись, он рассказал, каким образом ему удалось обмануть бдительность гитлеровцев. Выполнив задуманное, он потом, как ни в чем не бывало, отвез пустые термосы на кухню и поспешил к своим.

Яцков посмотрел на часы. Время как будто истекло. Почему же нет взрыва? Вокруг такая тишина, что слышен шорох листьев, шелест травы, слышно будто даже, как бьется Женино сердце. Гитлеровцы заметили мину, обезвредили ее? Могло ведь быть и такое...

И вдруг — взрыв! За ним еще и еще: рвутся боеприпасы. Слышно, как застучали пулеметы со сторожевых вышек, по кому стреляют часовые? Палят наугад?

— Пошли отсюда, скорей! — приказал Яцков.

Разведчики вместе с Женей углубились в лес. Позади послышался сильный взрыв. Потом рассказывали, что в ближних деревнях из окон вылетели стекла, а над Юровичами взвился в небо огненный столб.

В ту же ночь «Неуловимые» совершили дерзкий налет на Юровичи. Они бесшумно сняли часовых у казарм. Гитлеровцы были захвачены врасплох, не успели подготовиться к защите — их забросали гранатами. Гарнизон был разгромлен. Партизаны увезли несколько подвод с винтовками и патронами и две бочки оружейного масла, которое было им дороже золота.

После этого Жене не пришлось больше пилить дрова на кухне и развозить на тележке термосы с обедом. Фашисты разгадали, кто повинен во взрыве склада. Возвращаться домой юному разведчику было уже нельзя. Он остался у партизан.

Однажды темной ночью он все же пробрался в родную деревню, тихонько подошел к своей хатенке и постучал в окно.

— Ты?

— Мамка!

Мать крепко обняла сына, долго целовала, размазывая по его щекам слезы радости и горя.

— Живой, сынок... живой! — причитала она. — А я-то думала, поймали. Ищут тебя, милый. Приходили полицаи, допытывались.

— А ты что сказала?

— Партизаны, говорю, насильно увели, за то, что у немцев служил на кухне.

— Ух, и молодец же ты у меня, мамка!

Чуть отдохнув, он взял кусок хлеба, спрятанную в земле винтовку, несколько пачек бронебойных патронов и ушел обратно в лес.

Как-то получив очередное задание — установить численность ближнего немецкого гарнизона, Женя под видом маленького торгаша, обменивавшего яйца на табак и сигареты, отправился в путь. Выполнив поручение, он возвратился в расположение отряда, но, увы!

Там уже никого не было. Весь отряд ушел неизвестно куда. Мальчик оказался один в лесу.

А получилось все это потому, что в то время, когда Женя был в разведке, крупные силы карателей обрушились на «Неуловимых», попытались их окружить. Под натиском врага партизаны вынуждены были покинуть свои базы.

Женя метался по лесу, искал штаб бригады, отряд Якимова. Но нигде никого...

Блуждая вокруг окрестных деревень в надежде встретить кого-нибудь из своих, Женя однажды вечером подошел к деревне Черной. На перекрестке дорог его остановили трое вооруженных людей.

— Руки вверх!

«Конец, — подумал мальчик, — полицаи!»

Он поднял руки.

— Куда идешь?

— Туда. — Женя кивнул в неопределенную сторону.

— Куда «туда»? А что тебе там надо?

Дело было вечером, и тут в свете выпорхнувшей из-за облаков луны мальчик заметил на шапке одного из патрульных пятиконечную звездочку.

— Ой, дяденьки, так вы же не полицаи! — радостно воскликнул он.

— А ты что, полицаев боишься?

— Ну, как бы я с ними с троими... А вы не из отряда Якимова?

— Тебе-то что? — настороженно спросил старший.

— Так я же... Ой, дяденьки! Где Иван Васильевич? Ведите меня к нему!

Женю привели в деревню Черное, где в то время обосновался отряд Якимова.

— Живой? — радостно встретил его Якимов. И, крепко обняв мальчика, по-мужски похлопал его по плечу. — Ну и молодец парень! А я уж думал — поймали тебя фрицы и... ейн-цвей-дрей. Есть хочешь?

— Никак нет, товарищ командир, — встав «смирно», лихо отрапортовал юный партизан.

— А зачем говоришь неправду?.. Ну-ка, девчата, подкормите малого! — сказал Якимов стоявшим неподалеку медицинской сестре и поварихе. — Да найдите ему бельишко какое-нибудь, штанишки, что ли, смотрите, как оборвался. — И сочувственно посмотрел на

худое, изможденное лицо Жени, воспаленные от бессонницы глаза, рваные галифе и потрескавшиеся от грязи ноги.

Женю отвели в баню, достали ему чистое белье, угостили даже молоком и медом — продуктами, которые разрешалось расходовать только для тяжелораненых и больных. Завхоз притащил штаны, гимнастерку, сапоги. Все это обмундирование, рассчитанное на взрослых, выглядело, правда, не по фигуре пятнадцатилетнего подростка, не отличавшегося к тому же атлетическим телосложением, однако, облачившись впервые в жизни в настоящую одежду без заплат и дыр, Женя почувствовал себя настоящим бойцом-партизаном. Он как-то сразу возмужал, полудетская бравада сменилась серьезной строгостью.

В те счастливые для мальчишки дни никто и не предполагал, что все невзгоды, пережитые им, всего лишь прелюдия, лишь начальное испытание его воли и выдержки.

Главные трудности подстерегали подростка на партизанских дорогах впереди.

8

Весть о разгроме гарнизона в Юровичах быстро дошла до высшего немецкого командования, и о дерзком налете партизан было доложено самому Гитлеру. Генеральный штаб направил в Юровичи полномочного представителя с подробным планом ликвидации партизан и приказал привести в боевую готовность все карательные силы, расположенные на территории Белоруссии.

Новый комендант Юровичей майор Отто Шнайдер с нетерпением ждал гостя из Берлина. Его маленький особнячок был заново покрашен, дорожки в саду посыпаны свежим песком, медные дверные ручки тщательно надраены мелом. Едет представитель генштаба — не шутка! Не каждый комендант гарнизона, к тому же не бог весть какого значительного, удостаивается такой высокой чести.

Правда, визит этот вызван весьма грустными обстоятельствами, но все-таки...

Какова же была гордость и радость майора, когда он, встречая на аэродроме высокого гостя, узнал в нем

своего однокашника по военной академии и боевого друга по войне во Франции Франца Винцлера, сумевшего после взятия Парижа пристроиться в генеральный штаб и за каких-нибудь два-три года стать полковником.

— Хайль Гитлер! — вытянулся в струнку комендант, увидев спускавшегося по трапу генштабиста.

— Хайль, хайль! — с улыбкой приветствовал своего старого сослуживца полковник Винцлер.— Рад видеть тебя, Отто.— И протянул руку.— Да ты чудесно выглядишь, дорогой. Видно, белорусы щедро кормят своих новых хозяев.

Комендант сдвинул брови и нахмурился.

— Да как тебе сказать, Франц... Но об этом потом. Сейчас прошу ко мне закусить с дороги, отдохнуть.

И кортеж машин, сопровождаемых эсэсовцами на мотоциклах, проследовал с аэродрома в резиденцию коменданта.

Несколько рюмок старого доброго вина, бутылка русской водки, обильный ужин еще больше расположили полковника к своему бывшему однополчанину, так и не сумевшему пока сделать настоящей карьеры.

Отужинав вместе с несколькими офицерами, они уединились в кабинете коменданта для деловой и дружеской беседы.

— Как чувствуешь себя, Отто, на наших новых землях? — спросил Винцлер.

— Как живая рыба на сковородке,— мрачно ответил майор.

— Не понимаю.

— Пойми главное: здесь каждый час тебя подстерегают неприятности.

— Но фронт уже далеко, Отто. Наши подходят к Волге. Фюрер обещал скоро парад на Красной площади в Москве. Это будет великий праздник великой Германии,— мечтательно заключил Винцлер, аппетитно затягиваясь сигарой.

— Если будет, конечно,— вздохнул майор.

— Я не узнаю тебя, Отто. Откуда такой пессимизм?

— Его рождают обстоятельства, Франц. Ты говоришь, фронт далеко? По карте — да. А у нас здесь каждый день и каждую ночь фронт. Мы не знаем покоя. В лесах засели партизаны. Они взрывают скла-

ды, пускают под откос поезда, нападают на обозы с провиантом. Совсем недавно они разгромили здешний гарнизон.

— Вот по этому поводу я и прилетел сюда, Отто,— сказал полковник.— Как же это получилось? Ведь фюрер давно приказал уничтожить все банды этих головорезов, тебе это известно?

— Да, но партизаны не очень-то склонны выполнять приказы нашего фюрера,— горько усмехнулся майор.— Карательные экспедиции не всегда дают должный эффект. Партизаны неистребимы. Особенно эти «Неуловимые». Они где-то здесь, совсем рядом, но... Они действительно неуловимы, черт возьми!

— Надо прочесать лес.

— Прочесывали.

— Ну и что?

— Никого не нашли. А ночью то там, то здесь снова летят в воздух склады.

— Не унывай, Отто. Я привез обстоятельный план ликвидации партизанщины на всей территории Белоруссии. Смотри.

И выложил из портфеля пачку документов и карт.

9

Начальник разведки бригады Кораблев вернулся в штаб из очередного поиска усталый, с воспаленными от бессонных ночей глазами.

— Ну, комбриг, фашисты готовят нам, видно, очень серьезную ловушку,— сказал он, вынимая из планшета несколько бумаг и карту. — Наши ребята нашли у убитого немецкого офицера.

Захваченные разведчиками документы свидетельствовали, что гитлеровцы подготовили для действий против «Неуловимых» полк моторизованной пехоты с артиллерией и минометами и особый батальон. Кроме того, каждой роте придана группа полицейских. План был таков: действовать побатальонно и поротно с разных направлений, чтобы окружить партизанскую бригаду и уничтожить ее.

Ситуация сложная. Надо искать выход из окружения. Единственная возможность вырваться из смертельного кольца фашистов — это пройти через топкое болото. Однако и за болотом тоже следят враги, но не

очень пристально — трудно предположить, что партизаны рискнут идти по непролазной грязи, в которой можно захлебнуться.

Но иного выхода не было, враг уже начал стягивать кольцо, и командование «Неуловимых» приняло твердое решение выходить через болото, подготовив, по совету друзей-старожилов, из прутьев плетеные щиты — они как-то поддержат людей на поверхности, не дадут трясине затянуть их.

Этот маневр блестяще удался. В течение одной ночи бригада вырвалась из окружения и нанесла внезапный удар по карателям, занимавшим боевые позиции на краю болота. Партизаны сосредоточились в густом лесу в нескольких десятках километров от своей прежней базы и в течение двух недель продолжали вести изнурительные тяжелые бои с преследовавшими их гитлеровскими частями.

За это время «Неуловимые» понесли чувствительные потери: сорок человек было убито, несколько бойцов попало в плен к фашистам, и участь их была предрешена. Не вернулась и группа разведчиков, посланная для взрыва моста через Дриссу, которым пользовались немецкие части, брошенные против партизан. В группе этой был и Женя Горбатюк.

При подходе к мосту разведчики натолкнулись на немецкую засаду. Вспыхнул бой. Силы были неравные. Против пятерых партизан действовал чуть ли ни взвод противника. Разведчики уничтожили около двух десятков оккупантов, но и сами при этом погибли. Только Женя, которому разрывной пулей раздробило кость таза, не был убит сразу. Он лежал, истекая кровью, но сознания не терял. Закусив губы от нестерпимой боли, Женя чутко прислушивался к тому, что творится вокруг. Шум боя затихал. Вот уже и совсем тихо...

И вдруг Женя услышал немецкую речь. Он плохо понимал ее, но по отдельным словам, которые успел узнать во время своей работы на немецкой кухне, сумел уловить смысл разговора: гитлеровцы хотели поймать хотя бы одного партизана и доставить в свою часть в качестве «языка».

Совсем близко Женя услышал:

— Смотри, Вилли, нашел! Давай сюда веревку! Вот так. Тащи его!

Жене накинули на ноги петлю и поволокли по кочкам и ухабам.

Неистовая боль пронизывала все его тело. Но он притворился мертвым. У него хватило самообладания не проронить ни звука, ни стона.

Несколько раз немцы останавливались, чтобы проверить, не напрасны ли их старания, ведь им нужен живой, а не мертвый партизан. Сперва им казалось, что он жив, лишь только потерял сознание, что пленного потом удастся привести в чувство и получить от него нужные сведения. Но во время очередной остановки Женя, собрав все силы, затаил дыхание, притворился мертвым.

— Куда мы тащим эту падаль? Смотри, он же подох!— сказал один из гитлеровцев своим спутникам.

— Бросай его, черт с ним!

Они пнули свою жертву на всякий случай несколько раз сапогами. Превозмогая адскую боль, мальчик и на этот раз не шелохнулся, не подал признаков жизни. Гитлеровцы плюнули с досады и ушли.

Всю ночь Женя без сознания пролежал в лесу. Утром его подобрали партизаны из штабного отряда «Неуловимых» и принесли в лагерь.

Несколько дней мальчик метался в жару, бредил, то и дело крича: «ейн-цвей-дрей». Бригадный врач не отходила от его койки в земляном госпитале. В конце концов юному герою удалось справиться с болезнью. Он довольно быстро стал поправляться, выздоровел, и снова с карабином в руках и толовыми шашками в заплечном мешке вместе со своими старшими товарищами пошел на боевые дела.

В бригаде «Неуловимых» Женя провоевал еще целый год, а потом его отправили самолетом на Большую землю. Здесь он вступил добровольцем в армию, закончил школу сержантов и со своей частью дошел до Берлина. Брать его, к сожалению, Жене не довелось. За три дня до капитуляции Германии он был тяжело ранен, отправлен в тыл и полгода пролежал в госпитале. Оттуда он вышел, когда уже умолкли пушки и в Европе и на Дальнем Востоке.

Теперь Евгений Иванович Горбатюк живет все в той же деревне Бузницы, где когда-то начал свою боевую партизанскую жизнь.

Двадцать две операции Пети Лисицына ★

1

Один из боевых разведчиков «Неуловимых» Эдуард Соломон, вернувшись как-то из очередного рейда на «железку», привел с собой паренька.

— Толковый малый, смелый! — отрекомендовал его Соломон комбригу.— Просится к нам.

Вошедший в штабную землянку мальчик лет 14—15 вежливо поздоровался и остановился у входа. За его поясок были заткнуты три гранаты. Трудно было сдержать улыбку, глядя, с какой гордостью он чуть-чуть выпячивал живот, чтобы обратить внимание на свое вооружение.

— Здравствуй, здравствуй! — комбриг пожал ему руку.— Ну, садись, партизан. Как тебя зовут?

— Лисицын Петр Степанович. А вообще, Петя,— бойко отрапортовал парень.

— Есть хочешь?

— Нет, что вы, спасибо. Сыт — вот! — и Петя провел рукой по горлу.

Но когда бывшая при этом разговоре фельдшерица Александра Павлюченкова угостила его куском хлеба, да еще с настоящим сливочным маслом, он стал поглощать это с нескрываемым удовольствием.

— Богатое у тебя вооружение, — кивнул комбриг на гранаты.

— Это еще не все, — похвастался мальчик. — Товарищ Соломон не велел все брать. В другой раз, говорит. У меня есть еще обрез, малокалиберная пятизарядная винтовка, целый ящик патронов, оцинкованный ящик, — подчеркнул Петя. — Я потом сбегаю, принесу... А это вот — документы. — Он вынул из бокового кармана тужурки метрику и справку об окончании 6 классов неполной средней школы.

Так комбриг познакомился с Петей Лисицыным.

2

Петя был сыном почтового служащего в селе Булавки. Он величал отца то почтмейстером, то директором почтамта — в шутку, конечно, потому что булавская почта представляла собой крошечный домик, в котором Степан Фомич Лисицын был единственным работником. Когда началась война и пошли слухи, что немцы скоро будут в Булавках, Петя не поверил этому. Но вот через большак прошли наши отступающие войска. А через день-два на улице села появилась колонна гитлеровцев. Они шли бодро, со смехом, весело переговариваясь между собой, кричали жителям: «Москау капут!», «Ленинград капут!» — и этот торжествующий крик тяжким эхом отдавался в сердцах людей.

С приходом оккупантов почта закрылась. Отец остался без работы. Единственная надежда не умереть с голоду — небольшой клочок земли, на котором весной были посажены картошка и овощи. Но и эта надежда вскоре исчезла. Осенью в Булавки пригнали военнопленных собирать урожай для захватчиков. Тут Петя увидел, как зверски обращаются фашисты с бойцами нашей армии, попавшими в плен. Изнуренные, высохшие от голода люди с жадностью, торопливо грызли сырую картошку, свеклу, капусту, грызли под страхом смерти. Заметит охранник — можно получить пулю в затылок.

Петя слышал, что некоторые жители Булавок, да и других сел и деревень, тайно собирают оставшиеся после боев на полях и в лесу оружие и боеприпасы. Вместе со своим приятелем Алешей Барановым он

тоже стал бродить по лесам и дорогам. Ему удалось найти ящик патронов, три гранаты, пять запалов к ним и две винтовки — малокалиберную винтовку и настоящую боевую. Эта винтовка показалась ему слишком громоздкой, и он, поорудовав напильником, сделал из нее обрез. Свой арсенал Женя спрятал в погребе, вырыв там глубокую яму, и замаскировал тайный склад сверху ботвой.

Шли дни и месяцы. Запрятанное оружие пока оставалось без применения. Пришла осень, а за нею и зима. С наступлением ее Петя задумал бежать за линию фронта. Эту мечту разделил его друг и ровесник Алексей Баранов. Но в последнюю минуту приятель струсил, отказался, а отправляться один в далекий и трудный путь Петя не рискнул.

Весной стали поговаривать о появлении в районе партизан. «К ним бы!» — размечтался мальчик. Но где найти партизан? Толкуют, что они скрываются в лесах. Петя ежедневно бродил по окрестным лесам, лелея в душе мечту встретиться с партизанами. Но увы, никого из них увидеть не удалось.

В первых числах мая сосед сообщил потрясающую новость. Ночью, когда он возвращался из Полоцка на велосипеде, ему преградили дорогу трое неизвестных и попросили закурить. «Думается, что это партизаны, — рассказывал сосед.— Степенные молодые ребята, уважительные, вежливые. Закурили и ушли в лес».

Через несколько дней партизаны заявили о себе делом. Над Полоцком вспыхнуло могучее зарево. Взорванная разведчиками «Неуловимых» нефтяная база горела всю ночь. Известие об этом быстро разошлось по всей округе. Петя сгорал от нетерпения.

3

28 мая Петя отправился на огород, находившийся за селом, чтобы помочь отцу прополоть бурьян. На огороде была маленькая хибарка. Отец сидел в сторонке от нее необычайно возбужденный и не отрывал глаз от чердачного окна хибарки.

— Ты что, папа, такой? — удивился Петя.

— Ничего, сынок, отдыхаю, уморился, — как-то смущенно ответил отец.

— Отдыхаешь? Но ты какой-то не такой, как всегда.

Отец бросил на Петю настороженный взгляд и тихо спросил:

— Болтать не будешь?

— Что ты, папа? Могила!

— Гости у нас... партизаны, — шепнул он сыну на ухо.— Смотри, Петька, ни гугу.

— А где они?

— На чердаке. Спят как убитые. Сорок километров отмахали за ночь, не шутка!..

Соблазн увидеть сейчас же, немедля, партизан, о которых в народе ходит столько разговоров, был так велик, что Петя тотчас же ринулся на чердак. Луч солнца освещал через окно трех раскинувшихся на сене парней в ватных брюках и куртках. Усталость скосила их, видимо, мгновенно — руки и ноги их были беспорядочно разбросаны, словно существовали сами по себе, отдельно от туловищ.

«Вот это герои!» — с завистью подумал Петя. Особенно он залюбовался одним из них, перетянутым ремнями вокруг талии и крест-накрест через плечи, с пистолетом за поясом.

Очень хотелось обратить на себя внимание партизан. Петя стал кашлять, шуршал сеном, как бы случайно стукнулся даже головой о балку — не помогло. Парни не подавали никаких признаков жизни. Лишь глубокое дыхание напоминало, что они живы и над ними властвует богатырский сон.

«Теперь-то я от вас не отстану!» — решил Петя, спускаясь с чердака. Усевшись на траве, он стал ждать, пока партизаны проснутся. «Как бы уговорить их взять меня с собой?» — волновался он.

Но вот, наконец, отдохнув, парни спустились с чердака в хибарку, и один из них, тот самый, что в ремнях и с пистолетом, озорно подмигнул Пете и спросил не то в шутку, не то всерьез:

— Пойдешь с нами?

Петя сразу почувствовал необыкновенную симпатию к этому человеку, видно простому и веселому.

— А я вас давно жду! — сияя от счастья, ответил мальчик.

— Мать с отцом не рассердятся? Ты сначала с ними поговори.

— Они у меня, знаете, какие — ого!..

Разговор кончился на том, что партизан назначил ему свидание через четыре часа на опушке леса, если он получит разрешение родителей.

— Оружие брать? — спросил Петя.

— А у тебя его много?

— Кое-что есть. — И Петя перечислил все, что у него было спрятано в погребе.

— Гранаты с запалами прихвати, остальное — другим разом.

Эти трое партизан были подрывники «Неуловимых» Эдуард Соломон, Михаил Шаров и Николай Рогачев. Они шли к железной дороге Полоцк — Бигосово. Ночной марш в сорок километров изрядно их утомил, и утром, пробираясь огородами, они встретили отца Пети, с которым партизанская разведка еще раньше установила контакт, и тот охотно предложил им отдохнуть на заполненном сеном чердаке.

Петя побежал домой, надел свой новый костюм, захватил метрику, школьную справку, гранаты и, не попрощавшись ни с отцом, ни с матерью, ни с сестрой Леной, точно в указанный час прибежал на опушку леса. Ему очень хотелось поговорить с родными, но он боялся. Боялся, что его не отпустят. Особо опасался он сестры. Девчонка болтливая, скажет по секрету соседям, те тоже по секрету... Дойдет до фрицев, полицаев, что Петя убежал к партизанам,— несдобровать тогда родным.

В первый же день, вернее, в первую же ночь Петя почувствовал силу партизанского товарищества. Мальчик сразу подружился с Соломоном — тот показал ему пистолет, научил из него стрелять, объяснил, как взрывают железные дороги и пускают под откос поезда. Рогачев был немногословен, но его чуткость и доброта тронули Петю до глубины души. Ночью, когда они улеглись в лесу спать, Рогачев снял с себя ватник и укрыл своего юного товарища.

— Замерзнешь, скажи, еще что-нибудь придумаем.

В ночь с 29 на 30 мая Петя получил боевое крещение. Он вместе с Соломоном закладывал заряд, а Шаров и Рогачев несли охрану. Соломон рассказывал, что мальчик проявил редкое самообладание. Он деловито тащил за собой бикфордов шнур на железнодорожное полотно, просовывал его под рельсы.

И когда темное небо озарилось вспышкой, раздался оглушительный взрыв и грохот громоздящихся друг на друга вагонов, Петя только поглубже втянул голову в плечи и приник к земле. Потом вместе со всеми он стойко перенес весь многокилометровый переход обратно в лагерь. И теперь, когда он пришел в бригаду, это был уже в сущности обстрелянный боец.

4

— Ну, что же мы с тобой делать будем, Петя? — спросил комбриг после некоторого раздумья.

— А со мной ничего делать не надо, товарищ командир, — как-то совсем по-взрослому ответил Петя. — Так и буду с товарищем Соломоном.

Комбригу не хотелось подвергать мальчика каждодневным опасностям.

— Лучше всего, пожалуй, пойти тебе пока на кухню — там тоже нужны хорошие люди, — сказал он.

Если бы вот сейчас с ясного, летнего, голубого неба пошел снег — это не произвело бы, пожалуй, на паренька такого ошеломляющего впечатления, как столь неожиданное предложение. По его широко раскрытым глазам видно было, что он оскорблен в своих лучших чувствах.

— Ну, как, Петя?

Он опустил голову, долго молчал, а потом, тяжело вздохнув, тихо произнес:

— Если нужно, чтобы я был на кухне,— пойду на кухню. — Но в голосе его звучала нескрываемая обида.

Петя оказался удивительно исправным помощником повара. Посуду он содержал образцово, обед раздавал почти без опозданий, а это было немалым достижением в партизанском быту. Но, начищая до блеска кастрюли и черпаки, мальчик не оставлял мысли, как он выражался, «оторваться от щей» и выйти на более широкие просторы партизанской жизни. Но как это сделать? Просить комбрига бесполезно. Однажды попытался — ничего не вышло: «Подожди, не торопись, успеешь». А что, если подружиться получше с кем-нибудь из разведчиков, подрывников, которые часто совершают такие интересные дела, что дух за-

хватывает. Ну, вот хотя бы с Женей Телегуевым. В конце концов он тоже не бог весть какой старик. Всего на четыре года старше, ему только девятнадцать, а ходит на задание старшим группы. «А почему же я не могу хоть бы самым младшим? — спрашивал себя Петя. — Поднести что-нибудь, подать, подержать. Ведь разрешал же Эдуард Соломон тащить бикфордов шнур, закладывать под рельсы...»

Все эти и подобные мысли не давали Пете покоя. И он решил во что бы то ни стало завязать близкое знакомство с Телегуевым, чтобы с его помощью попытаться проникнуть в «запретную зону» партизанских дел, куда комбриг все еще не разрешал ему входить.

Но с чего начать это знакомство? Как бы, чем бы обратить на себя внимание Евгения?

Злые языки уверяли, что, когда во время обеда к кухне подходил Телегуев, Петя запускал черпак поглубже, чтобы подбросить в его котелок побольше гущины.

Однажды Телегуев обнаружил в постных щах кусочек сала — грамм сто, богатство по тем временам! — и никак не мог понять, почему помощник повара выделяет его и великодушно потчует такими деликатесами, нарушая все неписаные законы партизанского братства.

— Это что такое? — спросил Телегуев, выудив ложкой из котелка щедрый дар. — Так у нас не полагается. Если всем — другое дело, а одному — не годится. — И пристально посмотрел Пете в глаза.

Петя растерялся. Он никак не ожидал, что его добрые чувства могут вызвать недовольство.

— Я... я не заметил, я нечаянно... Честное слово!.. — залепетал он, краснея и смущаясь. Ему даже себе стыдно было признаться в содеянном.

— Так не надо больше, Петя! — понимающе улыбнулся Телегуев. — Мы с тобой и так договоримся, идет? Я ведь знаю, что тебе хочется.

О черпаке с гущиной и попыткой «подкупить» его куском сала Телегуев полушутя рассказал как-то комбригу.

Комбриг долго смеялся, а потом серьезно произнес:

— Взятка, значит, так-так... А вы знаете, товарищ партизан, как карается взятка в военное время? И тех, кто дает, и тех, кто берет...

— Так точно, товарищ комбриг, — отчеканил Телегуев. — Только я ведь вернул ему сало — все видели.

— Ну, а гущину?

Телегуев усмехнулся:

— Виноват, товарищ комбриг, съел. Не заметил.

— Так вот что придется сделать, товарищ старший группы. Уж если парню так не терпится ходить на «железку», что он решается на уголовные преступления,— попробуйте, испытайте мальчишку в деле. Берите его с собой иногда.

Так юный партизан сменил кухонный черпак на карабин.

5

В канун нового, сорок третьего года группа Телегуева направлялась в район станции Ветрино с очень важным поручением: взорвать эшелон с живой силой и боеприпасами, идущий по направлению к линии фронта. Впереди, как обычно, шел Телегуев. Шел, как всегда, спокойно, изредка останавливаясь и прислушиваясь к тому, что происходит вокруг. Ни один, пусть даже малейший шорох не ускользал от его чуткого слуха. Лишь убедившись, что шорох этот не представляет никакой опасности, Телегуев возобновлял движение. Это не было признаком трусости, далеко нет! Телегуев был решительным, смелым, храбрым парнем. Но его отвага всегда сочеталась с трезвым расчетом, умением разобраться в обстановке и оценить ее. И поэтому, конечно, совершаемые его группой операции проходили большей частью благополучно.

...Итак, впереди Телегуев. За ним шествует коренастый широколицый молчаливый белорус, бывший тракторист Корсак, третьим идет со своим неизменным карабином Петя Лисицын. Группу замыкает пулеметчик Зыбкин — шеф-повар бригады, владеющий удивительным секретом из очень скромных продуктов готовить приличный обед, и в то же время отличный стрелок; изредка он выходит «в жизнь» — на боевое задание, чтобы размять немного свои поварские кости и освежиться. Все одеты в белые халаты.

День пасмурный. Солнце так и не пробилось сквозь густую свинцовую толщу облаков. Ночь надвигается быстро, и опушенные снегом ветви елей сердито хле-

щут своими колючими иглами по лицам путников.

Вот лес стал заметно редеть, и впереди между деревьями забелел откос насыпи. В ночной тишине слышны тяжелые вздохи локомотива на станции, глухой стук молотка по колесам вагонов, в воздухе носится едкий запах дыма паровозной топки. Еще один рывок — лес кончается. Метров двести — и железнодорожное полотно. Каждый шаг отдает глухим эхом в груди. Снег так громко хрустит под ногами, будто хочет предать, выдать смельчаков врагу, который, несомненно, притаился где-то на путях.

До полотна метров тридцать, не больше. Группа залегла. Как приятно опуститься на землю, пусть холодную, покрытую толстой периной снега, лишь бы снять с онемевших плеч вещевые мешки, полежать, не двигаться несколько минут, вытянуться во весь рост.

Успокоился паровоз. Не дышит. Умолк стук молотков по колесам. Слышно только нудное монотонное гудение проводов, да изредка потрескивают на морозе рельсы. Вдруг со стороны станции донесся пронзительный гудок паровоза, словно испуганный крик. Но паровоз тут же замолчал, словно кто-то перехватил ему дыхание или втиснул в его могучую глотку стальной кляп.

Пора!.. Но... что такое? Звонко хрустит снег. Идут! Один? Нет, топот ног нескольких человек.

— Слышишь, Петя? — шепчет Телегуев.

Петя кивает головой и сильнее сжимает в руках карабин. На высокой насыпи мелькнули три силуэта в белых маскировочных халатах. Патруль! Петины пальцы невольно тянутся к затвору, но Телегуев решительно кладет руку на его карабин: «Молчи, не стреляй!» Патруль проходит, возвращается и вскоре исчезает.

Со стороны станции зашуршало, зашумело.

— Отправляется! — снова шепчет Телегуев.

— Пошли? — приподнялся Петя.

Ветерок отчетливо донес тяжелое дыхание паровоза и лязг буферов.

— Пошли, Петя!

Телегуев и его юный помощник взбираются по насыпи. Зыбкин и Корсак остаются в охранении. Вот на повороте мелькнули искры, сыплющиеся из топки паровоза. Где стык рельсов? Там лучше всего зало-

жить мину. Есть стык — вот он! Петя складывает у рельсов куски плавленого тола и пригоняет их к стыку. Телегуев вкладывает капсюль и вставляет «волшебную палочку». Петя засыпает заряд снегом. Эшелон уже совсем близко. Снопы света от паровозных фар быстро бегут по полотну, приближаясь. Петя сползает по откосу насыпи. Самый опасный и напряженный момент. Сейчас Телегуев вынет предохранитель. Малейшая оплошность — и конец. Но Петя верит, что Евгений, как всегда, все сделает смело, но осторожно.

Поезд мчится на всех парах. Телегуев машет рукой. Это сигнал всей группе — отходить! Все бегут прочь от дороги в густой кустарник. Паровоз уже совсем близко.

Огромная ослепительная вспышка рвет свинцовую темноту. Вслед за ней — раскаты оглушительного грома. Всколыхнулась, вздрогнула под подрывниками мерзлая земля. Черная фыркающая туша паровоза подскочила и всей тысячепудовой тяжестью рухнула набок. Затрещали вагоны. Скрип железа, звон стекла, треск дерева. В небо летят тучи песка, щебенки, снега, обломки...

Около трехсот гитлеровцев было убито и ранено в этой операции.

6

Петя Лисицын вместе со своими старшими товарищами прошагал по «железкам» около двух лет. Он проделал тысячи километров в жару и в зимние морозы, в распутицу и в ненастные дни. Он ходил по болотам, часами лежал ночью, зарывшись в снег, у железнодорожных путей, выбирал удобный момент, чтобы взобраться по скользкой обледеневшей насыпи, высотой подчас в трехэтажный дом, со своим нелегким грузом и установить на рельсах толовый заряд.

Блестящее проведение Петей всех операций объяснялось тем, что он был в то же время смелым и умным разведчиком. Прежде чем пойти на задание, он тщательно изучал обстановку, предусматривал все мелочи. Поэтому все так удавалось юному партизану.

В двадцати двух операциях участвовал Петя Лисицын. Он закладывал взрывчатку под рельсы

железных дорог в Белоруссии, Литве, Латвии, где хозяйничали фашисты. Летели с путей поезда на линиях Полоцк—Невель, Молодечно—Лида, Лида—Вильнюс, Вильнюс—Каунас, Великие Луки—Рига. Пламя озаряло по ночам вздыбленные вагоны со снарядами, патронами, платформы с пушками и танками.

В мае сорок четвертого года Петя чуть не погиб. После выполнения боевого задания на железной дороге Лида—Вильнюс группа, в которой он был, попала в очень сложный переплет. На деревню, в которой партизаны остановились отдохнуть, внезапно напала банда польских националистов. Пете и Григорию Тяулишвили руководитель группы приказал прикрывать отход. Захватив сапоги, вещевой мешок и оружие, Петя босиком выбежал из сарая, где они отдыхали, на гумно. Бандиты тем временем вплотную уже приблизились к сараю и стали его обстреливать. В ходе боя Тяулишвили оторвался от Пети, и тот остался один. Не сразу Петя заметил, что почти со всех сторон окружен. Он попытался прорваться, но ото всюду его встречали огнем ползущие навстречу бандиты.

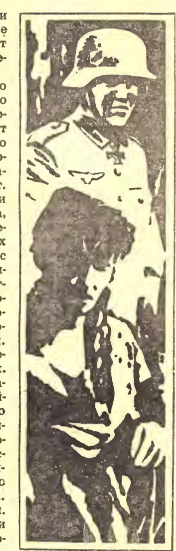
Но все же Пете удалось прорваться. Вскоре в лесном овраге он встретил своих товарищей.

В июле, буквально накануне встречи с частями Красной Армии, в то время громившей фашистов на всех фронтах, группа разведчиков-подрывников, возвращаясь из очередного рейда на линию Молодечно—Лида, наткнулась на немецкую засаду. Петя был ранен в плечо осколком гранаты. Рана эта, к счастью, оказалась легкой и через несколько дней зажила, оставив на теле едва приметный рубец.

После войны Петя служил в армии, затем окончил заочное отделение юридического факультета Латвийского университета. Теперь он уже, конечно, не Петя, а Петр Степанович, известный юрист. К 20-летию победы Петр Степанович Лисицын был награжден орденом Ленина.

Прощальный салют ★

1

Девочки спали спокойно. Они не сомневались, что такие хлопцы, как Виталий, сумеют оградить их от всех бед и несчастий.

Да, война уже началась. Но немцы никогда и ни за что на свете не доберутся до Полоцка. А если они посмеют приблизиться к городу, то эти расчудесные веселые парни покажут проклятым фашистам, где раки зимуют. Вера и Надя Попковы были уверены, уверены до конца, что под охраной таких смелых и храбрых ребят с их необыкновенными пушками с длиннющими стволами, пушками, которые при одном легком движении рычага способны сокрушить огнем любой самолет с бомбами, совсем не о чем волноваться. Зенитчики расположились неподалеку от дома Попковых. Девочки часто бегали на батарею, разговаривали с бойцами, приносили им горячую пищу. Сперва те от нее решительно отказывались, но потом было заключено дружеское соглашение: бойцы принимают щи или суп только в обмен на свой сухой паек. Спокойно спали девочки. И свою больную мать они убеждали, что бояться совершенно нечего.

— Ты, мамочка, не беспокойся. Ну посмотри, какая у нас надежная защита, — говорили они, показывая в окно на сидящих возле своих орудий артиллеристов.

Но...

Виталий был, конечно, замечательный парень и храбрый командир. И все-таки он, видимо, — это потом поняли девочки, — не обладал все же таким могуществом, как им представлялось раньше. Вскоре над городом стали летать фашистские самолеты и бросать бомбы. Да, по команде Виталия стволы орудий мгновенно поднимались к небу и обрушивали на стервятников шквал огня, где-то действительно камнем летел вниз самолет, охваченный пламенем, но бомбы все же падали на улицы города. То тут, то там клубился черный дым разрыва, взлетали в воздух кирпичи, сорванные с крыш листы жести, оконные рамы, загорались дома. Было очень страшно.

И совсем страшно стало 14 июля. Вера, как обычно, принесла бойцам суп. Виталий встретил ее у входа в землянку — озабоченный, взволнованный. Куда только девалась его прежняя веселость, обаятельная улыбка.

— Здравствуй, Веруха, здравствуй! — ответил он на приветствие девочки. И, заправив под пилотку ползущие на глаза волосы, добавил: — Спасибо, родная, но только не до обеда теперь. Уходим, моя хорошая.

Вере показалось, что земля закачалась под ногами.

— Куда? — едва сорвалось с побледневших губ.

— Туда, девочка. — Виталий показал рукой на восток. — Получен такой приказ.

— А мы как же? — совсем по-детски спросила Вера, и в тоне ее голоса были и упрек, и недоумение, и растерянность.

Виталий развел руками, не нашел сразу слов для ответа, но потом, собравшись с духом, твердо сказал:

— Мы ненадолго, Веруха, скоро вернемся. Иначе быть не может.

И снова стал заправлять выбивавшийся из-под пилотки непокорный вихор.

— А это правда, что ненадолго? — Вера старалась в глазах Виталия прочесть верный ответ.

Но он опустил голову и как-то неопределенно сказал:

— Зачем же я буду говорить тебе неправду?

Преодолев смущение, он протянул Вере руку и торопливо заговорил:

— Ну, прощай покуда. Нам пора собираться, не взыщи. До свидания. Маме привет, сестренке. Спасибо всем вам за ласку. Может, еще увидимся.

Вера шла домой опустошенная, задумчивая. Внезапный уход батареи посеял в ее душе тревогу. Углубившись в свои мысли, она не заметила даже, что кастрюля с супом, которую она несла в авоське обратно домой, накренилась набок и позади по земле узенькой полоской тянется длинный мокрый след.

— Ты что, дочка?— встревоженно спросила мать, увидев, что Вера, едва войдя на кухню, поставила кастрюлю с остатками супа на стол, присела на табурет и закрыла лицо руками.

— Уходят, мамочка, — с трудом сдерживая слезы, сказала Вера.

— Спаси господь! — перекрестилась мать и тяжело вздохнула.

В окно Вера видела, с какой поспешностью сворачивается батарея. Бойцы зачехляют орудия, грузят на автомашины ящики со снарядами.

К вечеру на том месте, где стояли зенитчики, остались лишь ямки, канавки и кучи мусора. Осиротела землянка с разбитым стеклом.

Через весь город почти всю ночь тянулись на восток наши отступающие воинские части.

2

Утром 15 июля прокатился тревожный слух: со стороны Боровухи идут немцы. Был солнечный день, на небе ни облачка, но не видно было ни солнца, ни неба. Все заволокло дымом пожарища. Вера и Надя смотрели в окно с замирающим сердцем. В углу комнаты на кровати лежала тяжело больная мать. Она стонала, ворочалась с боку на бок и едва слышно спрашивала:

— Уже?

— Нет, мама. Может, зря болтают. Спи!

Но вот откуда-то издалека послышалась музыка —

чеканная, железная, давящая на сердце. Она все ближе, ближе... По мостовой загрохотали танки, за ними следом — грузовые машины.

А вскоре фашисты рассыпались по домам и стали тащить все, что ни попадало под руку.

Стук в дверь Попковых. Девочки вздрогнули:

— Кто там?

Из-за двери послышались какие-то немецкие слова, и снова стук — требовательный, угрожающий...

Белобрысый унтер долго копался в шкафу, комоде, выбросил все вещи на пол, недовольно мычал. В квартире Попковых особо поживиться было нечем. Грабитель мечтал, видно, о ценных вещах, но их не оказалось. И вдруг — находка! В углу шкафа унтер обнаружил висящее там нарядное платье Веры. Новое, шелковое, голубое с серебристыми цветами — первое «взрослое» платье.

Фашист обрадовался и этому.

— Это моя Эльза карашо!..

Вера вздрогнула — ведь это ее единственное богатство! Она попыталась вырвать из рук унтера платье, но он грубо оттолкнул ее, и она упала к матери на кровать.

— Оставь, Вера. Пусть берет. Пусть все берет, пусть, — простонала мать.

Вера видела, как голубой шелк с серебристыми цветочками, небрежно скомканный грабителем, нырнул в его рюкзак. Долго смотрела девочка вслед унтеру, когда он, воровато прихватив по пути к выходу полотенце, висевшее на гвозде возле двери, нагло улыбнулся, поднял руку, сказал «хайль!» и ушел.

Скоро на базаре появились первые виселицы. Для устрашения жителей казненные гестаповцами советские люди по нескольку дней качались на ветру. Погромы, облавы, грабежи, насилия, пытки, убийства принесли гитлеровцы в мирный город. Пытки физические фашисты дополняли и пытками моральными. Можно было слышать, как кто-то из них часто и долго вертит на патефоне одну и ту же пластинку: «Любимый город может спать спокойно».

Пьяные голоса на ломаном русском языке подхватывали эту песню и несли ее по улицам и переулкам, еще больше растравляя души горожан.

Подняли головы проходимцы, готовые за понюшку

табаку из кровавых рук фашистов предать родственника, соседа, товарища по работе — кого угодно, лишь бы угодить оккупантам, выслужиться у них. Вера видела своими глазами, как мордастый мясник, раньше торговавший на рынке требухой, с видом властелина прогуливался в полицейской форме возле городского сада и размахивал резиновой дубинкой.

За одну-две недели девочки стали не по годам серьезными. Мысль «что делать, как жить?» неотступно преследовала их. Бежать к своим? Но фронт стремительно отдаляется от Полоцка. Бои идут уже за несколько сот километров. Все чаще и чаще девочки вспоминали своего друга-зенитчика Виталия. Где-то он теперь?.. И когда они видели военнопленных — оборванных, едва волочивших ноги, закутанные в тряпки или обутые в деревянные ботинки, они пристально всматривались, нет ли среди этих несчастных и Виталия.

Зима прошла в мучительных раздумьях, в страхе, в поисках путей к борьбе с врагом.

3

По соседству с Попковыми жил грузчик полоцкого паровозного депо Титов. Был у него сын Ваня — озорной, непоседливый мальчик. Он учился в одной школе с Верой и Надей, был года на три моложе, не раз дергал их за косички.

Когда возле дома Попковых встала на позицию батарея зенитчиков, Ваня с нескрываемой завистью и даже какой-то недоброжелательностью наблюдал издали, как быстро девчонки проникли в такое интересное общество. Он злился: «Ну что они понимают в военном деле!» — и решил во что бы то ни стало тоже поближе познакомиться с артиллеристами. Очень уж хотелось ему своими руками потрогать настоящие пушки, которые так легко и грациозно ворочают во все стороны своими стальными хоботами.

Обращаться за помощью к девчонкам Ваня считал ниже своего достоинства: «Подумаешь!» И стал действовать самостоятельно. Он выпросил у отца пачку махорки и, выбрав удобный момент, когда бойцы отдыхали после обеда, растянувшись на траве у своих орудий, подошел к ним и предложил закурить. Зна-

комство состоялось. Мальчика приветили, и с памятного дня он вместе с Верой и Надей навещал батарею и с волнением слушал рассказы зенитчиков об армейской службе, их родных местах и радовался, когда бойцы уверяли, что захватчики, несомненно, найдут свою гибель на советской земле.

Весной сорок второго года оккупанты начали вывозить из Полоцка в Германию молодежь. Парням и девушкам опасно было появляться на улицах — их хватали и сажали в эшелоны. Вера и Надя старались не выходить из дому и поддерживали связь с внешним миром через Ваню.

Бойкий, шустрый, пытливый паренек целыми днями бегал по городу, узнавал всякие новости, а вечером рассказывал девочкам, что видел и слышал.

Однажды Ваня прибежал к Попковым необычайно возбужденный. Кепка съехала на затылок, глаза горят.

— Ну, девчонки! — захлебываясь от восторга, воскликнул он. — Все!

— Что «все»? — сестры недоуменно посмотрели на мальчика.

— Гитлер капут! — энергично взмахнул он рукой. — В Невеле наши появились, рвут фрицам поезда.

— Какие «наши»? Что ты говоришь?

— Ну какие «наши»? Партизаны, конечно, — уверенно заявил Ваня.

Для оккупантов действительно начались тревожные дни. Вокруг Полоцка в лесах появились партизаны. В первых числах мая после налета партизан на фашистский гарнизон, находившийся в совхозе «Полота», в Полоцк в одном белье прибежали несколько полицейских, которым случайно удалось уцелеть. В те же дни партизаны изгнали гитлеровцев из деревни Зеленки, а захваченное теми на маслозаводе молоко и масло роздали населению. Вскоре после этого были разгромлены гарнизоны в деревнях Соколище, Селявщина, Ушачи. Взрыв группой «Неуловимых» полоцкой нефтебазы произвел особенно сильное впечатление. Население с большой радостью встречало каждое известие об успехе партизан.

Фашисты пытались, но не могли скрыть того, что

сотни советских бойцов и командиров бежали из лагерей военнопленных и примкнули к партизанам. Неутомимый Ваня Титов сообщил также девочкам, что врачи, сестры, санитары — советские люди, которых оккупанты вынудили работать в своем госпитале, также бежали в леса. Во многих селениях создавались новые партизанские отряды.

Вера и Надя тоже задумали уйти в лес, присоединиться к смелым людям, борющимся против фашистов. Но как быть с больной матерью? Взять ее с собой нельзя — она слишком слаба. Оставить? Могут убить. Вот если бы можно было, оставаясь в городе, как-то связаться с партизанами, помогать им!

Девочки заметили, что в дом живущей через дорогу их знакомой Акулины Моисеевны заходят иногда какие-то неизвестные люди. Появляются эти люди всегда или очень рано утром, или поздно вечером. Неужели они из леса? Может быть, это и есть партизаны, которых Вера и Надя ищут? Сестры решили откровенно поговорить с Акулиной Моисеевной. Эта добрая женщина всегда хорошо относилась к их семье.

И вот, зайдя к соседке, Вера без обиняков спросила:

— Вы не знаете, тетя, как можно познакомиться с кем-нибудь из партизан?

Акулина Моисеевна вытирала в это время посуду на кухне. Чашка выпала из ее рук и со звоном разлетелась на мелкие куски.

— Что ты, милая, откуда мне знать таких людей! — ответила она, не глядя на Веру, и стала подметать веником пол.

— А почему вы чашку уронили? Вы не думайте, тетя, что я... что мы... Вы же знаете нас, мы вас никогда не подведем. Мне с Надюшкой очень надо поговорить с ними, может, мы сумеем им чем-нибудь помочь.

Акулина Моисеевна молча собрала осколки чашки и, все еще не поднимая глаз, тихо спросила:

— Язык-то у вас крепко на привязи? Не проболтаетесь?

— Что вы, тетя!

— Ну, ладно, смотрите.

Акулина Моисеевна вынула из шкафа кусок мыла и сказала:

— Идите, девочки, в Дмитровщину. Если остано-

вят парни с винтовками — не бойтесь! Покажите им это мыло. Найдете там кого надо.

Вера завернула мыло в тряпочку и на другой день вместе с Надей отправилась в село Дмитровщину.

Долго блуждали девочки по полям и лесам, чтобы обойти полицейский гарнизон в селе Белом, стоящем на их пути, не доходя пяти километров до Дмитровщины. Им удалось благополучно миновать Белое. На окраине Дмитровщины девочкам преградили путь четверо вооруженных парней.

— Куда путь держите, красавицы?

— Вот! — Вера молча развернула тряпочку, достала мыло.

Парни улыбнулись.

— Раз такое дело, проводи, Вася,— сказал старший одному из бойцов. Тот закинул автомат на плечо.

— Пошли, девчата!

Гулко забилось сердце. Наконец-то они попали к своим. Как только вошли в село — навстречу им показался знакомый человек. Неужели? Не может быть? Нет, нет, не ошибка. Перед девочками стоял их школьный учитель Павел Ермолаевич Гуков.

— Вот, товарищ начальник, к вам, — сказал Вася, кивнув на своих спутниц.

— Вера, Надя, какими судьбами? — Гуков обнял своих бывших учениц, расцеловал их.

Потом он проводил девочек в дом. За столом, просматривая бумаги, сидел человек с седеющими висками:

— Знакомьтесь, Павел Алексеевич, — сказал Гуков. — Наши новые кадры.

Начальник разведки «Неуловимых» приподнялся.

— Могучее, могучее пополнение, — улыбаясь, сказал он.— Ну, здравствуйте! — он пожал девочкам руки. — Садитесь поближе, потолкуем.

Его дружеский разговор, пересыпанный шутками, сердечная заинтересованность в их судьбе, отеческая забота, настойчивые предупреждения об осторожности — все это сразу расположило сестер Попковых к человеку, который стал отныне их руководителем, наставником, старшим товарищем. Вера и Надя почувствовали, что после многих месяцев беспросветного мрака и безысходности они нашли, наконец, больших и верных друзей.

Вернувшись домой, они стали ждать новых поручений. Им были назначены явки в самом Полоцке; в случае необходимости перед ними открывались пути и в Дмитровщину, где помещался тогда центр разведки «Неуловимых».

Непосредственное «шефство» над сестрами Попковыми Кораблев поручил начальнику разведки одного из отрядов «Неуловимых» сержанту государственной безопасности Григорию Савватееву. Это был решительный человек, отличавшийся гибким умом, ловкостью, смелостью. В своем секторе — Полоцк—станция Обыль — Витебск—Боровуха — он сумел хорошо организовать разведывательную работу, привлек к этому делу надежных людей и получал от них много важных и полезных сведений.

4

— Ну-с, девочки, так что мне с вами делать? — сказал Савватеев, поздоровавшись с сестрами и усадив их на скамейку рядом с собой.

— Вы просто скажите, что нам делать, и мы с Надей все сделаем, — сказала Вера. — Да, да, сделаем,— подтвердила она, уловив ироническую улыбку на лице начальника разведки.— Вы не смотрите, что мы такие... — она хотела сказать «маленькие», но решила, что в шестнадцать лет уже можно и не называть себя ребенком.

— Я вижу, что вы вполне взрослые люди, — подбодрил Савватеев своих новых помощниц. — Ну, что вам поручить для начала? — подумал он. — Давайте вот что: будете распространять газеты, листовки.

— Хорошо, — согласилась Вера.

— Учтите, девочки, что это очень сложная и опасная работа, — предупредил Савватеев.

— А мы потихонечку, осторожно.

— Все это, конечно, правильно, — согласился Савватеев, — но каким образом вам делать это с наименьшим риском для себя — мы поговорим. А теперь еще вот что...

Савватеев настоятельно посоветовал сестрам устраиваться на работу, чтобы их не угнали в Германию. А устроиться не просто. От угона в Германию может спасти лишь работа на немцев.

— Мы? К немцам? Служить фашистам? — возмутилась Вера. — За кого вы нас принимаете?

— За преданных нашему общему святому делу девчат, — улыбнулся Савватеев. И объяснил, что, служа у оккупантов, девочки смогут очень помочь партизанам.

Вера и Надя получили от Савватеева подробные инструкции и наставления, как им действовать.

Возвратясь домой, девочки тщательно обдумали свои дальнейшие действия. На следующий день они пришли в немецкую комендатуру и заявили, что в такое время, когда в Европе устанавливается «новый порядок», стыдно сидеть дома и ничего не делать.

— Мы бы очень хотели у вас работать, — сказала Вера дежурному офицеру.

— Карош, то есть ошень карош! — сказал он и направил их в столовую батальона охранников железнодорожного узла. Этот батальон был сформирован из военнопленных.

Заведующий столовой, толстый унтер-офицер с лоснящимся от жира лицом, объявил Вере и Наде, что они зачисляются уборщицами и обязаны приходить на работу в пять часов утра.

Как и советовал Савватеев, они с первого же дня начали работать старательно — исправно мыли окна, скребли полы, стирали тряпки, в свободные часы их посылали и на кухню — чистить картошку.

Через Ваню Титова, который к тому времени стал их главным связным, сестры Попковы передали начальнику разведки, что выполнили его указание и ждут дальнейших распоряжений.

5

Ваня Титов, или Титок, как прозвали его партизаны, ловко выполнял свои обязанности связного. Часто на лесных тропах, ведущих из Полоцка в ближние села, можно было встретить маленького крепыша с корзинкой грибов и лубяной котомкой за плечами.

Он шел, весело насвистывая какую-то, может, ему одному понятную мелодию.

— Стой, кто идет? — остановил его однажды поли-

цейский патруль на окраине города. И Титок услышал, как лязгнул затвор автомата.

— Ну чего вы, дяденьки, «кто идет»? — с детской непосредственностью сказал он. — Разве не видите, я иду.

— Куда тебя черт несет в такое время? Сидел бы дома на печке, а то шляется невесть где и зачем. Прихлопнут тебя по дороге, как мышонка, будешь тогда знать.

— Я, дяденька, к бабушке иду, в Песчанку, Прасковья Гавриловна, не слыхали? Мировая бабка, честное слово, ее весь район знает. Вот грибочки ей несу.

— Ну, валяй к своей мировой бабке, — усмехнулся полицай. И, наградив его подзатыльником, отпустил восвояси.

— Ауфвидерзейн, дяденьки! — крикнул Титок, удаляясь.

Ох, если бы знали полицаи, к какой бабушке и зачем идет этот шустрый мальчуган!..

В селе Песчанка давно ждали юного связиста. Учителя-супруги Вероника Семеновна и Матвей Афанасьевич Мищенко имели для него важное поручение командования «Неуловимых». Учителя эти были одними из тех подпольщиков-невидимок, которые помогали партизанам успешнее бороться с противником и наносить ему как можно больший урон.

— Что-то давненько тебя не было, Ванюша, — сказала Вероника Семеновна.

— Некогда было, — важно сказал Титок. — Дел у меня, знаете, сколько?

— Какие же у тебя дела?

— Ну какие... Всякие,— уклончиво ответил мальчик, храня доверенные ему тайны. За несколько дней он действительно успел сделать немало важных дел. Несколько раз побывал в штабе бригады в Дмитровщине, виделся с Савватеевым и передал ему добытые сестрами Попковыми сведения о количестве эшелонов с вооружением, прошедших через станцию Полоцк на восток.

— Ладно, Ванюша, — понимающе кивнула Вероника Семеновна.— Иди поешь, отдохни немного с дороги, а потом уж поговорим о деле.

Дело на сей раз оказалось не совсем обычным,

— А ну-ка, давай примерим, — сказал Матвей Афанасьевич, когда юный разведчик наелся бульбы и выпил два стакана кипятку с леденцами.

— Это что, дядя Матвей? — удивленно сверкнул глазами Титок, увидев, что старый учитель подает ему широченный пояс со множеством искусно вшитых в него карманчиков.

— Примерь, Ванюша, а потом я тебе все объясню.

Пояс пришелся пареньку по фигуре. Расчудесный поясок! Носить его следовало на голом теле под рубашкой. В поясе легко можно было спрятать не один десяток экземпляров листовок.

В то время и «Неуловимые» и подпольный райком партии наладили выпуск сводок Совинформбюро, прокламаций, обращений — и к населению, и к военнопленным, и к немецким солдатам. Печаталось все это в погребе одного глухонемого колхозника в деревне Топоры. Во многих населенных пунктах появилась эта нелегальная литература, приводя в бешенство оккупантов. По приказу гаулейтера Белоруссии полицейские обязаны были немедленно по обнаружении уничтожать эти крамольные листовки и на месте расстреливать тех, кто осмеливался их распространять. Но как ни усердствовали полицаи, очень многие жители из листовок узнавали правду о положении на фронтах, о боевых действиях партизан. Это бодрило народ, вдохновляло, укрепляло веру в то, что черным дням оккупации обязательно наступит конец.

Пачку листовок с последними сводками Совинформбюро в специальном поясе и должен был доставить Титок в Полоцк.

Он не шел, а, казалось, летел по глухим лесным тропинкам. Ему не терпелось скорее доставить ценную ношу тете Акулине, сестрам Попковым, а они-то уж знают, что с ними делать.

В лесу пели птицы. Пели мелодично и звонко. Вот так же пела сейчас и душа Вани. Ему, мальчишке, доверили такое важное дело! Но было и тревожно: «А вдруг задержат полицаи, обыщут, найдут? Пройду!» — спешил он успокоить себя.

К вечеру в Полоцк вошел хроменький паренек с котомкой за плечами. Он опирался на суковатую палку.

— Ты куда, малый? — остановил его полицай.

— Домой, дяденька, — жалостливо ответил паренек. — Корки собирал по деревням. Смотрите. — И, сняв с плеч котомку, показал огрызки хлеба.

— Пошел вон! — пугнул его полицай.

Утром комендант города полковник фон Никиш потребовал к себе начальника полиции.

— Что у вас под носом творится? — свирепствовал комендант. — Вы видели украшения на домах и заборах?

— Так точно, господин полковник... Принимаем меры, господин полковник... Виноват, господин полковник...

— Немедленно сорвать, поймать, расстрелять! — неистовствовал комендант.

— Слушаюсь, господин полковник.

Но не так-то легко и просто было уничтожить эти листовки. Тетя Акулина умудрилась приготовить такой клей, что они держались словно впаянные, отодрать листовки было очень трудно. Сотни горожан успевали прочесть правдивое слово с родной земли. И укреплялась надежда, что вернутся, обязательно вернутся светлые дни. Поскорее бы!

6

Однажды Титок, придя в Песчанку за очередным поручением, увидел во дворе школы толпу народа, услышал звуки баяна и удалые песни. Такое веселье при немцах? Почему? Ваня остановился в нерешительности.

— Не бойся, тут все свои! — раздался за его спиной знакомый голос.

Он обернулся. Перед ним стоял, улыбаясь, Савватеев.

— Ой, дядя Гриша! — обрадовался Титок.

— Ну, здравствуй! — Савватеев протянул руку.— Пойдем, пойдем. Тут у нас концерт.

Это и в самом деле был концерт. Выступал ансамбль песни и пляски бригады «Неуловимых» по случаю освобождения Песчанки от захватчиков. Отныне Песчанка входила в партизанскую зону, в пределах которой уже не было власти захватчиков. И по этому случаю ансамбль и прибыл в село.

Послушать партизанских самодеятельных артистов

пришли сотни людей из окрестных сел и деревень. Были гости даже из дальних мест, из-за Дриссы. Ваню посадили в самом переднем ряду.

После концерта Савватеев представил своего самого юного разведчика руководителю ансамбля, замполиту по комсомолу бригады «Неуловимых». Это был студент-филолог Файнгелеринт, который вместе с небольшой группой чекистов в феврале сорок второго года перешел линию фронта для организации партизанской борьбы.

Увидев в руках руководителя ансамбля вместо дирижерской палочки новенький автомат ППШ и у пояса маузер, Ваня проникся к нему величайшим уважением.

— Ты почему так смотришь? — заметил его восторженный взгляд Файнгелеринт.

— Я ничего... так...— смутился мальчик.— А можно потрогать? — несмело спросил он, кивнув на автомат.

— Отчего же, пожалуйста.

— Вот бы мне такое выдали! — мечтательно сказал Ваня, примеряя ремень автомата к своему плечу и пытаясь заткнуть за пояс маузер.

— Выдадут, обязательно! — весело отозвался Савватеев. — Только твой поясок, Ванюша, действует не хуже автомата.— И, вытащив блокнот, стал незаметно, исподволь набрасывать в нем что-то карандашом.

Савватеев до войны учился в художественном училище и теперь, воспользовавшись свободной минутой, старался запечатлеть юного подпольщика с автоматом. Быть может, эта беглая зарисовка и была далека от совершенства, но главные черты оригинала художник все же уловил: вихрастая голова, большие пытливые глаза, приоткрытый рот, острый подбородок, чуть вздернутый нос довольно точно передавали и внешний облик Титка и черты его характера — смелость, решительность.

На прощание Ваня получил очередную пачку листовок и газет.

Титок уложил их в свой заветный пояс, привычным движением перепоясал себя им и тронулся в обратный путь.

На следующий день у полицейских в Полоцке снова прибавилось работы. Они в который уже раз

вновь неистово скребли заборы, афишные тумбы, стены, сдирая с них листовки.

— Дяденька! — подошел Ваня к полицаю, который никак не мог выскрести остатки газетного заголовка «Поздравляем с 25-й годовщиной Октября». — Что это вы делаете?

— А тебе что, щенок? — обернулся полицай.

— Может, поглядеть, кто этим делом занимается? — предложил Ваня. — Я могу. Битте-дритте!

Полицейский вскинул на мальчика свои бычьи глаза и расплылся в улыбке:

— Дело, пацан! Подкарауль их, сукиных сынов. Вешать будем — тебе за веревочку дадим подергать, идет? Ха-ха-ха...

— А не обманете, дяденька?

— Вот те крест!

— Ну, так за мной не станет! — Ваня многозначительно подмигнул полицаю. — Уговор дороже денег.

7

— Вот что, Ванюша! — сказал Савватеев, встретившись со своим юным помощником в штабе отряда в Дмитровщине, куда вновь пришел Титок. — Бери эту пачку листовок. Их надо передать сестричкам, понято?

— Есть, товарищ начальник разведки! — вытянулся в струнку Титок.

— Ладно! — дружески хлопнул его по плечу Савватеев. — Вольно! Слушай лучше, что я тебе скажу. А потом передашь Вере и Наде.

По указанию Савватеева девочки с первых же дней работы в столовой внимательно присматривались к военнопленным, из которых гитлеровцы сформировали охранный батальон, изучали их настроения. Вера и Надя видели, что многие из этих людей хотят, но не знают, как избавиться от службы врагу. Конечно, они не могли не задумываться над своей судьбой, над своим будущим. Они слышали, знали, что весь советский народ ведет смертельный бой с захватчиками на фронтах и в тылу. Почти ежедневно охранникам приходилось разбирать изувеченные платформы с пушками и танками, таскать в госпитали раненых солдат и офицеров, снятых с разгромленных партизанами

поездов. Они читали приказы немецкого командования о том, что за головы командиров партизанских бригад и отрядов будут выдаваться большие награды. И это говорило им, что уже не маленькие группы, а большие массы людей борются где-то здесь совсем рядом, чтобы скорее изгнать оккупантов с родной земли.

Однажды вечером, закончив чистку котлов толченым кирпичом, Вера и Надя торопились домой. Возле кухни на бревнах сидели и спорили о чем-то трое военнопленных. Сестры замедлили шаги, прислушались.

— Ладно, ребята, потише! — остановил спорщиков третий.— Услышит кто-нибудь, тебе, Генка, несдобровать. Пошли от греха подальше.

Генка! У Веры сильно забилось сердце. Генка — это Геннадий Тищенко, бывший паровозный кочегар из Донбасса. Девочкам давно казалось, что этот парень сильнее других переживает свой позор. Но «казалось» — это еще не факт. Если он действительно правдив, чистосердечен, то это именно такой человек, какой им нужен. Через него можно попытаться воздействовать и на других. Но заговорить с ним сестры не решались. А вдруг Тищенко — провокатор? Могло ведь быть и такое. Надя была настроена более оптимистически, чем сестра, и более решительно предлагала откровенно поговорить с Геннадием. Однако Вера не хотела рисковать. И сестры решили терпеливо ждать случая, который подтвердил бы, что Геннадию можно верить.

— Ух, девчонки, здрасте! — глубоко и часто дыша, воскликнул прибежавший к сестрам Титок, стирая рукавом со лба крупные капли пота. — Привет вам от дяди Гриши и вот... Погодите, сейчас! — И, торопливо вытянув из-под рубашки свой знаменитый пояс, передал девушкам листовки с обращением к военнопленным, охранявшим станционные склады и депо в Полоцке.

«Раньше мы тебя считали хорошим человеком, — гласило это обращение. — Может быть, ты и был таким. Теперь ты продался за немецкий мундир с железными пуговицами, за краюху хлеба и глоток самогона. Опомнись, пока не поздно. Вернись к народу. Организуй диверсии там, где ты поставлен охранять

добро врага, иди в лес, и ты получишь возможность с оружием в руках снять с себя пятно предательства. Мужественно смотри в глаза жизни. У тебя есть возможность стать еще человеком советской земли.

Командование партизанской армией».

Эти листовки охранники находили в своих шинелях. Интересно, кто и как на эти листовки реагирует? Однако излишнее любопытство опасно. Веру и Надю особо интересовало отношение Геннадия к листовкам. Что у него на душе?

Вечером, уходя домой, Вера увидела Геннадия Тищенко возле глухой стены казармы. Не замечая идущую мимо Веру, отвернувшись к стене, он читал какую-то бумажку. Вера насторожилась. Ей не трудно было догадаться, что это за бумажка. Ведь она сама утром положила ее Геннадию в карман шинели. Что он сделает? Побежит докладывать начальству? Бросит? Или...

Остановившись, Вера смотрела. Нет, Геннадий не бросил листовку. Задумавшись на минутку, он смял ее в руке, а потом, разгладив ладонью, положил в задний карман брюк. Вере многое стало понятно. Ведь эта листовка — одновременно и пропуск в партизанскую зону. Но все же и сейчас заговорить с Тищенко ей было страшновато. Она прошла мимо него, не сказав ни слова. А он долго смотрел ей вслед. Хотел заговорить. Каким-то чувством угадывал, что листовка в кармане его шинели — дело рук, видимо, этих неприметных с виду девчонок. Спросить? Но Вера уже ушла. Да и рискованно спрашивать напрямик. Мало ли что... Он резко повернулся и пошел в казарму.

На другой день Геннадий дежурил на кухне — колол дрова, топил плиту. Вера чистила картошку, а Надя перебирала горох для супа. Все были заняты своим делом и, казалось, не проявляли друг к другу никакого интереса. Когда повар с Надей ушли на склад за продуктами, Тищенко решил заговорить с Верой. Ему вообще нравилась эта девушка, и он искал случая поближе познакомиться с ней.

— У нас, на Украине знаешь сколько теперь вишен? — не то спросил, не то просто сказал он.

— Много? — Вера бросила в его сторону испытующий взгляд.

— Ого! — ответил он, подбрасывая в плиту по-

ленья. — Садочки, мои садочки! — вздохнул Геннадий.— Садок вишневый коло хаты...— прочел он строчку из стихотворения.

— И у тебя возле дома тоже есть вишневый сад? — поинтересовалась Вера.

— Еще какой сад! — с готовностью ответил он. — Весною как зацветут — все вокруг белым цветом осыпано, будто снегом. Красотища! — И добавил мечтательно, после короткого раздумья: — Все это было, Верочка, а теперь... все, гады, небось уничтожили.

Вера вздрогнула. Он назвал фашистов гадами? Может, показалось? Нет-нет, в самом деле назвал.

— Что ты сказал? — переспросила она.

— Я? Я ничего не сказал... Война, говорю, не до садов.

— Да-да, конечно, — согласно кивнула Вера, продолжая сосредоточенно чистить картошку и бросать на собеседника настороженные взгляды.

А он, словно желая рассеять ее сомнения в его преданности своим хозяевам, стал вдруг говорить о том, что если бы весь народ понимал всю пользу от новых хозяев, то война бы давно кончилась и всех отпустили бы домой.

— А про гадов забудь, Верочка, ладно? Забудь! — он с мольбой посмотрел ей в глаза. — Если узнают — сама знаешь... Капут! Не выдавай меня, девочка. Охота еще домой вернуться. К мамаше, к вишенкам, на свой паровоз...

— И ты меня не выдавай, хорошо? — прошептала она.

— А тебя-то чего? — Геннадий недоуменно пожал плечами.

— Скоро узнаешь.

Но только через несколько месяцев, в январе сорок третьего года, сестры нашли с Тищенко общий язык. Он признался, что мечтает вырваться из плена, уйти к партизанам. Девушки обещали помочь парню, но просили с побегом повременить. Они посоветовали ему осторожно изучать настроение товарищей — может, еще кто-нибудь из них жаждет вырваться из фашистской неволи.

И Геннадий Тищенко стал как бы внештатным инструктором «Неуловимых» в батальоне, охраняющем железнодорожный узел Полоцк.

8

Капитан Шульц метался в бешенстве по кабинету и, не помня себя от гнева, исступленно кричал на своего помощника Берца:

— Вы понимаете, лейтенант, что это значит?

— Так точно, господин капитан! — лепетал перепуганный насмерть Берц.

— Это же чудовищно! — не мог успокоиться капитан. — Послать в лес на заготовку дров машину с этими красными Иванами — и ни дров, ни машины, ни людей. Это как понимать, лейтенант?

— Не знаю, господин капитан... — лейтенант бледнел, испуганный начальственным гневом.

У Шульца, под командой которого был батальон, сформированный из военнопленных, имелись все основания метать молнии.

Ранней весной, как только стаял снег, начали посылать охранников на заготовку дров. Несколько таких поездок обошлось вполне благополучно. Военнопленные аккуратно валили лес, распиливали бревна, складывали дрова в штабеля, и грузовики вывозили топливо в город.

И вдруг...

Это было в один из апрельских дней.

Группа охранников отправилась в очередной рейс за дровами. Никто не заметил, что ефрейтор Тищенко, провожая уезжающих на заготовку топлива, перешептывался о чем-то со старшим группы и тот понимающе кивал головой.

И вот эта группа не вернулась из леса. Ефрейтор Тищенко с превеликим огорчением доложил об этом командиру батальона. Этой вестью и был разъярен капитан Шульц.

«Исчезновению» группы лесорубов и грузовика предшествовала огромная подготовительная работа. Узнав о том, что немцы начали посылать охранников на заготовку дров, начальник разведки бригады Кораблев передал через Савватеева сестрам Попковым и Геннадию задание: сделать все возможное, чтобы охранники перебегали к партизанам. Прежде всего Геннадию советовали «выслуживаться» перед своими хозяевами так усердно, чтобы завоевать их полное доверие. Донецкий кочегар отлично понял свою задачу,

и за «верную службу новому порядку» его произвели в ефрейторы и назначили ответственным за заготовку и вывозку дров. Геннадий умело использовал свое новое положение в батальоне, находил единомышленников. В результате ему и удалось скомплектовать группу, которая целиком, вместе с машиной и шофером, ушла к партизанам.

— Вот что, лейтенант, — приказал командир батальона, собравшись с мыслями после жестокого удара по его престижу и самолюбию.

— Слушаюсь, господин капитан!

— Ефрейтор Тищенко, конечно, преданный человек, — продолжал Шульц. — Но надо будет все же строго предупредить его, чтобы он внимательно подбирал личный состав для посылки в лес. Да, и еще вот что, — добавил он. — На всякий случай пошлите с этими Иванами и пару-другую настоящих немцев с ручными пулеметами. Вы меня понимаете, лейтенант? На всякий случай.

— Слушаюсь, герр капитан!

— Выполняйте, лейтенант!

И как же было потрясено немецкое командование, когда очередной рейс охранников за дровами под недреманным оком истинных арийцев закончился трагически. Зондеркоманда, выехавшая на место для расследования таинственного исчезновения второй группы заготовщиков дров, пропавшей вместе с машиной и ручными пулеметами, обнаружила в лесу лишь трупы гитлеровцев, посланных с охранниками «на всякий случай». Как заявил на допросе ефрейтор Тищенко, по его мнению, охранники стали жертвой налета партизан и попали к «бандитам» в плен.

9

Гестаповские ищейки стали присматриваться к каждому шагу Геннадия, к каждому движению Веры и Нади. Видимо, кто-то донес оккупантам, что эти молодые люди слишком уж подозрительно перешептываются, переглядываются. Над жизнью подпольщиков нависла серьезная опасность. Нужно было вовремя вывести их из-под удара. Приказ об этом поступил. Но прежде чем уйти, они должны были, согласно этому приказу, оставить врагу «памятный подарок».

По указанию командования «Неуловимых», Савватеев дал тогда Ване задание, самое, пожалуй, сложное и трудное из всех, какие были у Вани прежде: доставить в Полоцк четыре мины для подрыва бензосклада и депо, а затем потихоньку вывести из казармы группу Геннадия, сестер Попковых, их родных и доставить всех в штаб бригады, в Дмитровщину.

Мины эти были магнитные, замедленного действия. Вера решила две мины передать отцу Вани, также связанному с партизанами, — он работал на бензоскладе, а там было около тридцати полутонных бочек с горючим, остальные две предназначались для Геннадия, охранявшего паровозное депо. В условленный день и час Ваня вместе с отцом положил мины под бочки, Геннадий — в котлы двух только что отремонтированных паровозов. До взрыва осталось часа три, можно было успеть скрыться. Ваня заранее подыскал в лесу глухое местечко, сообщив точные координаты своим полоцким товарищам. С разных сторон начали пробираться к лесу Вера и Надя с матерью, Ваня со своими родителями. Пришел Геннадий и вместе с ним еще трое военнопленных.

Все в сборе. В путь. На Дмитровщину!

Вслед за Ваней — отличным знатоком здешних мест — потянулись остальные. Шествие замыкали четверо военнопленных.

— Скоро уж, давайте присядем, послушаем прощальный салют,— предложил Ваня своим спутникам, посмотрев на часы.

Это было километрах в шести от города. Вечерело, и сквозь густую зелень деревьев едва пробивались темно-серые блики уходящего дня.

Глухие взрывы — один за другим. Ясно — это бочки с бензином. Вслед за ними — скрежет железа. Это загрохотали паровозные котлы.

— Порядок, — облегченно вздохнул Геннадий. — Ну, герой,— обратился он к Ване, — веди дальше, пошли.

Ранним летним утром юные подпольщики доложили Кораблеву о выполнении боевого задания.

Всем нашлось дело в бригаде «Неуловимых». Матери девочек и Вани шили белье, чинили бойцам одежду, варили нехитрый партизанский обед в лесной кухне. Вера, Надя, Ваня и Геннадий со своими това-

рищами были зачислены приказом комбрига бойцами в один из отрядов.

Савватеев сдержал свое слово. Торжественно вручил он Ване Титову автомат. Мечта Вани сбылась. Теперь он стал одним из лучших разведчиков, и Савватеев не мог нахвалиться своим юным боевым помощником и другом.

Недавно на партизанском слете в Полоцке старые бойцы и соратники встретились вновь. Среди них была и Вера. Она все такая же тихая, скромная. Конечно, очень заметен возраст. Первые, едва заметные морщинки пролегли в уголках глаз. У нее двое детей, она часто бывает в школе, где учится ее старшая девочка, и рассказывает ребятам о своих юных годах. О себе она почти ничего не говорит. Больше всего она рассказывает о Ване — о его бесчисленных походах в район Песчанки, о его знаменитом «почтальонском» поясе.

* * *

Юные боевые друзья своей беззаветной борьбой с темными силами фашизма заслужили всенародное признание. Пусть они будут счастливы! Пусть никогда ни им, ни их детям и внукам не придется больше испытать то, что выпало на долю их детства в годы войны.

Пусть мир вечно царит на всей земле!

Пусть дети выращивают цветы, и пусть над ними вечно сияет безоблачное небо.

СОДЕРЖАНИЕ

Михаил Сидорович Прудников

РАЗВЕДЧИКИ «НЕУЛОВИМЫХ»

Редакторы Ю. Ф. Стрехнин, И. В. Черняева
Художественный редактор Н. Л. Юсфина
Технический редактор Т. Ф. Клапцова
Корректор В. Л. Данилова

Сдано в набор 4/VI-71 г. Подп. к печ. 24/I-72 г. Формат бум. 84×108[1]/32. Физ. п. л. 9.0+8 акл. Усл. п. л. 15,96. Уч.-изд. л. 15,92. Изд. инд. ХД-215. А03014. Тираж 100 000 экз. Цена 67 коп. в перепл. Бум. № 2.

Издательстао «Соаетская Россия», Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министроа РСФСР, г. Электросталь Московской области, Школьная, 25. Заказ № 2391.

67 коп.

Советская Россия

Встреча партизан бригады «Неуловимых» в окрестностях города Полоцка в 1959 году. В центре — Герой Советского Союза М. С. Прудников.